59
К-424

БЛІОТЕКА ЗНАНІЯ

И 39/670

ПРОИСХОЖДЕНІЕ ДОМАШНИХЪ ЖИВОТНЫХЪ

Проф. К. Келлера

Съ 28 рисунками

Б-ка КазГУ

ИЗДАНІЕ П. П. СОЙКИНА. С.-ПЕТЕРБУРГЪ
1913

Безплатное приложеніе къ журналу «ПРИРОДА и ЛЮДИ» за

1913 г.
Книга 1.

59.
К-42
фб
39/670

БИБЛІОТЕКА ЗНАНІЯ

Проф. д-ръ К. Келлеръ

ПРОИСХОЖДЕНІЕ НАШИХЪ ДОМАШНИХЪ ЖИВОТНЫХЪ

Переводъ М. А. ЭНГЕЛЬГАРДТА

Подъ редакціей,
съ предисловіемъ и примѣчаніями
А. М. НИКОЛЬСКАГО
ординарнаго профессора Харьковскаго Университета

Съ 28 рисунками

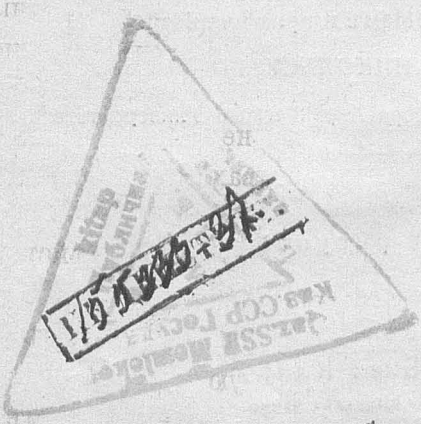
Б-ка КазГУ
kitəbqanı kazgu

ИЗДАНІЕ П. П. СОЙКИНА. С.-ПЕТЕРБУРГЪ
1913

Названіе оригинала:

Die Stammesgeschichte
unserer Haustiere
von
Prof. Dr. C. Keller.
Leipzig 1909.

Всесоюзная
Библиотека
имени
В. И. Ленина
24877-43



2007466063

Тип. П. П. Сойкина, СПБ. Стремянная, № 12

ПРЕДИСЛОВІЕ РЕДАКТОРА.

Среди многихъ даже низшихъ животныхъ существуетъ наклонность заключать союзы съ другими животными съ цѣлью взаимной помощи. Такъ, ракъ-отшельникъ вступаетъ въ союзъ съ актиніей и носитъ ее на себѣ, замѣняя ей ноги; актинія же въ свою очередь защищаетъ рака своими крапивными нитями отъ нападенія нѣкоторыхъ враговъ. Муравьи содержатъ у себя въ гнѣздахъ тлей, доставляя имъ пріютъ и пропитаніе, взамѣнъ чего тли снабжаютъ муравьевъ сладкой жидкостью, выдѣляемой ихъ кишечнымъ каналомъ. Союзы такого характера, т. е. основанные на началахъ взаимной пользы, получили названіе симбіоза. Къ явленіямъ симбіоза мы можемъ причислять и взаимныя отношенія человѣка и домашнихъ животныхъ.

Въ дикой природѣ животныя не могли бы водиться въ такихъ несмѣтныхъ количествахъ, въ какихъ человѣкъ развелъ рогатый скотъ, лошадей и другихъ домашнихъ животныхъ. Очевидно, человѣкъ содѣйствуетъ процвѣтанію этихъ видовъ животныхъ на счетъ другихъ, не подвергающихся прирученію, взамѣнъ чего получаетъ отъ нихъ ту или другую пользу.

Правда, въ такомъ сожительствѣ нѣкоторымъ домашнимъ животнымъ приходится платить человѣку

Библиотека КазГУ

за его содѣйствіе собственной шкурой, но это обстоятельство не мѣняетъ дѣла, и такого рода союзъ все-таки сохраняетъ характеръ симбіоза съ нѣкоторыми только особенностями во взаимныхъ отношеніяхъ.

Поэтому изученіе исторіи прирученія домашнихъ животныхъ представляетъ интересъ чисто въ естественно-историческомъ отношеніи. Эта исторія даетъ намъ возможность познакомиться съ самыми разнообразными формами симбіоза человѣка и домашнихъ животныхъ, отъ первобытныхъ отношеній дикаря къ полудикой собакѣ, приходящей къ его жилищу обгладывать выброшенныя кости, до сложныхъ отношеній коннозаводчика къ его породистымъ питомцамъ, полученнымъ путемъ долгаго подбора производителей.

Наибольшій же интересъ исторіи прирученія домашнихъ животныхъ сосредоточивается, однако, въ культурно-исторической роли этого прирученія. Исторія эта есть ни больше, ни меньше, какъ одна изъ первыхъ и наиболѣе важныхъ главъ общей исторіи человѣческой культуры. Нѣкоторыя домашнія животныя, какъ, напр., собака, играли роль перваго орудія этой культуры и, какъ выразился покойный проф. М. Н. Богдановъ, вывели первобытнаго человѣка въ люди.

Въ русской литературѣ не было до сихъ поръ сочиненія, въ которомъ въ сжатой формѣ, но вполнѣ научно, было бы изложено происхожденіе домашнихъ животныхъ. Этотъ пробѣлъ заполняетъ предлагаемый нами читателямъ переводъ прекрасной книги проф. К. Келлера.

Проф. А. Никольскій.

Харьковъ.
1912 г.

ПРЕДИСЛОВІЕ АВТОРА.

Это сочиненіе, предназначенное для широкихъ круговъ публики, обязано своимъ происхожденіемъ любезному приглашенію издателя составить одинъ изъ томиковъ серіи „Aus Natur und Geisteswelt“ („Изъ природы и духовнаго міра“). Это—попытка дать возможность неспеціалисту составить себѣ точное представленіе объ исторіи происхожденія и распространенія нашихъ домашнихъ животныхъ. Насколько могу судить, въ послѣднее время оживился интересъ къ занимающему насъ предмету; да онъ и заслуживаетъ вниманія образованныхъ круговъ, такъ какъ пріобрѣтеніе домашнихъ животныхъ представляетъ замѣчательный процессъ, не только съ научной точки зрѣнія, но и въ практическомъ отношеніи пріобрѣло культурно-историческое значеніе первостепенной важности.

Филогенезъ домашнихъ животныхъ, еще нѣсколько десятилѣтій тому назадъ одѣтый густымъ мракомъ, приводилъ когда-то въ движеніе не одно перо и вызывалъ много споровъ. Теперь мы выбрались въ спокойное русло, трудный предметъ уяснился. Въ этой области, относительно которой пятьдесятъ лѣтъ тому назадъ самъ Дарвинъ высказывался пессимистическ

и думалъ, что окутывающій ее мракъ никогда не разсѣется, мы насчитываемъ солидную сумму научныхъ знаній, которыя можемъ считать надежнымъ пріобрѣтеніемъ. На этомъ основаніи я рѣшаюсь изложить передъ болѣе широкимъ кругомъ читателей главнѣйшія данныя относительно зоологическаго происхожденія нашихъ домашнихъ животныхъ.

Проф. д-ръ К. Келлеръ.

Цюрихъ, ноябрь 1908.

I. Исторія современнаго изслѣдованія домашнихъ животныхъ.

Современная зоологія давно уже перестала довольствоваться простымъ опредѣленіемъ отношеній формъ животныхъ организмовъ, какъ это было еще въ первой половинѣ XIX столѣтія. Эта чисто внѣшняя работа необходима, но не является конечной цѣлью. Дѣятельность біологическаго изслѣдованія приняла болѣе историческій характеръ; стараются уяснить себѣ ходъ развитія органическаго міра, и для нѣкоторыхъ группъ животныхъ онъ извѣстенъ, по крайней мѣрѣ, въ главныхъ чертахъ, иногда даже прослѣженъ въ деталяхъ.

Палеонтологическая исторія позвоночныхъ животныхъ, ряды развитія пережевывающихъ жвачку копытныхъ и свиней, но въ особенности исторія современной лошади, родословную которой удалось прослѣдить, такъ сказать, безъ пробѣловъ, до древней третичной эпохи, —представляютъ классическіе образцы подлинной исторіи животныхъ.

Внесеніе историческихъ моментовъ—разумѣется, понимаемыхъ въ самомъ широкомъ смыслѣ слова—въ науку о животныхъ естественно должно было оказать плодотворное вліяніе на изученіе тѣхъ, обильныхъ не столько видами, сколько особями, обществъ животныхъ, которыя отказались отъ свободной жизни и въ качествѣ *домашнихъ животныхъ* тѣснѣе примкнули къ человѣку. Исторія домашнихъ животныхъ представляетъ, сравнительно съ общей исторіей животныхъ, особенный характеръ въ томъ смыслѣ, что открываетъ намъ относительно позднія фазы и какъ бы поднимаетъ нить тамъ, гдѣ палеонтологическое изслѣдованіе должно было бросить ее. Филогенетическіе методы, съ помощью которыхъ работаетъ исторія домашнихъ животныхъ, болѣе многочисленны, чѣмъ вообще въ зоологіи, и въ общемъ очень надежны. Они дали возможность, исходя изъ современности,

проникнуть по слѣдамъ назадъ, въ доисторическое время, чтобы, въ концѣ концовъ, добраться до дикой родоначальной формы, ибо во всѣхъ случаяхъ мы должны отыскивать исходный пунктъ среди свободно живущихъ видовъ, существовавшихъ вмѣстѣ съ человѣкомъ. Такъ какъ за время развитія домашняго животнаго нерѣдко происходили глубокія превращенія и, такимъ образомъ, первоначальные признаки являются до нѣкоторой степени стертыми, то анатомическій анализъ нуждается въ контролѣ со стороны зоогеографическихъ и культурно-историческихъ вспомогательныхъ методовъ.

Конечная цѣль исторіи домашнихъ животныхъ есть опредѣленіе дикой родоначальной формы нашихъ ручныхъ расъ и географическое установленіе очага образованія каждаго вида домашнихъ животныхъ. Разъ мы уяснили вопросъ объ очагѣ образованія, передъ нами возникаетъ дальнѣйшая задача:—прослѣдить пути, по которымъ происходило распространеніе въ различныя области земли. Послѣднее началось не въ историческую эпоху,—уже въ доисторическое время оно приняло значительные размѣры.

Такъ какъ домашнія животныя принадлежатъ къ живому инвентарю человѣка и составляютъ чрезвычайно важную часть его культурнаго достоянія, то ясно безъ дальнѣйшихъ разсужденій, что пути ихъ странствованій совпадаютъ съ путями странствованій человѣка. Поэтому факты распространенія домашнихъ животныхъ часто бросаютъ яркій свѣтъ на пути переселенія человѣческихъ расъ. Если мы видимъ, напр., что Африка съ ея необычайно богатымъ міромъ высшихъ животныхъ получила, тѣмъ не менѣе, въ древнѣйшія времена изъ Азіи важнѣйшихъ домашнихъ животныхъ, каковы: рогатый скотъ, свинья, коза, верблюдъ и нѣкоторыя расы овецъ,—то мы вправѣ заключить отсюда, что Африка въ различныя времена наводнялась волнами азіатскихъ народовъ.

Потребовалось необычайно долгое время, чтобы исторія происхожденія домашнихъ животныхъ получила право гражданства въ научныхъ, особенно въ зоологическихъ кругахъ. Правда, уже въ XVIII столѣтіи дѣлаются единичныя попытки. Линней указалъ біологіи новые пути и поставилъ ее на почву строгаго наблюденія природы. Въ своей безсмертной „Systema naturae“ онъ внесъ порядокъ въ хаосъ живыхъ формъ и отнесся съ любовнымъ вниманіемъ также къ міру домашнихъ животныхъ. Но объ эволюціи домашнихъ животныхъ онъ не высказываетъ ничего точнаго. Для этого еще не пришло

время. Вопросъ этотъ столь сложенъ, что доступный уже въ то время матеріалъ оказывался совершенно недостаточнымъ. Требовалось географическое изслѣдованіе чуждыхъ областей земли, прежде чѣмъ можно было приступить къ обсужденію такихъ вопросовъ.

Затѣмъ извѣстное положеніе Линнея: „Species constantissimae sunt“ („виды въ высшей степени постоянны“) должно было отнять почву у всякихъ дальнѣйшихъ разсужденій. Домашнее животное съ самаго начала создано было домашнимъ животнымъ, какъ любили выражаться позднѣйшіе послѣдователи великаго учителя. Линней удовольствовался тѣмъ, что помѣстилъ отдѣльные виды домашнихъ животныхъ въ свою систему и снабдилъ ихъ приличными видовыми названіями. Его номенклатура сохранилась до сихъ поръ, хотя теперь уже не приходится говорить попросту о Canis familiaris, или Bos taurus, или объ Ovis aries, объ Equus caballus и т. д. Всѣ эти предполагаемые виды содержатъ въ своей крови разные элементы, которые должны быть выводимы отъ совершенно различныхъ дикихъ видовъ.

Психологически интересно, что Линней иногда разрываетъ узы теоріи и, по крайней мѣрѣ, въ одномъ случаѣ высказывается въ пользу происхожденія ручной формы отъ дикой. Рѣчь идетъ здѣсь о примитивной формѣ домашняго голубя (Columba domestica), въ которомъ онъ усматриваетъ ручную форму дикаго голубя (Columba oenas). Другія расы онъ считаетъ, въ виду ихъ значительныхъ морфологическихъ различій, хорошими видами (Columba gutturosa, C. dasypus, C. laticauda, C. gyratrix, и т. д.)

Другіе естествоиспытатели, — какъ Бюффонъ, Палласъ и Гюльденштедтъ,—не заходятъ дальше общихъ, не достаточно опредѣленныхъ, воззрѣній.

XIX вѣкъ въ началѣ не далъ хода проблемѣ эволюціи домашнихъ животныхъ, но затормозилъ въ первой половинѣ всякое болѣе или менѣе глубокое изслѣдованіе. Главную вину въ этомъ надо приписать Ж. Кювье, оказавшему такія громадныя услуги въ другихъ областяхъ естествознанія. Для него измѣнчивыя, пластическія въ отношеніи формъ домашнія животныя были неудобны; они не подходили къ его теоретическимъ научнымъ воззрѣніямъ, согласно которымъ виды животныхъ были постоянными въ отношеніи формъ.

Читая его знаменитое „Discours préliminaire“, служащее введеніемъ къ его большому труду „Ossements fossiles“, не

знаешь, чѣмъ болѣе восхищаться:—великолѣпнымъ языкомъ или массой остроумныхъ мыслей. Но то обстоятельство, что онъ безъ всякой объективности и совершенно насильственнымъ образомъ умаляетъ факты измѣнчивости нашихъ домашнихъ животныхъ и старается выставить эти факты лишенными значенія, производитъ положительно тягостное впечатлѣніе на зоолога, свѣдущаго въ сравнительной анатоміи. Удивляешься, какъ могъ великій творецъ сравнительной анатоміи такъ безцеремонно расправляться съ фактами, которые должны быть извѣстны даже профану.

Въ свое время Кювье добился того, что изслѣдованіе фактовъ, касающихся исторіи домашнихъ животныхъ, фактовъ, которые позднѣе играли столь важную роль въ ученіи Дарвина, было въ теченіе полувѣка отодвинуто на задній планъ. По иронiи судьбы именно на родинѣ Кювье впервые проявился сильнѣйшій протестъ противъ его воззрѣній. Жоффруа Сентъ-Илеръ Младшій выступилъ съ убѣдительными доказательствами по всей линіи противъ ученія о неизмѣняемости видовъ. Мнимое постоянство вида (fixité de l'espéce) опровергается чрезвычайно широкой измѣнчивостью видовъ животныхъ, прирученныхъ человѣкомъ. Указывая на это, Сентъ-Илеръ вполнѣ справедливо подчеркиваетъ то, что уже Линнею пришлось допустить для домашняго голубя,—а именно, что отдѣльныя расы одного и того же вида обнаруживаютъ иногда морфологическія особенности, которыя равносильны особенностямъ зоологическаго вида или даже рода.

Но какъ же поступили естествоиспытатели,—жалуется Исидоръ-Жоффруа Сентъ-Илеръ,—когда они столкнулись съ трудностью описать признаки домашнихъ животныхъ? Они просто закрыли глаза или, по крайней мѣрѣ, оставили факты въ тѣни и прошли мимо нихъ, словно бы ихъ вовсе не было! Отрадно видѣть такое откровенное и настойчивое изобличеніе недостатковъ изслѣдованія.

Затѣмъ названный авторъ попытался опредѣлить происхожденіе различныхъ видовъ домашнихъ животныхъ. Онъ показалъ, что прирученіе дикихъ формъ было первымъ шагомъ къ одомашненію, что процессъ одомашненія для отдѣльныхъ видовъ продолжался не одинаково долгое время, такъ что мы должны различать болѣе новыхъ и болѣе древнихъ домашнихъ животныхъ. Уже въ доисторическое время были сдѣланы важнѣйшія пріобрѣтенія; кое-что прибавила и историческая эпоха. Болѣе новыя домашнія животныя лишь

незначительно удалились отъ своей дикой родоначальной формы; всего сильнѣе измѣнились древнѣйшія,—важное положеніе, правильность котораго до сихъ поръ остается неоспоримой.

Родиной важнѣйшихъ, именно наидревнѣйшихъ домашнихъ животныхъ И.-Жоффруа Сентъ-Илеръ считалъ сосѣдній Азіатскій материкъ. Это воззрѣніе высказывалось уже въ XIX столѣтіи, но было имъ особенно подчеркнуто. Здѣсь онъ, очевидно, заходилъ черезчуръ далеко, потому что и другія области земли были, какъ теперь доказано, очагами образованія древнихъ и важныхъ домашнихъ животныхъ.

Хотя онъ правильно судилъ объ общихъ явленіяхъ, но въ спеціальныхъ случаяхъ, надо сознаться, недостаточно полагался на сравнительно-анатомическія данныя и черезчуръ увлекался культурно-историческимъ методомъ. Поэтому многіе отдѣльные его выводы не совсѣмъ безупречны. Это, вѣроятно, чувствовалъ и Дарвинъ, такъ какъ въ своей книгѣ „О происхожденіи видовъ“ онъ выражается нѣсколько пессимистически, говоря: „Происхожденіе большинства нашихъ домашнихъ животныхъ, конечно, всегда останется невыясненнымъ“. Въ настоящее время дѣло, однако, обстоитъ такъ, что намъ нѣтъ надобности проявлять такую безнадежность въ этомъ пунктѣ.

Совершенно новый и неожиданный толчокъ дали изслѣдованія доисторическаго періода. Открытіе свайныхъ построекъ доставило матеріалъ относительно домашнихъ животныхъ чрезвычайно отдаленнаго періода, бросившій чрезвычайно яркій свѣтъ на расовый составъ домашнихъ животныхъ европейской первобытной эпохи.

Людвигъ Рютимейеръ, анатомъ съ громадными познаніями, соединявшій педантическую добросовѣстность съ геніальнымъ даромъ комбинаціи, создалъ изъ этого матеріала свою знаменитую „Фауну свайныхъ построекъ“, въ которой явился научнымъ основателемъ современной зоологіи домашнихъ животныхъ. Въ 1862 г. онъ первый подтвердилъ на спеціальномъ примѣрѣ правильность положенія Дарвина о способности органическихъ формъ къ измѣненію, показавъ примитивный характеръ домашнихъ животныхъ этого отдаленнаго періода сравнительно съ современными. Дарвинъ съ своей стороны постоянно съ величайшимъ интересомъ слѣдилъ за результатами изслѣдованія Рютимейера. Не такъ велики заслуги базельскаго зоолога въ дѣлѣ установленія очаговъ возникновенія и путей странствованія отдѣльныхъ домашнихъ живот-

ныхъ; для этого въ то время недоставало внѣ-европейскаго матеріала, который долженъ быть принятъ въ соображеніе при рѣшеніи подобныхъ вопросовъ. Пятьдесятъ лѣтъ тому назадъ азіатскій міръ домашнихъ животныхъ былъ извѣстенъ лишь въ общихъ чертахъ, африканскій—отчасти весьма неудовлетворительно. Но Рютимейеръ проложилъ путь, указавъ, въ какомъ направленіи надо искать рѣшеніе проблемы происхожденія домашнихъ животныхъ Европы. А для двухъ важныхъ домашнихъ животныхъ, именно рогатаго скота и свиньи, онъ и въ деталяхъ указываетъ на родоначальныя ихъ формы. Онъ вполнѣ правильно производитъ европейскій рогатый скотъ отъ двухъ различныхъ элементовъ, изъ которыхъ одинъ туземный и коренится въ Bos primigenius, тогда какъ другой—внѣ-европейскаго происхожденія, но въ то время могъ быть прослѣженъ только до сѣверной Африки. Для свиньи онъ въ согласіи съ Натузіусомъ нашелъ двуплеменное происхожденіе: одна родоначальная форма европейская, другая—азіатская.

Какъ плодотворенъ былъ этотъ періодъ изученія исторіи домашнихъ животныхъ, показываетъ сводная работа, которую Дарвинъ напечаталъ въ 1868 г. подъ заглавіемъ: „Измѣненіе животныхъ и растеній подъ вліяніемъ одомашненія“ [1]). Она даетъ полную картину эволюціи домашнихъ животныхъ, насколько ее можно было дать въ то время, и высказываетъ новыя идеи относительно нѣкоторыхъ наидревнѣйшихъ домашнихъ животныхъ (собака, курица, голубь).

Авторитетъ великаго англійскаго изслѣдователя сломилъ ледъ равнодушія къ домашнимъ животнымъ, и съ тѣхъ поръ филогеніи домашнихъ животныхъ стали посвящать усиленное вниманіе.

Въ Германіи, заслуга лучшаго освѣщенія доисторической стороны вопроса принадлежитъ, главнымъ образомъ, Альфреду Нерингу; его изслѣдованія дилювіальныхъ лошадей, древнихъ собакъ Стараго Свѣта и Америки, доисторическихъ домашнихъ свиней сѣверной Германіи многое уяснили. Устроенное имъ собраніе домашнихъ животныхъ въ Берлинской сельскохозяйственной школѣ является самымъ значительнымъ, какое только существуетъ въ настоящее время.

Своеобразнымъ учрежденіемъ является знаменитый питом-

---

[1]) На русскій языкъ переведена подъ заглавіемъ: „Прирученныя животныя и воздѣлываемыя растенія“. *Пер.*

никъ домашнихъ животныхъ при университетѣ въ Галле, основанный въ 1874 г. Юліусомъ Кюномъ съ цѣлью изслѣдованія проблемы происхожденія ихъ на физіологической почвѣ и уясненія зоологическаго родства посредствомъ скрещиванія ручныхъ видовъ съ различными дикими формами. Это учрежденіе и нынѣ поддерживается на широкой основѣ, и содержитъ, кромѣ туземныхъ расъ, также значительное число формъ домашнихъ животныхъ азіатскаго и африканскаго культурнаго міра. Данныя частью публикуются, частью же доставляютъ обширный и цѣнный матеріалъ, сберегаемый въ коллекціяхъ и еще ожидающій обработки.

На ряду съ этимъ мы видимъ отдѣльныхъ изслѣдователей, обрабатывающихъ монографически извѣстные виды домашнихъ животныхъ, съ цѣлью опредѣленія генетическихъ отношеній. Образцовое изслѣдованіе о нашихъ домашнихъ свиньяхъ далъ Германъ ф.-Натузіусъ. М. Вилькенсъ, Леопольдъ Адамецъ и К. К. Арнандеръ усердно занимаются изученіемъ европейскаго рогатаго скота, о происхожденіи котораго много спорили. Іейтелесъ, Вольдрихъ и Штудеръ разъяснили раннюю исторію домашнихъ собакъ, Марторелли— раннюю исторію домашней кошки. Заслуживающими признательности работами обязаны мы русскимъ ученымъ, особенно Черскому. Во Франціи идеи этой школы не были поддержаны зоологами, а были предоставлены зоотехникамъ. Въ области географіи домашнихъ животныхъ появились уже раньше замѣчательныя работы австрійскаго зоолога Л. Фицингера. Африканскихъ и азіатскихъ собакъ ближе изслѣдовалъ Максъ Зиберъ; Робертъ Мюллеръ сопоставилъ данныя о распространеніи домашнихъ животныхъ въ цѣломъ, а К. Ганъ развилъ новыя и оригинальныя идеи относительно ихъ хозяйственной географіи. Изъ болѣе новыхъ изслѣдователей Герману Крэмеру принадлежитъ заслуга установленія, на основаніи находокъ въ Виндониссѣ, въ римской эпохѣ Гельвеціи промежуточнаго звена между эпохой свайныхъ построекъ и новѣйшей. Его работы привели также къ цѣннымъ выводамъ о разведеніи домашнихъ животныхъ въ классической древности.

Наконецъ я, опираясь на свои собственныя изслѣдованія, попытался дать общую картину нашихъ современныхъ знаній о домашнихъ животныхъ въ двухъ моихъ работахъ: „Происхожденіе древнѣйшихъ домашнихъ животныхъ“ („Die Abstammung der ältesten Haustiere“, Zürich, 1902) и „Есте-

ственная исторія домашнихъ животныхъ“ („Naturgeschichte der Haustiere“, Berlin 1905).

Главный матеріалъ, на который мы опираемся, добытъ въ Европѣ. Гораздо скуднѣе матеріалъ, доставленный изъ менѣе доступныхъ областей другихъ материковъ. Однако многочисленныя географическія экспедиціи новаго времени доставляли новыя данныя, особенно въ отношеніи азіатскаго и африканскаго міра домашнихъ животныхъ.

Если бы какая-нибудь научная корпорація съ большими средствами могла рѣшиться со временемъ отправить обширную экспедицію для изслѣдованія домашнихъ животныхъ въ Азіи и Африкѣ, то безъ сомнѣнія, это принесло бы значительную пользу, такъ какъ нѣкоторые вопросы могутъ быть выяснены только изслѣдованіемъ мало доступныхъ областей. Заслуживаютъ признательности попытки, предпринятыя американцами въ Туркестанѣ, съ цѣлью удѣлить болѣе усиленное вниманіе остаткамъ домашнихъ животныхъ въ древнихъ слояхъ культурнаго періода.

II. Процессъ одомашненія животныхъ во времени.

Процессъ одомашненія животныхъ естественно связанъ съ существованіемъ человѣка; онъ началъ свои пріобрѣтенія въ очень ранній періодъ, проявлялъ на первыхъ стадіяхъ всю свою энергію, позднѣе же интенсивность его работы ослабѣла. Было бы совершенно ошибочно принимать для всѣхъ видовъ одинаковую древность домашняго состоянія.

Уже въ 1859 г. Исидоръ-Жоффруа Сентъ-Илеръ составилъ списокъ всѣхъ домашнихъ животныхъ и расположилъ ихъ въ послѣдовательный рядъ, соотвѣтствовавшій, по его мнѣнію, времени ихъ приученія. Онъ насчитываетъ 14 видовъ, которые были приручены уже въ доисторическую эпоху, именно: собака, кошка, лошадь, оселъ, свинья, верблюдъ, дромадеръ, коза, овца, рогатый скотъ, зебу, голубь, курица и тутовый шелкопрядъ. Для другихъ онъ принимаетъ приученіе въ исторической древности, а именно: для гуся, утки, цесарки, павлина, буйвола, кролика и т. д.

Есть и такія, которыя сдѣлались домашними животными неизвѣстно когда или въ новѣйшее время (мускусная утка, индѣйка, канадскій гусь, рициновый шелкопрядъ, кошениль). Основная мысль правильна, и съ тѣхъ поръ доисторическія

изслѣдованія могли только подтвердить, что уже въ доисторическую эпоху были пріобрѣтены наиважнѣйшія домашнія животныя. Но границы этой эпохи очень неопредѣленны, и въ прошломъ она простирается до ледниковаго періода.

Постоянно возобновляется попытка даже на европейской почвѣ отнести начало пріобрѣтенія домашнихъ животныхъ къ послѣдней ледниковой эпохѣ, указывается даже межледниковая эпоха. Но для этого у насъ нѣтъ никакихъ достовѣрныхъ опорныхъ пунктовъ,—этотъ древній періодъ не обладалъ домашними животными. Не слѣдуетъ преувеличивать значеніе того обстоятельства, что находки костей пещерной эпохи еще не могли доставить остатковъ настоящихъ домашнихъ животныхъ, исключающихъ всякое сомнѣніе. На это можно справедливо возразить, что въ началѣ приученія воздѣйствіе человѣка сказывалось еще мало, и это должно затруднять рѣшеніе, принадлежатъ ли остатки костей дикому, или домашнему животному. Гораздо важнѣе для нашего вопроса остатки культуры этого древняго періода, дошедшіе до насъ въ изображеніяхъ животныхъ въ знаменитыхъ пещерныхъ рисункахъ.

У насъ нѣтъ никакого основанія сплошь заподозрѣвать ихъ подлинность; напротивъ, новѣйшія открытія показываютъ намъ, что степень культуры человѣка ледниковой эпохи до сихъ поръ оцѣнивалась черезчуръ низко. Искусство не ограничивалось тѣми примитивными рисунками, которые съ рѣдкой полнотой собралъ неутомимый Піеттъ, но во французскихъ и сѣверо-испанскихъ пещерахъ имѣются уже цвѣтныя изображенія животныхъ, возбуждающія наше изумленіе точностью и художественнымъ выполненіемъ, равно какъ и поистинѣ геніальной передачей естественно-историческихъ деталей.

Уже много лѣтъ тому назадъ такія цвѣтныя изображенія были указаны въ пещерахъ Испаніи, но ихъ огуломъ объявили поддѣлкой, учиненной испанскими клерикалами съ цѣлью одурачить французскихъ ученыхъ. Въ такомъ положеніи оставалось дѣло до 1895 г. Въ этомъ году нѣсколько дѣтей пробрались со свѣчами въ пещеру Ла-Мутъ, къ югу отъ долины Везера, и нашли въ глубинѣ ея на стѣнахъ изображенія животныхъ. Это указаніе было провѣрено Ривьеромъ въ Парижѣ; въ 1901 г. профессоръ Капитанъ открылъ въ одной пещерѣ близъ Комбарель, въ 120 метрахъ отъ входа, множество фигуръ животныхъ на

стѣнахъ; такія же изображенія были найдены въ Фонтъ-де-Гомѣ. Теперь начинаютъ издавать репродукціи этихъ великолѣпныхъ изображеній животныхъ, которыя даютъ намъ полное представленіе о фаунѣ западно-европейскихъ областей въ теченіе пещерной эпохи. Но домашнія животныя совершенно отсутствуютъ; всюду изображаются только животныя, служившія предметомъ охоты, главнымъ образомъ, зубръ, туръ (первобытный быкъ), дикая лошадь, дикая свинья, сѣверный олень и дикій оселъ.

На головахъ лошадей усмотрѣли было въ рисункахъ намеки на узду, откуда заключили о возможности приученія лошади въ эту эпоху; однако, аббатъ Брейль остроумными доводами доказалъ, что здѣсь дѣло идетъ только о скульптурныхъ изображеніяхъ головы, нѣсколько подчеркнутыхъ пещерными художниками.

Конечно, первобытный обитатель Европы пережилъ въ теченіе долгой диливіальной эпохи различныя фазы развитія, выражающіяся въ дошедшихъ до насъ остаткахъ культуры этого періода, но онъ упорно оставался на стадіи охотника и не дошелъ до приученія животныхъ. И за предѣлами Европы, въ тѣхъ областяхъ, гдѣ могло быть доказано существованіе древняго каменнаго вѣка, какъ, напр., въ Нильской долинѣ, домашнія животныя отсутствуютъ.

Они появляются только въ неолитическую эпоху, какъ признакъ болѣе высокой культуры. Хлынувшая, какъ предполагаютъ, съ Востока культурная волна наводнила къ концу палеолитическаго періода Европу; новые элементы поселились въ древнихъ свайныхъ деревняхъ и ввели какъ земледѣліе, такъ и скотоводство. То, что мы находимъ въ этомъ періодѣ по части домашнихъ животныхъ, еще примитивно въ сравненіи съ современностью, но сплошь введено извнѣ. Собака вначалѣ представлена одной единственной расой—торфянымъ шпицемъ. Мелкій торфяной скотъ всюду отличается однообразнымъ характеромъ; торфяная свинья указываетъ на азіатскую родину. Коза слѣдуетъ за маленькой торфяной овцой, которую намъ доставила, вѣроятно, Африка; ея потомки уцѣлѣли въ глухихъ альпійскихъ долинахъ Граубюндена до конца прошлаго столѣтія, но теперь уже вымерли. Домашняя лошадь въ эпоху свайныхъ построекъ очень рѣдка; оселъ, домашняя кошка и домашняя курица вовсе не встрѣчаются.

Культура эпохи свойныхъ построекъ отнюдь не оставалась неподвижной. Не трудно доказать, что ея проникновеніе въ

Европу привело, съ одной стороны, къ умноженію состава домашнихъ животныхъ на счетъ мѣстнаго, раньше не использованнаго, дикаго матеріала, а съ другой,—къ пріобрѣтенію новаго извнѣ. Въ самомъ дѣлѣ, въ болѣе новую эпоху свайныхъ построекъ составъ домашнихъ животныхъ Европы оказывается болѣе разностороннимъ. Новыя расы овецъ проникли съ юга въ среднюю Европу. Огромный—туръ (Bos primigenius), за которымъ охотился дилювіальный человѣкъ, былъ переведенъ въ домашнее состояніе и не разъ скрещивался съ мелкимъ торфянымъ скотомъ.

Европейская дикая свинья, завѣдомо въ изобиліи водившаяся въ средней Европѣ и служившая предметомъ охоты для ея первобытнаго обитателя, доставила новую расу домашнихъ животныхъ, сохранившуюся въ мѣстныхъ свиньяхъ со спиной, какъ у карпа. Поимка дикихъ поросятъ не представляла особенныхъ затрудненій. Въ новѣйшую эпоху свайныхъ построекъ проникаетъ въ Европу съ юго-востока бронзовая культура, а съ нею собака, напоминающая овчарку, которая широко распространилась и получила у современныхъ ученыхъ названіе „бронзовой собаки“ (Canis matris optimae). Она должна была часто смѣшиваться съ болѣе древнимъ торфянымъ шпицомъ. По крайней мѣрѣ, находятъ промежуточныя формы, которыя выдѣлили въ особую расу подъ названіемъ „пепельной собаки“ (Canis intermedius). Уже въ доисторическія времена среди Canis palustris появляются болѣе крупныя и болѣе мелкія собаки, а также форма, напоминающая пинчера, что указываетъ на различныя направленія въ разведеніи.

Въ эту эпоху еще отсутствуютъ крупные доги, борзыя и гончія; только историческая эпоха ввела эти внѣ-европейскія породы.

Большинство европейскихъ расъ домашнихъ животныхъ проникло въ Европу по восточнымъ или южнымъ путямъ распространенія изъ гораздо болѣе обширныхъ сосѣднихъ материковъ. Отсюда ясно, что изслѣдованія ограниченной европейской области недостаточно, чтобы выяснить очаги образованія извѣстныхъ расъ; нужно принимать въ расчетъ древнія культурныя области Азіи и Африки.

Къ сожалѣнію, до-историческая культура этихъ областей извѣстна пока съ большими пробѣлами. Во всякомъ случаѣ въ двухъ мѣстахъ, въ Верхнемъ Египтѣ и въ Туркестанѣ, удалось обнаружить остатки домашнихъ животныхъ, и, напримѣръ для овцы и рогатаго скота, доказать глубокую ихъ

древность. Въ Анау (Туркестанъ) рогатый скотъ представленъ какъ длиннорогой расой, такъ и короткорогой, болѣе нѣжнаго сложенія.

Гораздо богаче данныя, доставленныя древними культурными областями Месопотаміи и Египта. Археологія, которая можетъ отмѣтить здѣсь блестящіе результаты, умножающіеся изъ десятилѣтія въ десятилѣтіе, нашла въ царскихъ дворцахъ, въ гробницахъ и на памятникахъ множество изображеній животныхъ (стѣнная живопись, барельефы и произведенія круглой пластики), въ томъ числѣ не мало домашнихъ животныхъ. Они принадлежатъ уже, строго говоря, къ исторической эпохѣ, которая, однако, по времени гораздо древнѣе историческаго періода въ Европѣ.

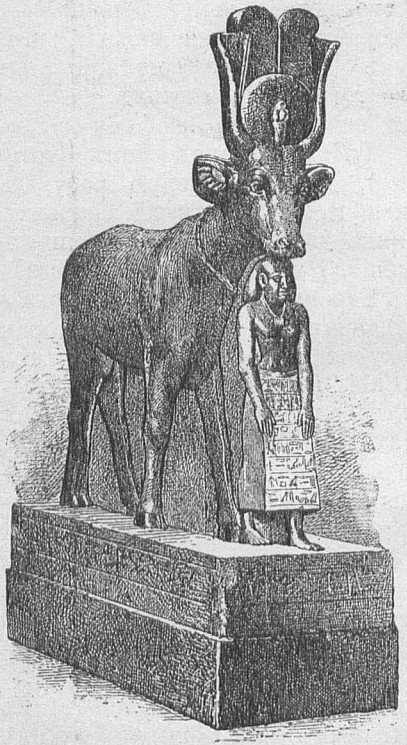


Рис. 1. Статуя коровы Гаторъ въ Дейръ эль Бахри. 18 династія.

Эти древнія изображенія животныхъ отличаются въ большинствѣ случаевъ большой вѣрностью природѣ; художникъ того времени, поднявшійся на высокую ступень въ техникѣ изображенія животныхъ, еще не началъ стилизовать; воспроизведеніе природы было его единственной цѣлью. Отдѣльныя ассирійскія изображенія свидѣтельствуютъ о безукоризненномъ дарѣ наблюденія, а чтобы привести классическій примѣръ изъ древняго Египта, назовемъ открытую недавно профессоромъ Э. Навилемъ статую коровы Гаторъ изъ Дейръ эль Бахри, въ натуральную величину, удивительное исполненіе которой сдѣлало бы честь современному художнику (рис. 1). Эти изображенія даютъ намъ больше свѣдѣній по исторіи домашнихъ животныхъ, чѣмъ могли-бы доставить литературныя данныя.

Въ древней Месопотаміи насъ плѣняютъ многочисленныя лошади, сильные доги и оригинальныя расы жирнохвостыхъ овецъ и козъ съ витыми рогами (рис. 2).

Въ Нильской долинѣ мы уже во времена древнѣйшихъ династій встрѣчаемъ скотъ съ исполинскими рогами, который позднѣе исчезаетъ, большихъ гончихъ съ ложковидными стоячими ушами, домашнихъ овецъ съ гривой и антилопъ, разведеніе которыхъ позднѣе было забыто; домашняго осла, домашнихъ голубей и Нильскихъ гусей. Позднѣе сюда проникаетъ азіатская домашняя овца; относительно поздно являются домашнія лошади и одногорбый верблюдъ.

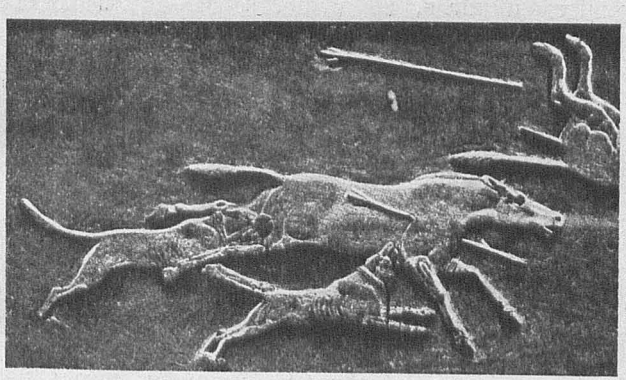


Рис. 2. Охота на дикихъ лошадей и доги въ Ассиріи. Рельефное изображеніе изъ Куюнджика, эпохи Ассурбанипала. (Подлинникъ въ Британскомъ музеѣ).

Европейская культура, которая водворяется гораздо позднѣе, завѣдомо много заимствовала изъ смежныхъ областей, отчасти уже въ доисторическое время, отчасти въ историческомъ періодѣ. Этимъ самымъ намѣчаются отдѣльные важные пути распространенія.

Средиземноморская область первая довела здѣсь разведеніе домашнихъ животныхъ до болѣе сильнаго развитія, особенно древняя Греція, которая благодаря этому достигла благосостоянія, и отъ которой успѣхи животноводства были заимствованы римлянами. Ихъ писатели, особенно Колумелла, оставили намъ подробныя литературныя сообщенія.

Съ тѣхъ поръ къ составу первоначальныхъ домашнихъ животныхъ прибавились вторичныя пріобрѣтенія, кото-

рыя, однако, состояли изъ менѣе важныхъ въ хозяйственномъ отношеніи видовъ. Сюда мы можемъ отнести кролика, гуся, цесарку и утку.

Со времени открытія Америки прибавилась еще индѣйка, которая пріобрѣла особенно важное значеніе въ юго-западной Европѣ.

Новый Свѣтъ играетъ въ исторіи пріобрѣтенія домашнихъ животныхъ болѣе подчиненную роль. Какъ показываетъ географія животныхъ, Америка въ теченіе третичной эпохи постоянно сбывала въ Старый Свѣтъ избытокъ своего животнаго матеріала; цѣлыя группы наземныхъ млекопитающихъ достигли, по существовавшимъ нѣкогда путямъ распространенія, восточнаго полушарія, чтобы разселиться по Азіи, Африкѣ и Европѣ. Напротивъ, въ отношеніи домашнихъ животныхъ передача избытка шла въ обратномъ направленіи: Старый Свѣтъ снабдилъ важнѣйшими изъ нихъ Америку. Кое-что, впрочемъ, существовало уже въ до-Колумбово время, именно лама, домашняя собака и индѣйка. Морскую свинку врядъ ли можно считать настоящимъ домашнимъ животнымъ, такъ какъ она не имѣетъ хозяйственнаго значенія. Древне-американское пріобрѣтеніе домашнихъ животныхъ совершилось вполнѣ независимо, такъ какъ вліянія культуры иностраннаго происхожденія не удалось обнаружить.

Вышеизложенныя замѣчанія, которыя отнюдь не могутъ претендовать на полноту, освѣщаютъ только одну сторону въ исторіи развитія міра нашихъ домашнихъ животныхъ. Они упоминаютъ только какъ бы о сыромъ матеріалѣ, изъ котораго культурный человѣкъ при помощи своихъ методовъ разведенія пытался создать что-нибудь годное.

Какъ скоро установилось настоящее прирученіе, домашнія животныя стали подвергаться болѣе или менѣе глубокому превращенію, распространявшемуся на морфологическія и физіологическія особенности. Оно стремилось все лучше и лучше приспособлять ихъ къ потребностямъ человѣка.

Измѣнчивость, съ одной стороны, болѣе дѣятельное воспроизведеніе и связанная съ нимъ способность къ унаслѣдованію—съ другой, составляли основу, на которой разведеніе могло достигать своей цѣли. Человѣкъ вмѣшивался въ ходъ вещей, предоставляя размножаться только подходящимъ для него особямъ; остальныя уничтожались.

Такъ совершился переходъ отъ естественнаго отбора къ искусственному, который началъ тщательно слѣдить за вновь появляющимися свойствами.

Поэтому домашнее животное все болѣе и болѣе отрывалось отъ своей исходной формы и толкалось на совершенно новый путь развитія, который никогда не могъ бы быть проложенъ въ свободной природѣ.

Что этотъ искусственный отборъ водворился очень рано, мы видимъ на древне-египетскихъ домашнихъ животныхъ, особенно собакѣ и рогатомъ скотѣ. Первая уже въ эпоху глубокой древности представлена нѣсколькими расами: борзой, охотничьей борзой, гончей и таксой; рогатый скотъ— крупнорогой и комолой формами.

Первоначально полагались, вѣроятно, на счастливыя случайности, причемъ разводившій руководился скорѣе инстинктомъ; но позднѣе пріобрѣтенный опытъ формулировался въ опредѣленныя правила разведенія. Научная біологія должна была внести новыя основанія для животноводства и поставила его на надежный базисъ. Область дѣятельности на ощупь все болѣе суживается, разводитель становится какъ бы экспериментальнымъ зоологомъ, его работа возвышается до высшаго *заводскаго животноводства*. Англійскіе животноводы давно уже достигли на этой почвѣ грандіозныхъ результатовъ и послужили образцами для другихъ. Но и на крайнемъ востокѣ японцы проявляютъ значительные успѣхи въ области птицеводства и шелководства. Матеріальные успѣхи всегда служили поощреніемъ раціональному животноводству.

Германія въ новѣйшее время выступила съ проектомъ, который вскорѣ великими культурными странами былъ признанъ правильнымъ и достойнымъ подражанія. Въ теченіе продолжительнаго времени теоретическое ученіе о наслѣдственности и научное изслѣдованіе расъ подготовили и создали почву, на которой будетъ работать недавно учрежденное „Нѣмецкое общество научнаго животноводства“ („Deutsche Gesellschaft für Züchtungskunde“). Его стремленія увѣнчиваются задачей цѣлесообразно разрабатывать біологическую сторону посредствомъ основанія спеціальнаго опытнаго учрежденія и при этомъ собирать и провѣрять въ одномъ центральномъ мѣстѣ всѣ наблюденія надъ практическимъ животноводствомъ. Такимъ образомъ, всѣ наличныя силы употребляются на службу великой хозяйственной задачѣ, избѣгается

дробленіе и пріобрѣтается надежная руководящая нить въ отношеніи животноводственныхъ путей и методовъ.

На долгомъ пути, пройденномъ нашими домашними животными отъ перваго прирученія черезъ систематическое одомашненіе до современнаго состоянія, судьбы ихъ складывались весьма различно. Одни подвергались чистому отбору; напримѣръ, швейцарское скотоводство съ большой послѣдовательностью старалось сохранять въ возможно большей чистотѣ свои двѣ главныя расы: пестрый скотъ и бурый скотъ. Въ другихъ областяхъ метизація достигала обширныхъ размѣровъ. У современныхъ культурныхъ расъ домашней свиньи европейская кровь часто и въ разнообразныхъ комбинаціяхъ смѣшивалась съ азіатской. То же можно сказать о европейскихъ лошадяхъ. Въ промежуточномъ поясѣ между сѣверной Азіей и южной Азіей мы находимъ въ широко распространенномъ киргизскомъ скотѣ смѣшеніе крови первобытнаго быка (Bos primigenius) и зебу.

Метизація, впрочемъ, дѣятельно практиковалась уже въ теченіе періода свайныхъ построекъ. При чистомъ разведеніи родоначальная форма съ теченіемъ времени часто раскалывалась по различнымъ направленіямъ и порождала новыя расы. При этомъ первоначальная раса обыкновенно не исчезала. Напримѣръ, подольскій (сѣрый украинскій) скотъ еще очень близокъ къ Bos primigenius; оселъ мазаи недалеко ушелъ отъ дикаго осла (Asinus taeniopus); раса бойцовыхъ пѣтуховъ, какъ примитивная раса, очень близка къ дикимъ банкивскимъ пѣтухамъ.

Вообще, можно формулировать положеніе, что домашнее животное оказывается тѣмъ болѣе плодовитымъ въ смыслѣ образованія расъ, чѣмъ дольше оно находится въ состояніи прирученія. Болѣе новыя домашнія животныя — напомнимъ только о сѣверномъ оленѣ, о якѣ, объ уткѣ и цесаркѣ — обнаруживаютъ извѣстныя внѣшнія измѣненія, но образованіе расъ у нихъ идетъ туго. Напротивъ, древнѣйшіе виды домашнихъ животныхъ, каковы: собака, рогатый скотъ и овца, раскололись на морфологически очень далеко отстоящіе другъ отъ друга круги формъ. Курица и голубь съ незапамятныхъ временъ прирученны человѣкомъ и доставили множество оригинальныхъ расъ, хотя та и другой монофилетическаго происхожденія, т. е. происходятъ отъ одного дикаго вида. Процессъ преобразованія еще не остановился, и въ самое послѣднее время японцы вывели великолѣпную расу

куръ Фениксъ съ хвостовыми перьями громадной длины, ранѣе совершенно неизвѣстную. Было бы, однако, неправильно предполагать, что измѣнчивость формъ извѣстныхъ домашнихъ животныхъ должна сохраняться всегда. Искусственный отборъ могъ дѣйствовать въ теченіе извѣстнаго времени и вырабатывать особую расу, а затѣмъ останавливаться.

Дарвинъ, съ тѣмъ вѣрнымъ инстинктомъ, который характеризуетъ генія, уже отмѣтилъ подобные случаи и утверждаетъ, что такія расы могутъ затѣмъ въ теченіе долгихъ періодовъ времени оставаться въ состояніи полной устойчивости. Правда, такихъ явленій ему было извѣстно немного, собственно только два: тибетская собака и появляющаяся уже въ древне-египетскихъ изображеніяхъ такса. Съ тѣхъ поръ прибавились новые факты того же рода. Какъ показалъ Рютимейеръ, древняя торфяная овца сохранилась до новаго времени, и можетъ быть, при ближайшемъ изслѣдованіи нашлись бы въ захолустныхъ областяхъ еще и нынѣ живущія особи. Въ Сардиніи водится мелкая раса рогатаго скота, какъ двѣ капли воды похожая строеніемъ головы на древне-египетскую корову Гаторъ. Думали, что скотъ съ исполинскими рогами, водившійся въ странѣ фараоновъ во времена древнѣйшихъ династій, исчезъ безслѣдно, но оказалось, что потомки, его еще и нынѣ живущіе, просто переселились въ южную Абиссинію и центрально-африканскую озерную область. Домашняя овца древне-египетской эпохи исчезла въ Нильской долинѣ, но объявилась въ области Нигера. Борзыя собаки со стоячими ушами, существовавшія при фараонахъ, покинули свою древнюю родину, перекочевали на сѣверъ и на западъ, и живутъ теперь на Балеарскихъ, а также на Канарскихъ островахъ.

Наконецъ, значительная часть нашихъ домашнихъ животныхъ предпочла отказаться отъ союза съ человѣкомъ и вернуться къ свободной жизни: *она одичала.*

Примѣры одичанія мы находимъ у большинства видовъ; исключеніе составляетъ только овца: она такъ сильно измѣнилась подъ вліяніемъ искусственнаго отбора, что возвратъ къ прежнему состоянію сдѣлался для нея невозможнымъ. Кажется, также шелковичный червь (тутовый шелкопрядъ), съ незапамятныхъ временъ находящійся въ одомашненномъ состояніи, утратилъ способность дичать; тогда какъ гораздо болѣе недавній айлантовый шелкопрядъ, вскорѣ послѣ своего

введенія въ Европу, перешелъ къ совершенно дикому существованію во Франціи, Италіи и Швейцаріи и какъ нельзя лучше приспособился къ нему.

Въ южной Европѣ мы находимъ многочисленные случаи одичанія, особенно на островахъ Средиземнаго моря. Изъ греческихъ острововъ можно назвать Гіуру, гдѣ попадаются одичавшія домашнія козы. Къ сѣверу отъ Сардиніи на островѣ Таволара водятся большія стада одичавшихъ козъ. По имѣющимся у меня свѣдѣніямъ, водятся онѣ и въ самой Сардиніи. Этотъ островъ, впрочемъ, сдѣлался настоящимъ очагомъ одичанія. Водящаяся тамъ дикая кошка, которая попадается уже въ окрестностяхъ Кальяри въ скалахъ, была описана Мартовелли подъ названіемъ Felis mediterranea и отнесена въ кругъ формъ нубійской буланой кошки (Felis maniculata), на которую, дѣйствительно, походитъ окраской. Однако, здѣсь дѣло идетъ, несомнѣнно, лишь объ одичавшей кошкѣ. Водворявшееся тамъ по временамъ господство арабовъ вызвало одичаніе домашней свиньи, и если въ зоологическихъ кругахъ высказываются противорѣчивыя мнѣнія о положеніи сардинскихъ дикихъ свиней, то это объясняется попросту тѣмъ, что въ настоящее время тамъ попадаются въ дикомъ состояніи двѣ различныя свиньи. Есть указанія также на одичавшихъ лошадей [1]).

Внѣ Европы подобные случаи еще болѣе многочисленны. Собака въ различныхъ пунктахъ земли вернулась къ дикому существованію. Въ тропическихъ и подтропическихъ областяхъ Стараго Свѣта такъ называемыя собаки-паріи держатся подлѣ жилищъ человѣка, но не имѣютъ хозяевъ. Австралійскій динго, очевидно,—не настоящая дикая собака, такъ какъ уже зоогеографическія основанія говорятъ противъ такого допущенія. Вѣроятно, онъ переселился вмѣстѣ съ человѣкомъ изъ южной Азіи. Изслѣдованія бр. Саразинъ надъ образованіемъ восточно-азіатскаго островного міра дѣлаютъ весьма вѣроятнымъ, что австралійское первобытное населеніе отдѣлилось въ очень раннемъ періодѣ отъ веддайскаго корня и тогда же могло воспользоваться древнимъ сухопутнымъ сообщеніемъ, чтобы добраться до Австраліи.

---

[1]) У насъ въ Россіи одичалыя лошади до сихъ поръ водятся на островѣ Кулалы въ Каспійскомъ морѣ, у восточнаго берега его, противъ устья Волги. Это потомки лошадей рыбаковъ, занесенные на островъ на льдинахъ во время относнаго вѣтра. *Ред.*

Это древнее переселеніе народовъ, слѣды котораго мы встрѣчаемъ также на Целебесѣ, привело домашнюю собаку въ новое мѣсто обитанія, гдѣ она одичала и превратилась въ динго.

По даннымъ Дарвина, одичавшія собаки водятся также въ Америкѣ, именно въ Ла-Платѣ, на Кубѣ и на Санъ-Доминго.

Одичавшія кошки, очевидно распространившіяся на корабляхъ, еще и нынѣ многочисленны на островѣ Хуанъ де Нова въ Мозамбикскомъ каналѣ, затѣмъ на островѣ св. Павла, гдѣ онѣ охотятся на морскихъ птицъ, а также въ Новой Зеландіи.

Свинья часто дичаетъ тамъ, гдѣ ея образъ жизни не связанъ съ содержаніемъ въ хлѣву. Для Новой Гвинеи описаны двѣ дикія с иньи,—папуасская (Sus papuensis) и черная (Sus niger), очевидно сбѣжавшія и одичавшія домашнія свиньи, потому что уже по зоогеографическимъ основаніямъ онѣ не могли явиться въ той мѣстности, какъ настоящія дикія формы. Сеннаарская свинья и дикая свинья Туниса—тоже результатъ процесса одичанія. Совершенно изолированно лежащіе острова Крозетъ были раньше населены свиньями, хотя оставались необитаемыми.

Много вреда принесло побѣдоносное распространеніе одичавшаго кролика. Мореплаватели эпохи открытій разсуждали разумно, желая переселить этого легко перевозимаго и быстро размножающагося грызуна, въ отдаленныя области чтобы устроить живой провіантскій магазинъ на случай нужды,—но послѣдствія оказались самыя нежелательныя и опасныя для позднѣйшихъ переселенцевъ. Извѣстны результаты привоза кроликовъ въ Порто-Санто на Мадерѣ, гдѣ онъ сдѣлался истиннымъ бичомъ страны. Австралія, условія которой оказались чрезвычайно благопріятными для распространенія кролика, крайне страдаетъ отъ этого зловреднаго дара Европы. Правда, она не приглашаетъ на помощь солдатъ, какъ балеарцы во времена римскаго владычества, но надѣется, что современная наука найдетъ пути и способы положить конецъ этому бѣдствію. Въ Южной Америкѣ кроликъ былъ рано поселенъ въ Перу, но тамъ онъ, кажется, не причиняетъ такого вреда, а въ Чили даже не могъ развестись. На безотрадныхъ островахъ Кергуэленъ почва совершенно изрыта кроличьими норами; экипажъ французскаго судна „Эръ“ былъ очень доволенъ, что могъ наловить ихъ около

тысячи штукъ въ окрестностяхъ бухты Газелей и питаться свѣжимъ мясомъ.

Широкихъ размѣровъ достигло одичаніе лошадей въ Южной Америкѣ. Одичавшія происходятъ отъ домашнихъ лошадей, которыхъ обитатели Буэносъ Айреса забыли захватить съ собой, когда временно выселились изъ города въ XVI столѣтіи. Предоставленныя самимъ себѣ, лошади сильно размножились и причиняли большой вредъ; время отъ времени ихъ ловили индѣйцы. Въ концѣ 1865 г. провинціальное управленіе Буэносъ-Айреса издало законъ (Codigo rural), предписывавшій истребить всѣхъ одичавшихъ лошадей въ теченіе четырехъ лѣтъ. Эта мѣра имѣла успѣхъ, и въ настоящее время встрѣчаются только единичные табуны лошадей въ Патагоніи.

Замѣчательно то, что рогатый скотъ, съ незапамятныхъ временъ находящійся въ состояніи приученія, можетъ дичать довольно легко. Примѣры доставляютъ Пампасы, Техасъ и Антильскіе острова. По Дарвину, рогатый скотъ одичалъ на Ладронскихъ островахъ въ 1741 г., позднѣе также на Фальклендскихъ.

Было бы въ высшей степени интересно точно прослѣдить въ деталяхъ измѣненія, связанныя съ этимъ возвращеніемъ къ дикому существованію. Къ сожалѣнію, мы имѣемъ объ этомъ, равно какъ и о длительности этого процесса, лишь очень недостаточныя свѣдѣнія.

Наконецъ, полноты ради, намъ слѣдуетъ обратить вниманіе на судьбу тѣхъ дикихъ видовъ, изъ которыхъ человѣкъ вывелъ всѣхъ домашнихъ животныхъ. Вопросъ этотъ имѣетъ фундаментальное значеніе для выясненія обстоятельствъ приученія.

Л. Фицингеръ еще въ 1876 г. высказался объ этомъ въ томъ смыслѣ, что вслѣдствіе продолжительности періода приученія главная масса дикихъ особей мало по малу перешла во владѣніе людей; тѣ же, которыя избѣжали приученія, сошли со сцены вслѣдствіе постепеннаго истребленія. Это казалось столь естественнымъ, что мнѣніе долго признавалось правильнымъ. Будь оно таковымъ, намъ пришлось бы отказаться отъ поисковъ родоначальныхъ формъ въ современномъ животномъ мірѣ. Для насъ остались бы исключительно палеонтологическія данныя. Вѣрно, конечно, то, что одомашненіе было достигнуто не сразу; мы должны признать его длительность; время отъ времени снова и снова происходилъ при-

ливъ дикой крови, какъ это случается наблюдать и нынѣ. Справедливо также, что развивающаяся культура все болѣе оттѣсняетъ дикое состояніе, мѣстами даже совершенно уничтожаетъ его.

Но Фицингеръ совершенно забылъ, что человѣкъ предпринималъ свои опыты приученія на ограниченномъ пространствѣ, и что рядомъ оставалось еще достаточно областей, въ которыхъ не прирученный остатокъ могъ спокойно продолжать свое существованіе. Древнѣйшее приученіе отстоитъ, какъ заставляютъ думать древне-египетскіе документы, на 8—10 тысячъ лѣтъ отъ современности, а этотъ промежутокъ времени недостаточенъ для уничтоженія всѣхъ дикихъ формъ въ первоначальныхъ областяхъ распространенія.

Если случайно одна изъ родоначальныхъ формъ домашняго рогатаго скота, большерогій туръ (Bos primigenius), въ историческую эпоху окончательно исчезла изъ круга современныхъ живущихъ формъ, то это ничего не доказываетъ. Во всякомъ случаѣ это исчезновеніе не постигло другіе виды.

Дикія родоначальныя формы большинства домашнихъ животныхъ находятся еще въ живыхъ; но, конечно, ихъ устраненіе констатировано во многихъ мѣстностяхъ, и, несомнѣнно, покровительство человѣка помогло ихъ прирученнымъ потомкамъ достигнутъ численнаго перевѣса.

Родоначальныя формы азіатскихъ и европейскихъ домашнихъ свиней еще и нынѣ встрѣчаются въ первоначальномъ дикомъ состояніи.

То же можно сказать о кошкѣ. Родоначальный видъ борзыхъ не часто, но встрѣчается въ дикомъ состояніи отъ Абиссиніи до Кордофана. Родоначальникъ домашняго осла водится еще въ большомъ числѣ въ восточной Африкѣ. Дикіе верблюды, какъ кажется, живутъ еще значительными стадами въ степяхъ внутренней Азіи [1]).

Дикая коза, отъ которой происходятъ наши европейскія домашнія козы, еще обыкновенна въ западной Азіи и даже на Критѣ. То же можно сказать о дикихъ овцахъ, доставившихъ намъ ручныя расы овецъ, хотя численность ихъ замѣтно убываетъ, и, можетъ быть, имъ суждено исчезнуть передъ натискомъ распространяющейся культуры.

---

[1]) Дикаго двугорбаго верблюда открылъ нашъ знаменитый путешественникъ Н. М. Пржевальскій въ степяхъ Центральной Азіи. *Ред.*

III. Явленія приспособленія у домашнихъ животныхъ, какъ слѣдствіе одомашненія.

Межъ тѣмъ какъ преобразующее дѣйствіе естественнаго отбора у свободноживущихъ видовъ сказывается лишь весьма медленно, измѣненіе организма подъ вліяніемъ установившагося цѣлесообразнаго искусственнаго отбора происходитъ гораздо болѣе быстрымъ темпомъ. Преобразованія захватываютъ какъ морфологическіе признаки, такъ и физіологическія функціи. Дарвинъ даетъ рядъ примѣровъ, показывающихъ, какъ методическій отборъ въ короткое время создаетъ новое: стоило англійскимъ заводчикамъ рѣшить, что гребень испанскаго пѣтуха долженъ быть прямымъ—и спустя четыре-пять лѣтъ у всѣхъ хорошихъ птицъ были уже прямые гребни; у польскаго пѣтуха гребень въ короткое время былъ устраненъ отборомъ; заводчикъ Викингъ употребилъ 13 лѣтъ, чтобы создать чисто бѣлую голову на тѣлѣ пестраго турмана.

Подъ методическимъ отборомъ мы подразумѣваемъ тѣ формы отбора, которыя начало практиковать строго выработанное заводское животноводство. Оно работаетъ надъ постоянно проявляющимися индивидуальными варіаціями, возникновеніе которыхъ часто еще остается темнымъ. Всегда ли онѣ возникаютъ сначала въ зародышевой плазмѣ, какъ учитъ школа Вейсмана,—остается вопросомъ. Въ общемъ, практическій методъ отбора относится къ этой точкѣ зрѣнія отрицательно и упорно остается на почвѣ ламаркизма, признающаго возможность передачи по наслѣдству тѣлесныхъ личныхъ пріобрѣтеній въ зародышевую плазму. Фактически возможность этого переноса доказана экспериментальной зоологіей. Во всякомъ случаѣ мы должны сдѣлать уступку Вейсману, согласившись, что въ извѣстныхъ случаяхъ новыя свойства могутъ возникнуть не только въ соматической сферѣ, но сначала въ зародышевой плазмѣ; однако, эти случаи такъ рѣдки, что играютъ совершенно подчиненную роль въ разведеніи домашнихъ животныхъ. Это такъ наз. *мутаціи*, которыя могутъ быть при случаѣ находимы и утилизируемы заводчикомъ.

Вѣроятно, безхвостая кошка острова Мэнъ и широко распространенная въ восточной Азіи, особенно въ Японіи,

кошка съ хвостомъ въ формѣ обрубка—обязаны своимъ происхожденіемъ внезапной мутаціи, возникшей первоначально въ зародышевой плазмѣ. Менѣе надежно установлено это для Мошанской овцы; напротивъ, внезапно появляющаяся комолость рогатаго скота опять-таки должна считаться мутаціей въ де-Фризовскомъ смыслѣ.

Въ сѣверной Европѣ она сильно распространена и повела къ образованію особой расы, такъ какъ способность этой мутаціи къ унаслѣдованію замѣчательна. Уже древніе египтяне разводили въ большомъ количествѣ комолый скотъ, и врядъ ли можно допустить, что мы имѣемъ здѣсь дѣло съ искуственнымъ устраненіемъ роговъ, такъ какъ подобная операція несомнѣнно была бы изображена стѣнной живописью, а между тѣмъ до сихъ поръ подобныя изображенія неизвѣстны.

Оставляя въ сторонѣ рѣдкія исключенія, приходится совершенно отклонить ученіе о мутаціяхъ, какъ его развиваетъ школа де-Фриза[1]), такъ какъ разведеніе домашнихъ животныхъ оперируетъ обыкновенно съ накопленіемъ мелкихъ варіацій въ смыслѣ Дарвина.

Это можно было очень хорошо прослѣдить въ послѣднія десятилѣтія на швейцарскомъ пестромъ скотѣ. Красные симменталы, появлявшіеся раньше на сельско-хозяйственныхъ выставкахъ, обладали сильно пигментированными и рѣзко ограниченными пятнами. Потомъ вошли въ моду блѣдныя пятна; пятна стали постепенно свѣтлѣть и сдѣлались, наконецъ, почти незамѣтными. Но когда рѣшено было, что это направленіе подбора оказывается вреднымъ, снова добились болѣе сильной пигментаціи.

Появленіе висячаго уха у собакъ представляетъ разительнѣйшій примѣръ, показывающій, что здѣсь не можетъ быть рѣчи о мутаціи. У борзыхъ сохранились, такъ сказать, всѣ отдѣльныя фазы, пройденныя висячимъ ухомъ въ теченіе долгихъ періодовъ. Первоначально борзыя собаки, происходящія изъ восточно-африканской области, обладали стоячими ушами; у балеарской борзой они сохранились до сихъ поръ. У борзой, попадающейся большими стаями въ восточномъ

---

[1]) По мнѣнію де-Фриза, органическій міръ развивался не медленно и постепенно, а скачками. Отъ времени до времени появлялись особи съ большими уклоненіями отъ коренной формы. Эти особи и давали начало новому виду. *Ред.*

Суданѣ, уши полустоячія, такъ же какъ и у русской борзой,—нижняя половина еще подвижна, но верхушка отвисшая; у алжирскихъ борзыхъ ухо уже вполнѣ висячее. Борзая—особенно поучительный примѣръ, такъ какъ ради своихъ психическихъ особенностей, она тщательно разводилась въ чистой формѣ. Наиболѣе обстоятельно изслѣдованный примѣръ отбора посредствомъ накопленія мелкихъ измѣненій представляетъ исторія электоральной овцы въ Саксоніи. Она выведена изъ ввезенныхъ туда мериносовъ, такъ какъ съ 1765 по 1840 текстильная индустрія требовала возможно болѣе тонкой шерсти для фабрикаціи гладкихъ суконъ. Саксонскіе овцеводы добились мало по малу посредствомъ тщательнаго подбора такой тонкости руна, что спросъ на саксонскую шерсть необычайно усилился и въ концѣ концовъ за центнеръ платили 300 и даже 330 талеровъ.

Заводчики вели точныя племенныя книги, причемъ особый бонитировочный ключъ служилъ для опредѣленія качества шерсти, и спариваніе было строго индивидуальное. Каждое утро въ стадо пускались спеціальные „искатели“ т. е. бараны, которые должны были отыскивать находящихся въ течкѣ овецъ, но ихъ не допускали до спариванія. Находящихся въ течкѣ овецъ изолировали въ хлѣву и спаривали съ подходящимъ бараномъ.

Пересматривая отдѣльныя системы органовъ, мы увидимъ, какъ появляются извѣстныя измѣненія, которыя наслѣдуются съ большой правильностью и опредѣляютъ характеръ расы.

При этомъ подтверждается старое, эмпирическое положеніе, что извѣстные органы, особенно внѣшніе, легче измѣняются, чѣмъ другіе.

Всего раньше обнаруживаются явленія одомашненія на *покровахъ*. Вмѣсто дикой окраски, часто появляется, вслѣдствіе измѣненій въ содержаніи пигмента, новая, однородного характера. Усиленіе черцаго пигмента ведетъ къ *меланизму* который наблюдается у всѣхъ почти видовъ домашнихъ животныхъ. Нѣкоторые народы упорно отвергаютъ эту окраску; въ восточной Африкѣ, напр., считается большой обидой, если кто-нибудь предложитъ въ подарокъ черную овцу или черную корову. Меланитическая окраска часто встрѣчается у венгерскихъ овецъ, у каракульскихъ овецъ, у мѣстныхъ сардинскихъ и корсиканскихъ овецъ, у Галловейскаго рогатаго скота, у поландскихъ китайскихъ свиней и регулярно появляется у ньюфаундлендскихъ собакъ.

Болѣе слабое образованіе пигмента приводитъ сначала къ *флавизму*, который мы находимъ у свѣтлорыжаго рогатаго скота; затѣмъ къ *лейцизму*, при которомъ вслѣдствіе исчезанія пигмента въ волосахъ или перьяхъ появляется бѣлая окраска; въ клѣткахъ кожи пигментъ еще остается. Извѣстны лошади сѣрой масти, также бѣлый оселъ Недже, разводимый въ центральной Аравіи и часто употребляемый для ѣзды дамами въ большихъ восточныхъ городахъ. Карликовая коза восточной Африки почти совершенно бѣлая; подольскій степной скотъ, какъ извѣстно, очень свѣтлой окраски; зебу часто отличается снѣжной бѣлизной. Если пигментъ отсутствуетъ также въ кожѣ, въ слизистыхъ оболочкахъ, въ глазахъ, то мы называемъ это явленіе *альбинизмомъ*. Послѣдній проявляется, правда и у дикихъ животныхъ, но быстро исчезаетъ подъ вліяніемъ естественнаго отбора. У домашнихъ животныхъ альбинитическія явленія гораздо чаще и служатъ, особенно у домашней птицы, предметомъ извѣстныхъ направленій отбора. Но послѣднія имѣютъ скорѣе любительскій характеръ, а у хозяйственно важныхъ расъ настоящій альбинизмъ избѣгается, такъ какъ его причисляютъ уже къ группѣ явленій вырожденія. Оттого-то и проявилась въ скотозаводческихъ кругахъ рѣзкая оппозиція, когда стали выводить все болѣе свѣтлыхъ симменталовъ.

Очень распространена среди домашнихъ животныхъ *пѣгая* окраска, которую можно считать началомъ лейцизма и альбинизма.

Уже въ древнемъ Египтѣ на фрескахъ гробницъ попадаются пѣгія собаки, пѣгій рогатый скотъ и овцы; среди современныхъ домашнихъ расъ пѣгая окраска часто встрѣчается у лошадей, договъ и борзыхъ. Скотъ низменностей и пестрый швейцарскій нормально бываетъ пѣгій, причемъ встрѣчается какъ чернопѣгій, такъ и краснопѣгій. Исчезаніе пигмента, которое ведетъ къ пѣгости, принимаетъ нерѣдко закономѣрное теченіе. Оно начинается на нижней части конечностей и распространяется позднѣе на брюшную область; иногда захватываетъ всю заднюю часть тѣла, какъ напримѣръ у курдючной овцы, у валлійской козы и у брауншвейгской мѣстной свиньи. Однако даже при переходѣ въ бѣлую окраску отдѣльныя черныя мѣста сохраняются очень упорно. Такъ, у бѣлаго рогатаго скота концы ушей черные, у балеарскихъ борзыхъ уши часто краснобурыя, тогда какъ остальная шерсть чисто бѣлая.

Съ другой стороны, мы наблюдаемъ у многихъ домашнихъ животныхъ, что покровы оказываются замѣчательно консервативными и сохраняютъ дикую окраску. Восточно-африканскій домашній оселъ сохраняетъ унаслѣдованный отъ дикаго осла рѣзко выраженный рисунокъ въ видѣ креста на плечахъ и повязокъ на ногахъ, тогда какъ аравійскіе и малоазіатскіе ослы часто бываютъ меланитичны. Маленькія монгольскія лошади часто такой же масти, какъ дикія лошади внутренней Азіи. У многихъ шпицовъ очень хорошо сохранилась окраска шакала, а у многихъ овчарокъ окраска волка.

Длина придатковъ кожи, то есть волосъ и перьевъ, испытала сильныя измѣненія подъ вліяніемъ отбора. У домашней лошади грива, первоначально стоячая, уже въ ассирійскую эпоху удлинилась настолько, что сдѣлалась висячей. Волосы хвоста также сильно удлинились.

У большинства расъ овецъ подшерстокъ ради хозяйственныхъ основаній превращенъ въ длинное руно, тогда какъ жесткій волосъ (ость) обнаруживаетъ недоразвитіе. Но есть и исключенія: жирнозадая овца, напр., не развиваетъ подшерстка, а обладаетъ довольно короткой остью; у динканской и фецданской овцы послѣдняя даже развивается на передней части тѣла въ гриву.

Нѣкоторые народы, ради полученія жира для ѣды, посредствомъ отбора довели до ненормальнаго разростанія подкожную клѣтчатку. Восточно-азіатскія свиньи оказываются особенно пригодными для этого направленія отбора. Но тамъ, гдѣ изъ религіозныхъ мотивовъ свинья отвергается, какъ въ мусульманскомъ культурномъ мірѣ, ее замѣнила овца (курдючная и жирнохвостая овцы). У зебу жировой горбъ на спинѣ часто достигаетъ огромныхъ размѣровъ, такъ какъ считается очень вкуснымъ; то же наблюдается и у верблюда тамъ, гдѣ онъ откармливается ради мяса и жира.

Мускульная система часто измѣнялась подъ вліяніемъ одомашненія.

Способность свертывать хвостъ въ кольцо при помощи мускуловъ у домашней свиньи и домашней собаки пріобрѣтена: у соотвѣтствующихъ дикихъ формъ хвостъ никогда не свертывается въ кольцо. Въ тѣхъ случаяхъ, когда добивались возможно большей работоспособности, вся скелетная мускулатура сильно развилась, какъ у лошадей-тяжеловозовъ западнаго происхожденія. То же можно сказать о крупныхъ формахъ пестраго скота. Съ другой стороны,

извѣстны многія явленія, указывающія на ослабленіе мускулатуры; напримѣръ, подвижное стоячее ухо примитивныхъ домашнихъ собакъ мало-по-малу, вслѣдствіе регрессированія ушныхъ мускуловъ, превратилось въ висячее; но и у овецъ, козъ, свиней и даже кошекъ встрѣчается висячее ухо.

Относительно очень постоянная *костная система* обнаруживаетъ явленія одомашненія, которыя наслѣдуются вполнѣ регулярно и доставляютъ чрезвычайно цѣнныя указанія для научной теоріи расъ. Особенно легко измѣняются признаки черепа. Къ сожалѣнію, дѣйствія приручения до сихъ поръ не прослѣжены съ желательной полнотой; однако, Нерингъ замѣчаетъ: „Поистинѣ удивительно, какія измѣненія вызываетъ неволя у волковъ уже въ первомъ поколѣніи по отношенію къ длинѣ и пропорціямъ всего черепа, а особенно въ длинѣ, формѣ и положеніи зубовъ“; а Ноакъ подтверждаетъ, что „черепъ волка, равно какъ и шакала, въ самое короткое время испытываетъ подъ вліяніемъ жизни въ неволѣ глубокія измѣненія, сходныя отчасти съ измѣненіями черепа домашней собаки“. Подобные факты бросаютъ многозначительный свѣтъ на филогенію собаки, и было бы очень желательно установить ихъ болѣе систематично посредствомъ опытовъ разведенія.

Въ общихъ отношеніяхъ структуры костей происходятъ измѣненія, которыя обнаруживаются уже на изломѣ. Перерожденія костей встрѣчаются гораздо чаще; напомнимъ только весьма обыкновенное явленіе рахитическихъ костей у домашнихъ куръ.

Какъ можетъ преобразоваться вся форма головы, мы видимъ особенно ясно у домашней свиньи. Какъ только она теряетъ возможность рыться въ землѣ, то-есть содержится въ хлѣву, прямая линія профиля становится ломанной, затылочная чешуя выпрямляется. У европейской домашней свиньи (мѣстной свиньи) изломъ менѣе рѣзко выраженъ, чѣмъ у ручныхъ свиней азіатскаго происхожденія.

Параллельно одомашненію происходитъ укорачиваніе личнаго черепа, которое въ крайнихъ случаяхъ приводитъ къ образованію мопсообразной морды. Наиболѣе извѣстно это явленіе у домашнихъ собакъ, принадлежащихъ къ группѣ договъ, а у японской собаки джинъ оно дошло до такого развитія, что голова сдѣлалась почти обезьяньей. Мопсовидныя головы встрѣчаются также у овецъ и козъ. У ко-

роткоголоваго рогатаго скота, напримѣръ, эрингерскаго и дуксерскаго, значительно укорочена собственно морда. Разводившійся раньше въ Южной Америкѣ, нынѣ же исчезнувшій, скотъ піата обладалъ настоящей мопсовидной головой.

Недоразвитіе выростовъ, несущихъ рога, у домашнихъ животныхъ изъ группы жвачныхъ можно прослѣдить до полнаго исчезновенія роговъ. Безрогія козы и овцы очень распространены. Съ другой стороны, посредствомъ отбора рога уже въ раннія времена сильно увеличивались, вслѣдствіе чего выросты, несущіе рога, превращались въ мощныя образованія. У скота съ исполинскими рогами въ центральной Африкѣ и южной Абиссиніи длина рога нерѣдко достигаетъ 120 см. и болѣе.

Часты и преобразованія конечностей; такъ, способность летать у домашнихъ куръ, гусей и утокъ почти совершенно утрачена; у таксъ ноги сильно укорочены; не лишено интереса то, что это укороченіе, вѣроятно обусловленное мутаціей, появилось самостоятельно въ Старомъ Свѣтѣ и въ до-Колумбовой Америкѣ, и въ обоихъ случаяхъ было подхвачено разведеніемъ.

Объ измѣненіяхъ *нервной системы*, поскольку они имѣютъ морфологическій характеръ, намъ не приходится много говорить, потому что систематическихъ изслѣдованій въ этомъ направленіи не имѣется. Напротивъ, на психическую сторону функцій нервной системы одомашненіе вліяло очень сильно.

У многихъ видовъ умственныя способности значительно развились въ состояніи приручения, другіе, напротивъ, утратили ихъ. Для приручения годились лишь тѣ животныя, которыя уже въ дикомъ состояніи обладали ясно выраженными соціальными инстинктами и потому способны къ воспитанію. Пессимисты и чудаки, склонные къ одиночеству, для этого не годились.

Первобытный человѣкъ, рѣшивъ пріобрѣсти домашнихъ животныхъ, проявилъ большой педагогическій тактъ. Онъ не нуждался въ гуманномъ изрѣченіи: „Блаженъ, иже и скоты милуетъ“. Любовное пониманіе, что душа животнаго только по степени, а не по качеству отличается отъ человѣческой души, удерживало его отъ всякаго истязанія животныхъ; послѣднее развилось только мѣстами на болѣе высокой ступени культуры подъ вліяніемъ внушеній, которыя не

имѣли ничего общаго съ разведеніемъ домашнихъ животныхъ, а исходили совсѣмъ съ другой стороны.

Когда мы видимъ вола или лошадь, влекущихъ возъ, у насъ, быть можетъ, возникаетъ вопросъ, почему животное терпитъ такую зависимость и не пытается бѣжать. Но отношеніе человѣка, которое вначалѣ было дружественнымъ, заставило большинство домашнихъ животныхъ инстинктивно признать, что новое положеніе представляетъ для нихъ большія выгоды. Это представленіе съ теченіемъ времени закрѣпилось.

Способность поддаваться внушенію, сильно выраженная уже въ дикой жизни, была использована человѣкомъ съ цѣлью преобразовать и приспособить къ спеціальнымъ потребностямъ психическій характеръ. Всѣхъ больше выиграла собака, оказавшаяся болѣе способной къ дрессировкѣ, чѣмъ какое бы то ни было другое созданіе. Она легко воспринимаетъ свойства окружающихъ. Справедливо говоритъ Брэмъ: „Собака—вѣрное отраженіе своего господина; чѣмъ дружелюбнѣе, любовнѣе, внимательнѣе съ ней обращаются, чѣмъ лучше и опрятнѣе ее содержатъ, чѣмъ больше и разумнѣе ею занимаются, тѣмъ разумнѣе и благороднѣе она становится; обратное происходитъ, если она подвергается дурному обращенію. Каждая собака принимаетъ тонъ своего дома“.

Домашняя кошка тоже много пріобрѣла въ интеллектуальномъ отношеніи, хотя она уже въ дикомъ состояніи отличалась духовными способностями. Но при ея сильно выраженномъ эгоизмѣ все баловство, которое доставалось ей на долю, въ особенности со стороны ея почитательницъ, привело лишь къ усиленію ея аристократическаго характера, къ повышенію ея претензій на хорошее обращеніе.

Мало пріобрѣлъ рогатый скотъ, въ полномъ пренебреженіи осталась свинья. При болѣе внимательномъ отношеніи она могла бы развиться духовно, такъ какъ въ юности свинья способна къ ученью. Людовикъ XI забавлялся группой поросятъ, которыхъ выучилъ плясать подъ звуки волынки. Но человѣкъ всегда желалъ получать отъ свиньи только сало или мясо; для воспитанія умственныхъ способностей у него имѣлся лучшій матеріалъ.

Между, тѣмъ какъ задорная коза не утратила своихъ природныхъ умственныхъ способностей, а скорѣе кое-что пріобрѣла въ этомъ направленіи, у близко родственной овцы мы наблюдаемъ величайшее вырожденіе. Тогда какъ дикія

овцы умно избѣгаютъ опасностей и не боятся при случаѣ дать мужественный отпоръ, домашняя овца превратилась въ трусливаго, безсмысленнаго раба человѣка.

Наоборотъ, лошадь, благодаря прирученію, поднялась на высокую ступень. Какъ дитя степей, она обладаетъ замѣчательной памятью на мѣста, сохранившейся и въ состоянія прирученія. Преданная человѣку, она отучилась отъ своего первоначальнаго страха передъ нѣкоторыми явленіями. Она привыкла къ шуму битвы, пріобрѣла способность находить удовольствіе въ музыкѣ и научилась, съ помощью своего вѣрнаго чувства времени, двигаться въ тактъ. Менѣе счастлива была судьба осла. Онъ уступаетъ лошади въ отношеніи дарованій, ему не чуждо своенравіе, и въ средиземноморскихъ странахъ его часто портило дурное обращеніе. На Востокѣ, однако, попадаются благородные экземпляры, которые отличаются большимъ послушаніемъ.

Незначительны результаты человѣческаго искусства воспитанія, достигнутые по отношенію къ верблюду; однако, какъ носитель культуры, онъ цѣнится въ обширныхъ областяхъ земли за свои прочія свойства. Въ Мехарѣ, впрочемъ, выработалась очень послушная и чрезвычайно работоспособная мѣстная раса ѣздовыхъ верблюдовъ.

Послѣдствія одомашненія извѣстны также и въ области органовъ *воспроизведенія*. По даннымъ I. Кэшели яичники достигшихъ половой зрѣлости домашнихъ свиней въ среднемъ въ 5—8 разъ тяжелѣе яичниковъ дикихъ свиней того же возраста и того же приблизительно живого вѣса, а общее число яйцевыхъ пузырьковъ, замѣтныхъ въ оваріяхъ, у достигшихъ зрѣлости дикихъ свиней вдвое меньше, чѣмъ у домашнихъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ возрастаетъ и плодовитость. По наблюденіямъ надъ дикими свиньями въ Франценбергѣ, онѣ приносятъ въ одномъ пометѣ 3—8, въ среднемъ 4 поросенка, домашняя же свинья 6—19, обыкновенно 8—12.

Плодовитость кролика повысилась, такъ какъ онъ ежегодно мечетъ 6—7 разъ, тогда какъ дикій кроликъ только 4 раза.

У курицы и утки производство яицъ въ домашнемъ состояніи чрезвычайно возросло; у домашней утки оно вдесятеро больше, чѣмъ у дикой.

Но извѣстны также и противоположные случаи; такъ, плодовитость павлиновъ въ домашнемъ состояніи понизилась; слоны же совершенно утрачиваютъ ее подъ вліяніемъ при-

рученія, отчего и не могли сдѣлаться домашними животными; ихъ приходится всякій разъ приручать заново.

Продолжительность беременности у домашнихъ млекопитающихъ животныхъ часто сокращалась; напротивъ, періодъ молочности удлинялся. У самокъ нѣкоторыхъ расъ домашнихъ млекопитающихъ обнаруживается сильное увеличеніе молочныхъ железъ и вмѣстѣ съ тѣмъ усиленіе молочности. Тогда какъ подольскія коровы, принадлежащія къ примитивной расѣ рогатаго скота, даютъ въ теченіе лактаціоннаго періода только около 800 литровъ молока, молочныя коровы западной Европы даютъ 6000 литровъ и болѣе. Это составляетъ большую хозяйственную выгоду, которая дѣлаетъ понятнымъ, почему практическое скотоводство съ величайшимъ тщаніемъ примѣняетъ отборъ.

Переходя къ болѣе глубокимъ причинамъ, вызвавшимъ безчисленныя приспособленія въ организмѣ нашихъ домашнихъ животныхъ, мы находимъ, что измѣненія вызывались по существу *внѣшними раздраженіями*. Мы становимся тѣмъ самымъ на почву ламаркизма, которую оставили многіе изслѣдователи, но которая кажется намъ попрежнему самой надежной. Эти внѣшнія вліянія почти всегда вызываютъ очень сложныя раздраженія.

Какъ уже признало, и совершенно правильно, древнее животноводство, большую роль играетъ упражненіе, т. е. *употребленіе или неупотребленіе* органовъ.

Полное отсутствіе движенія затрудняетъ развитіе костей по всѣмъ направленіямъ; поэтому у домашняго животнаго при стойловомъ содержаніи образуются слабыя кости съ тонкими стѣнками; мускульныя связки у нихъ ослаблены, у черепныхъ костей внутреннее губчатое вещество относительно сильно развито, наружное плотное — слабо. Ру замѣчаетъ, что длина костей увеличивается при чередующихся усиліяхъ, напримѣръ, при частыхъ прыжкахъ; поэтому бѣговыя лошади обладаютъ болѣе длинными ногами, чѣмъ тяжеловозы. Разумѣется, отборъ оказываетъ дѣйствіе съ своей стороны. Болѣе высокія умственныя способности развиваются, очевидно, въ тѣхъ случаяхъ, когда внушающее воздѣйствіе человѣка, какъ являющееся извнѣ раздраженіе, часто возбуждаетъ большой мозгъ, — это наблюдается, напр., при дрессировкѣ собакъ и лошадей. Гдѣ это раздражающее дѣйствіе внушенія отсутствуетъ, тамъ умственныя способности понижаются.

Мощнымъ факторомъ является *питаніе*, съ чѣмъ согласны всѣ зоотехники. Сильныя измѣненія въ воспроизводительной сферѣ нужно приписывать, главнымъ образомъ, обильному питанію, такъ какъ отъ него зависятъ явленія роста вообще, а къ нимъ справедливо причисляютъ воспроизведеніе, характеризуя послѣднее, какъ ростъ, выходящій за предѣлы индивидуальной жизни. По Вилькенсу питаніе, обильное бѣлками и фосфатами, ускоряетъ наступленіе половой зрѣлости.

Наконецъ, *свойства почвы* и *климата* имѣютъ значительное вліяніе. Тѣ и другія, напр., создали первичныя расы лошадей.

Тяжелая дилювіальная лошадь Европы, давшая начало нашимъ западнымъ домашнимъ лошадямъ, была болѣе или менѣе приспособлена къ низменности съ умѣреннымъ климатомъ, съ преобладаніемъ лѣса и травянистой степи. Маленькія, подобныя пони, лошади, ручные потомки которыхъ отличаются большей подвижностью и меньшимъ вѣсомъ тѣла, происходятъ изъ гористыхъ областей Азіи, съ суровымъ климатомъ и менѣе благопріятными условіями питанія.

Короткошерстая борзая, которая очень рано предприняла свое разселеніе изъ сѣверной Африки въ области Чернаго моря и сарматскія степи, превратилась въ русскую борзую и, подъ вліяніемъ холоднаго климата, сдѣлалась длинношерстой. Въ жаркомъ и влажномъ климатѣ Мадагаскарскихъ береговъ мнѣ попадались куры, которыя вслѣдствіе недоразвитія перьевъ сдѣлались полуголыми.

IV. Происхожденіе и очаги образованія домашнихъ животныхъ.

Исторія происхожденія нашихъ животныхъ, перешедшихъ въ состояніе приученія, всегда считалась крайне спорной областью зоологіи. И теперь еще мнѣнія сильно расходятся по нѣкоторымъ пунктамъ, но можно сказать, что картина происхожденія въ новѣйшее время стала гораздо яснѣе. Придется еще исправить отдѣльныя детали, постараться заполнить существующіе пробѣлы,—но въ общемъ и цѣломъ очертанія картины установлены. Если изслѣдовать причины разногласія мнѣній, то окажется, что ихъ слѣдуетъ искать,

главнымъ образомъ, въ слишкомъ одностороннемъ примѣненіи методовъ изслѣдованія. Одна школа думала выяснить все при помощи доисторическихъ изслѣдованій, другая держалась исключительно фактовъ исторіи культуры, третья думала даже достигнуть цѣли однимъ лишь лингвистическимъ путемъ. Морфологія животныхъ, какъ ни надежны вообще ея изслѣдованія, также натыкается иногда на факты, обусловливающіе извѣстную неясность.

Нельзя подчеркнуть, что только осмотрительное взвѣшиваніе всѣхъ обстоятельствъ и основательное освѣщеніе съ различныхъ точекъ зрѣнія обусловливаетъ надежные результаты въ исторіи происхожденія нашихъ домашнихъ животныхъ; въ особенности не имѣетъ никакого оправданія дилетантизмъ, который часто исчерпывается въ этой области однимисловами. Современная филогенія тщательно разработана методически обоими біологическими направленіями, зоологическимъ и ботаническимъ; ихъ руководящіе принципы прилагаются поэтому, безъ всякихъ оговорокъ, и къ филогеніи домашнихъ животныхъ, такъ какъ она не можетъ претендовать на какое-либо исключительное положеніе. Сверхъ того, она располагаетъ еще полезными вспомогательными средствами, которыя обыкновенно оказываются непримѣнимыми для свободно живущихъ животныхъ. Лингвистическіе документы не слѣдуетъ переоцѣнивать, такъ какъ они ничего не говорятъ о родоначальныхъ формахъ и должны предоставлять рѣшеніе, съ одной стороны, сравнительной анатоміи, съ другой—географіи животныхъ. Но можно смотрѣть на нихъ, по крайней мѣрѣ, какъ на слѣды, указывающіе на очаги образованія; еще болѣе освѣщаютъ они пути странствованій вообще.

Относительно самыхъ раннихъ явленій цѣнныя указанія даетъ наука о доисторическомъ періодѣ. Въ положительномъ смыслѣ она отмѣчаетъ первое выступленіе прирученныхъ видовъ, въ отрицательномъ—сообщаетъ намъ, что въ наидревнѣйшія времена человѣческаго существованія вовсе не было домашнихъ животныхъ.

Совершенно неоцѣнимы услуги, оказанныя исторіи домашнихъ животныхъ этнографіей. Указывая намъ, какими животными обладаютъ одновременно живущіе народы, она побуждаетъ къ сравненію и объясняетъ намъ пути странствованія отдѣльныхъ домашнихъ животныхъ. Она сообщила намъ, что болѣе раннія филогенетическія ступени до сихъ

поръ сохранились въ захолустныхъ мѣстахъ. Отдаленные острова, горныя области и степныя страны дали очень богатый матеріалъ въ этомъ направленіи. Это легко объясняется консервативнымъ образомъ мыслей обитающихъ въ нихъ людей.

Наконецъ, необыкновенно богатымъ источникомъ матеріала для рѣшенія филогенетическихъ вопросовъ должны мы считать древнее искусство, въ особенности тамъ, гдѣ его произведенія принадлежатъ весьма древнимъ, погибшимъ культурамъ. При этомъ оказывается, что образовательное искусство возникло уже въ очень раннюю эпоху и заимствовало свои мотивы изъ міра животныхъ. Это образовательное искусство по времени своего возникновенія старше, чѣмъ пріобрѣтеніе домашнихъ животныхъ; вначалѣ оно изображало только животныхъ, служившихъ предметомъ охоты, позднѣе же воспользовалось и домашними животными въ качествѣ художественнаго мотива.

1. Происхожденіе нашихъ домашнихъ собакъ.

Вполнѣ справедливо помѣстить домашнихъ собакъ во главѣ всѣхъ прирученныхъ формъ, не столько ради ихъ хозяйственнаго значенія—другіе одомашненные виды были для человѣка, несомнѣнно, полезнѣе—сколько потому, что здѣсь дѣло идетъ о древнѣйшемъ пріобрѣтеніи. Что собака была первымъ домашнимъ животнымъ, примкнувшимъ къ человѣку, мы усматриваемъ какъ изъ фактовъ первобытной исторіи человѣка, такъ и изъ этнографіи.

Среди кухонныхъ отбросовъ въ кучахъ раковинъ, въ Даніи, Стенструпъ нашелъ собаку, какъ единственное домашнее животное. Повидимому, она постоянно рыскала около стано ищъ человѣка, пользуясь остатками пищи; слѣды ея зубовъ нерѣдки на костяхъ. Вѣроятно, датскія кучи раковинъ съ ихъ слѣдами человѣческой дѣятельности нѣсколько древнѣе свайныхъ построекъ; во всякомъ случаѣ ихъ надо относить къ неолитической эпохѣ.

Въ швейцарскихъ свайныхъ постройкахъ болѣе древней и болѣе новой эпохи остатки домашней собаки часты; черепа большею частью хорошо сохранились. Отсюда можно заключить, что собака держалась не ради употребленія въ пищу, а для охраны стадъ.

У современныхъ племенъ, еще не достигшихъ ступени

земледѣлія и скотоводства, мы встрѣчаемъ только собаку въ качествѣ товарища человѣка. Цейлонскіе ведды, тѣлесно и культурно наиболѣе близкіе къ первобытной формѣ человѣка, обладаютъ ручными собаками, и веддайская дѣвушка, вступая въ бракъ, получаетъ отъ своихъ родителей въ приданое собаку. Другихъ домашнихъ животныхъ мы не знаемъ у веддовъ.

Глубокая древность домашнихъ собакъ объясняетъ ихъ современное космополитическое распространеніе; онѣ проникли, какъ показали новѣйшія полярныя экспедиціи, даже въ такія области, гдѣ не выдерживаетъ никакое другое домашнее животное. Онѣ помогли эскимосамъ завоевать негостепріимные края сѣвера.

Примѣненіе домашнихъ собакъ на службѣ у людей довольно многостороннее. Собака свайныхъ построекъ цѣнилась, какъ сторожъ дома и стадъ. Какъ помощникъ на охотѣ, собака извѣстна въ обширныхъ областяхъ. На ассирійскихъ памятникахъ изображены охотничьи сцены, гдѣ огромные доги валятъ дикую лошадь; борзая эпохи фараоновъ чрезвычайно цѣнилась древне-египетскими народами, какъ спутникъ на охотѣ. Еще и нынѣ обитатели верхняго Нила держатъ своры борзыхъ для охоты на антилопъ, и съ трудомъ разстаются съ любимымъ животнымъ. Арабъ презираетъ собаку, но стройная „слуги“ (борзая) дорога для него.

Собака часто пріобрѣтала значеніе и какъ животное, употребляемое въ пищу. Гарсиласко де-ла Вега сообщаетъ, что первоначальные обитатели Перу были страстные охотники до псины; во внутренней Африкѣ Ніамъ-Ніамъ откармливаютъ и ѣдятъ собакъ; Монбутту также ѣдятъ ихъ; китаецъ откармливаетъ для стола своего „чау“.

Какъ упряжное животное для саней, сибирская собака оказываетъ неоцѣнимыя услуги; у насъ тоже начинаютъ запрягать большихъ собакъ въ телѣжки съ молокомъ, что, впрочемъ, выглядитъ не особенно эстетично.

Въ древнія и новыя времена собаки употреблялись для военной службы. Галлы и кельты употребляли боевыхъ собакъ въ сраженіяхъ съ римскими легіонами; онѣ нападали на лошадей и приводили въ разстройство конницу. Испанцы съ большой жестокостью примѣняли собакъ въ войнахъ съ индѣйцами. Современное военное примѣненіе собакъ для развѣдочной и сторожевой службы—общеизвѣстно.

Всесоюзная библиотека

Въ отношеніи внѣшняго вида наши домашнія собаки представляютъ чрезвычайно рѣзкія противоположности. Уже величина тѣла колеблется между большими крайностями.

Исидоръ-Жоффруа Сентъ-Илеръ сообщаетъ точныя данныя о длинѣ тѣла, не считая хвоста. У наиболѣе крупныхъ горныхъ собакъ она достигаетъ 133 см., у маленькихъ собачекъ 22 см. Максимумъ въ *шесть разъ* превосходитъ минимумъ; если же вычислить объемъ, то оказывается, что у наиболѣе крупныхъ собакъ онъ въ *двѣсти разъ* превосходитъ объемъ самыхъ мелкихъ формъ.

Но и пропорціи тѣла чрезвычайно колеблются; наряду съ тонко-мускульными, легко-сложенными, почти антилоповидными собаками извѣстны массивныя, тяжеловѣсныя собаки съ хорошей мускулатурой. Конечности тонки и высоки у чистокровныхъ борзыхъ; у таксъ и джиновъ, напротивъ, короткія, такъ что тѣло выглядитъ приземистымъ.

Во всякомъ случаѣ, можно выдѣлить отдѣльныя группы расъ, морфологическое единство которыхъ очевидно безъ поясненій, напримѣръ, лайки, шпицы, овчарки, доги и борзыя. Во всѣхъ этихъ группахъ имѣются, правда, сильныя варіаціи въ деталяхъ, но, съ другой стороны, такъ много общихъ чертъ, что мы должны ихъ разсматривать, какъ варіаціи на опредѣленную анатомическую тему.

Существованіе промежуточныхъ формъ вслѣдствіе скрещиванія ничего не измѣняетъ въ вопросѣ о происхожденіи. Въ нѣкоторыхъ областяхъ подобныя помѣси такъ многочисленны, что создалось настоящее общество собакъ-мулатовъ. Для филогенетическихъ вопросовъ эти продукты не имѣютъ значенія; они строго исключаются, такъ какъ въ соображеніе должны приниматься лишь чистокровныя формы. Мы должны поэтому отрицательно отнестись ко всѣмъ, вновь появившимся въ послѣднее время, попыткамъ выяснить генетическія отношенія посредствомъ скрещиваній; эти попытки могутъ только ввести въ заблужденіе.

Если мы прослѣдимъ историческій ходъ попытокъ выяснить происхожденіе домашнихъ собакъ, то увидимъ, что вначалѣ преобладала монофилетическая точка зрѣнія, и лишь позднѣе стали доказывать полифилетическое происхожденіе, при которомъ исходными пунктами для нашихъ расъ домашнихъ собакъ были совершенно различныя дикія собаки. При этомъ выяснилось, что отдѣльные очаги образованія принадлежатъ совершенно различнымъ областямъ.

Если старое популярное мнѣніе признаетъ исключительно „собаку“ и избѣгаетъ множественнаго числа въ собирательномъ имени нашихъ домашнихъ товарищей, то-есть не говоритъ о „домашнихъ собакахъ“,—то старикъ Линней, которому морфологія животныхъ обязана такими серьезными методическими успѣхами, далъ этому мнѣнію научное освященіе. Онъ соединилъ всѣхъ домашнихъ собакъ въ одинъ единственный зоологическій видъ и далъ ему названіе Canis familiaris.

Для Линнеевской школы тѣмъ самымъ былъ предрѣшенъ и вопросъ о происхожденіи. Видъ самъ по себѣ былъ неизмѣненъ; все, что входило въ его составъ, имѣло общее происхожденіе. Эта Canis familiaris замѣчательно долго удержалась въ наукѣ и до сихъ поръ еще фигурируетъ на этикеткахъ зоологическихъ музеевъ, хотя въ дѣйствительности и не имѣетъ права на существованіе.

Бюффонъ считаетъ овчарку настоящей естественной собакой (le vrai chien de la nature), всѣ остальныя расы—продуктъ климата и культуры. Гюльденштедтъ первый выступилъ противъ стараго мнѣнія, будто собака происходитъ отъ волка, и объявилъ ея родоначальникомъ шакала. Конечно, онъ сдѣлалъ при этомъ ошибку, хотя мы нынѣ и признаемъ, что его проницательность рѣшила вопросъ правильно, по крайней мѣрѣ, для нѣкоторыхъ домашнихъ собакъ. Кювье нигдѣ не высказывается опредѣленно о происхожденіи нашей собаки; напротивъ, у Годжсона въ 1852 г. снова сильно подчеркивается старое монофилетическое воззрѣніе. Описанная имъ дикая собака Индіи, получившая характерное названіе Canis primaevus, представляетъ будто бы настоящую перво-собаку. Это было выраженіемъ распространеннаго въ то время мнѣнія, будто исходнымъ пунктомъ цивилизаціи была Индія. Однако, анатомическія основанія говорятъ противъ Canis primaevus, какъ родоначальника всѣхъ расъ собакъ, и мнѣніе это вообще оставлено.

Почва для болѣе правильнаго пониманія исторіи происхожденія была подготовлена французскимъ зоологомъ Исидоромъ-Жоффруа Сентъ-Илеромъ, который высказался противъ единства вида домашней собаки и уже въ 1860 г. установилъ нѣсколько дикихъ родоначальныхъ формъ (Canis aureus, C. mesomelas, C. simensis). На подобной же почвѣ стоитъ австрійскій зоологъ Л. Фицингеръ, который принимаетъ не менѣе семи родоначальныхъ формъ. Подъ вліяніемъ клима-

тическихъ условій, географическаго изолированія, культуры и скрещиванія отъ нихъ произошли многочисленныя формы. Его способъ доказательства, однако, неудаченъ; именно, онъ не хочетъ допустить, что отдѣльныя родоначальныя формы еще и нынѣ живутъ въ дикомъ состояніи. Поэтому защищаемая имъ теорія расъ, не совсѣмъ научная, никогда не могла найти признанія.

Въ 1868 году Дарвинъ въ извѣстномъ сочиненіи: „Измѣненіе животныхъ и растеній подъ вліяніемъ одомашненія“, также высказался, правда осторожно, но весьма рѣшительно, въ пользу полифилетическаго происхожденія. „Главнѣйшій аргументъ“, говоритъ Дарвинъ, „въ пользу того, что различныя расы собаки происходятъ отъ опредѣленныхъ дикихъ формъ, есть сходство, которое онѣ обнаруживаютъ въ различныхъ областяхъ съ особыми дикими видами, еще и нынѣ существующими въ тѣхъ же областяхъ“.

Въ весьма замѣчательномъ сочиненіи о „Родоначальникахъ нашихъ расъ собакъ“ Л. Г. Іейтелесъ также высказывается въ 1877 г. въ пользу полифилетической точки зрѣнія. Онъ очень удачно выводитъ старую торфяную собаку отъ шакала, а появляющуюся позднѣе бронзовую собаку, сохранившуюся въ нашей овчаркѣ, отъ индійскаго волка (Canis pallipes). Торфяную собаку онъ считаетъ исходнымъ пунктомъ современныхъ шпицовъ. Африканскій дибъ (Canis lupaster) былъ прирученъ уже въ древности и сдѣлался родоначальникомъ многихъ древне-египетскихъ собакъ, равно какъ и африканской собаки-паріи, тогда какъ борзыя произошли отъ болѣе нѣжной разновидности большого шакала (Canis anthus). Напротивъ, собственно волкъ (Canis lupus) не участвовалъ въ происхожденіи домашнихъ собакъ. Безъ сомнѣнія, изслѣдованіе Іейтелеса — крупный успѣхъ науки, и въ большинствѣ пунктовъ съ нимъ можно согласиться; только относительно борзыхъ мы другого мнѣнія.

Въ 1884 году Нерингъ также выступилъ противъ единства происхожденія нашихъ домашнихъ собакъ. Но онъ высказывается за происхожденіе нѣкоторыхъ расъ отъ волковъ, указывая на то, что въ отношеніи строенія черепа волки уже въ дикомъ состояніи чрезвычайно варьируютъ, и даже индійскій волкъ (Canis pallipes), равно какъ африканскій волкъ (Lupus occidentalis), должны считаться только мѣстными формами; наряду съ волкомъ въ качествѣ родоначальныхъ видовъ принимаются шакалы.

Иную и вполнѣ своеобразную точку зрѣнія высказываетъ въ новѣйшее время Т. Штудеръ, который въ своей обстоятельной работѣ 1901 года о доисторическихъ собакахъ снова пытается защищать монофилетическое происхожденіе, поскольку рѣчь идетъ о собакахъ Стараго Свѣта. Онъ пишетъ: „Со временъ дилювіальной эпохи существовалъ на ряду съ волкомъ небольшой видъ собаки, который имѣлъ область распространенія общую съ волкомъ, и только на югѣ выходилъ за ея предѣлы, а потому имѣлъ случай проникнуть на австралійскій материкъ. Этотъ видъ распался на двѣ главныя разновидности или подвида: динго въ восточной области, и Canis ferus—въ палеарктической. Этотъ видъ, подобно волку, былъ чрезвычайно способенъ къ варьированію: существовали расы средней величины и маленькія. Эти послѣднія раньше примкнули къ человѣку и въ силу отбора подверглись разнообразнымъ измѣненіямъ. Крупныя расы произошли въ различныхъ мѣстахъ путемъ простого или повторнаго скрещиванія съ волками“.

Къ этой гипотезѣ можно отнестись только скептически, хотя въ кругахъ любителей собачьяго спорта къ ней отнеслись съ извѣстнымъ вниманіемъ.

Уже въ 1884 г. Нерингъ, возражая Бургинья и Вольдриху, указалъ, что вымершая дикая собака дилювія (Canis ferus), судя по ея ископаемымъ остаткамъ, является нѣсколько проблематической. Эти остатки не всегда достовѣрны, и такъ скудны, что не могутъ имѣть значенія для вопросовъ о происхожденіи. Какъ показываетъ примѣръ Bos primigenius, дикая форма, которая можетъ дать человѣку домашнее животное отъ своего избытка, должна обладать большимъ числомъ особей, а потому и остатки ея должны быть многочисленны. Этого мы не находимъ въ отношеніи Canis ferus. Нерингъ высказалъ, пожалуй, правильную мысль, замѣтивъ, что эти нечастые остатки дилювіальной дикой собаки принадлежатъ еще и нынѣ существующимъ волку и шакалу, которыхъ дилювіальный человѣкъ при случаѣ пытался приручать; такіе индивидуумы еще не могутъ считаться настоящими, устойчивыми домашними животными.

Наконецъ, что касается происхожденія болѣе крупныхъ собачьихъ расъ путемъ скрещиванія съ волками, то слѣдуетъ указать на быстрое исчезновеніе подобныхъ ублюдковъ.

Чтобы разбираться въ исторіи нашихъ собакъ съ должной увѣренностью, всего лучше пользоваться данными

различныхъ научныхъ областей, которыя могутъ дать указанія. Сюда относится прежде всего наука о доисторическомъ человѣкѣ. Она убѣждаетъ насъ въ одномъ,—что домашнія собаки существовали въ Европѣ очень рано, уже въ началѣ неолитическаго періода. Относительно числа расъ мнѣнія расходятся. Здѣсь также требуется критическое отношеніе, тѣмъ болѣе, что одно время установленіе новыхъ доисторическихъ собачьихъ расъ приняло положительно эпидемическій характеръ. Если мы сдѣлаемъ тщательный выборъ, то останутся только три достовѣрныя — именно, торфяная собака (Canis palustris), бронзовая собака (Canis matris optimae) и пепельная собака (Canis intermedius).

Торфяная собака (рис. 3) — древнѣйшая раса, которая въ теченіе всего древняго отдѣла эпохи свайныхъ построекъ представляла единственную форму домашней собаки. Она была не особенно велика и разводилась уже въ нѣсколькихъ породахъ, въ которыхъ мы должны видѣть предковъ нашихъ современныхъ.

Только съ проникновеніемъ бронзовой культуры появляется новая, значительно болѣе крупная, раса,—открытая впервые Іейтелесомъ въ Ольмюцѣ — бронзовая собака, родину которой мы должны искать къ востоку отъ Европы. Ея внѣшнія формы всего вѣрнѣе сохранились въ современныхъ нѣмецкихъ и венгерскихъ овчаркахъ. Описанная Вольдрихомъ въ 1877 г. пепельная собака, появившаяся въ Нижней Австріи, а позднѣе въ Богеміи, въ новѣйшее время обнаружена также въ Голландіи; это, вѣроятно, продуктъ скрещиванія между торфяной и бронзовой собаками.

Крупные доги и борзыя еще не водятся въ Европѣ; они появились только въ началѣ исторической эпохи, но уже очень рано попадаются въ древнихъ культурныхъ областяхъ внѣ Европы. Ассирійскій культурный періодъ познакомилъ насъ съ огромными догами. Въ древнемъ Египтѣ уже во времена древнѣйшихъ династій подданные фараоновъ обладали большими сворами борзыхъ; въ это время Европа еще не заходила дальше древней культуры свайныхъ построекъ и торфяная собака пользовалась безспорнымъ господствомъ. Доисторическую эпоху знала и Америка,—она охватываетъ всю эпоху до Колумба.

Задолго до прибытія европейцевъ обитатели древняго Перу обладали въ большомъ числѣ домашними собаками; І. І. Чуди описалъ ихъ въ своей Fauna peruana подъ назва-

ніемъ „собака инки“ (Canis Inquae). Нельзя допустить ихъ переселенія изъ Стараго Свѣта; позже А. Нерингъ тщательно изслѣдовалъ ихъ остатки и призналъ ихъ туземнымъ пріобрѣтеніемъ.

Древнее искусство Месопотаміи и Египта даетъ намъ чрезвычайно цѣнныя указанія относительно путей разселенія отдѣльныхъ расъ собакъ. Изображенія собакъ часто попадаются во дворцахъ ассирійскихъ царей и обнаруживаютъ высокую степень техники искусства. Стѣнная живопись древнеегипетскихъ гробницъ очень часто изображаетъ собакъ, и показываетъ, что уже при древнѣйшихъ династіяхъ существовали различныя расы. Только доги никогда не изображались, откуда можно заключить, что подданные фараоновъ не держали ихъ. Собаки нарисованы въ такихъ различныхъ положеніяхъ, что мы имѣемъ точныя свѣдѣнія объ ихъ употребленіи и приходимъ къ убѣжденію, что онѣ принадлежали къ числу любимыхъ животныхъ.

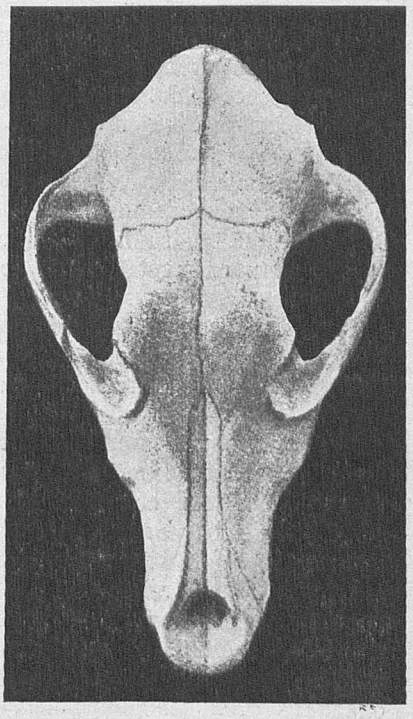


Рис. 3. Черепъ торфяной собаки. По фотографіи.

Въ древней Греціи животныхъ изображали преимущественно на монетахъ, также на вазахъ. Изображенія собакъ попадаются нерѣдко и даютъ возможность надежно опредѣлить расу.

Этнографія даетъ меньше, такъ какъ дѣло идетъ о животномъ космополитическаго распространенія. Во всякомъ случаѣ, мы узнаемъ отъ нея, что извѣстныя расы пользуются ограниченнымъ распространеніемъ. Сѣверные народы Стараго и Новаго Свѣта пользуются эскимосскими собаками,

происхожденіе которыхъ еще не опредѣлено съ достовѣрностью. Тропическія и подтропическія области Стараго Свѣта даютъ пріютъ пренебрегаемымъ собакамъ-паріямъ, Африка— родина многочисленныхъ борзыхъ вполнѣ своеобразнаго характера.

Если обратиться къ фактамъ зоогеографіи, то они говорятъ рѣшительно въ пользу полифилетическаго происхожденія домашнихъ собакъ. За исключеніемъ Австраліи, въ которой водятся одичавшія, но нѣтъ настоящихъ дикихъ собакъ, представители семейства собачьихъ всюду попадаются въ дикомъ состояніи. Европа, Африка, Азія, Сѣверная Америка и даже Южная Америка такъ богаты различными дикими собаками, что здѣсь человѣкъ всюду находилъ сырой матеріалъ для выработки домашняго животнаго.

Если перечисленныя до сихъ поръ науки даютъ намъ болѣе общія указанія для разъясненія исторіи происхожденія, то послѣднее слово остается за зоологически-анатомическими фактами.

Семейство собачьихъ обнимаетъ значительное число родовъ или подродовъ, которые обнаруживаютъ значительныя различія въ анатомическомъ отношеніи, особенно въ строеніи черепа.

Такъ какъ всѣ домашнія собаки, какъ-бы ни были рѣзки различія между ними, обнаруживаютъ съ большимъ постоянствомъ 42 зуба и всѣ безъ исключенія обладаютъ круглымъ зрачкомъ, то мы можемъ сразу же устранить изъ родоначальниковъ нѣкоторые виды дикихъ представителей этого семейства, напримѣръ, лисицъ (Vulpes) съ косо поставленнымъ продолговатымъ зрачкомъ; затѣмъ родъ Cuon, обладающій только 40 зубами. Равнымъ образомъ не идутъ въ счетъ южно-африканскія собаки съ 48 зубами, а африканская гіена обладаетъ столь своеобразнымъ тѣлосложеніемъ, что мы не можемъ признать ея подобія ни въ одной домашней собакѣ [1]).

Такимъ образомъ, для опредѣленія связи съ ручными видами остаются только дикіе представители рода Canis въ тѣснѣйшемъ смыслѣ, которые всѣ обладаютъ круглымъ зрачкомъ и 42 зубами. Ихъ болѣе крупныя формы называются волками, а мелкія шакалами. Болѣе дюжины видовъ ихъ распространены въ Старомъ и Новомъ Свѣтѣ.

---

[1]) Гіенъ относятъ даже къ особому семейству Hyaenidae. *Red.*

Изъ болѣе мелкихъ видовъ заслуженный Гюльденштедтъ съ полнымъ правомъ привлекъ въ качествѣ предка домашнихъ собакъ обыкновеннаго шакала (Canis aureus). Конечно, онъ зашелъ слишкомъ далеко, выводя въ своей, появившейся въ 1776 г., „Schacalae historia“ всѣ наши формы домашней собаки отъ этой дикой собаки. Мы можемъ, однако, утверждать, что богатая формами группа шпицовъ происходитъ отъ шакала. И теперь еще у многихъ примитивныхъ дворняжекъ, вслѣдствіе сильной консервативной наслѣдственности, обнаруживается ясная шакалья окраска. Въ строеніи черепа и устройствѣ зубовъ между торфянымъ шпицемъ, исходной формой группы шпицовъ, и шакаломъ обнаруживается большое сходство, какъ я могъ установить на черепѣ торфяной собаки Робенгаузена. Для обоихъ особенно характерна узкая носовая полость. Психическія особенности шакаловъ тоже говорятъ за ихъ связь съ дворовыми собаками. Когда послѣднія хотятъ избѣжать наказанія, онѣ убѣгаютъ, крадучись и часто оглядываясь,—совершенно такъ же, какъ дѣлаютъ бѣгущіе шакалы. По словамъ Гюльденштедта, шакалъ положительно навязывается человѣку; онъ очень назойливъ, охотно слѣдуетъ за человѣкомъ въ его кочевкахъ и легко приручается. Относительно очага образованія этой древней домашней собаки трудно сказать что-нибудь съ увѣренностью. Шпицы распространены не только по всей Европѣ, но живутъ и въ сѣверной Азіи и достигаютъ на востокѣ Китая и Японіи. Баттакскій шпицъ на Суматрѣ очень близокъ къ древней торфяной собакѣ; подобную же собаку я нашелъ у туземцевъ Мадагаскара. Шакалы, съ своей стороны, также имѣютъ большую область распространенія: они населяютъ южную Европу, сѣверную Африку, Малую Азію, Персію и Индію. Черепа шакаловъ подвержены сильнымъ варіаціямъ. Западно-азіатскія мѣстныя формы всѣхъ ближе подходятъ по строенію черепа къ древней торфяной собакѣ; это заставляетъ предполагать, что очагъ образованія послѣдней нужно искать въ западной Азіи. Уже въ доисторическое время появляются мелкія и болѣе крупныя формы, которыя продолжаютъ существовать въ нашихъ нынѣшнихъ шпицахъ, лайкахъ и пинчерахъ. Поразительно крѣпко сложеннымъ шпицомъ, съ меланитической окраской, чернымъ языкомъ и стоячими ушами обладаетъ восточная Азія въ китайской чау, тогда какъ Японія въ изящномъ, съ шелковистой шерстью, джинѣ вывела форму мопса съ

почти обезьяньей мордой. Дворовыя собаки очень распространены также у туземцевъ южной Африки; онѣ еще требуютъ болѣе точнаго изслѣдованія, и не невѣроятно ихъ происхожденіе отъ чапрачнаго шакала (Canis mesomelas). Похожи на шпицовъ, но значительно превосходятъ ихъ величиною овчарки, стоячія уши которыхъ указываютъ на относительно примитивное состояніе. Въ Европу они проникаютъ вмѣстѣ съ возникшей на востокѣ бронзовой культурой, что заставляетъ заключать о внѣ-европейскомъ очагѣ образованія. Овчарки служили пастушьимъ племенамъ для обереганія стадъ; ихъ появленіе понятно, такъ какъ въ позднѣйшую эпоху свайныхъ построекъ европейское скотоводство сильно развилось, а затѣмъ регрессировало, пока римское вліяніе не вызвало новаго расцвѣта этой отрасли хозяйства.

Волчья окраска очень часто является у овчарокъ, тѣмъ не менѣе европейскій волкъ (Canis lupus), повидимому, не принималъ участія въ ихъ происхожденіи. Іейтелесъ долго искалъ точекъ соприкосновенія и, наконецъ, нашелъ родоначальную форму въ Индійскомъ волкѣ (Canis pallipes). Нѣкоторые считаютъ этого послѣдняго за менѣе крупную, легкаго сложенія, мѣстную расу нашего волка,—что въ концѣ концовъ безразлично для вопроса о происхожденіи.

Повидимому, онъ держится обыкновенно въ открытыхъ мѣстностяхъ и, по возможности, избѣгаетъ лѣсной области. По сообщеніямъ туземцевъ, индійскіе волки имѣютъ привычку загонять пасущихся антилопъ и овецъ въ удобное для поимки мѣсто; этотъ инстинктъ посредствомъ надлежащаго воспитанія могъ быть утилизированъ для охраны и загона скота.

Географическое распространеніе Canis pallipes не ограничивается Индіей, а простирается до восточной Персіи, и потому Іейтелесъ считаетъ Иранъ мѣстомъ первоначальнаго приручения.

Древне-перуанскіе народы также обладали пастушьей собакой, напоминающей овчарку и сохранившейся въ болѣе или менѣе чистомъ видѣ у индѣйцевъ. Въ Берлинскихъ собраніяхъ имѣются хорошія муміи и довольно хорошо сохранившійся скелетъ. Этотъ матеріалъ добытъ изъ Анконскихъ гробницъ, и въ составъ его входятъ какъ длинношерстыя, такъ и короткошерстыя собаки, которыя всѣ нужно относить къ собакѣ инка (Canis Inguae). Нерингъ установилъ интересный фактъ, что древніе перуанцы уже практиковали

расовый отборъ и придавали при случаѣ своимъ овчаркамъ формы дога и таксы. По его мнѣнію, эти расы, отличающіяся отъ собакъ Стараго Свѣта, происходятъ не отъ южно-американскихъ дикихъ собакъ, а отъ сѣверо-американскаго волка (Lupus occidentalis), вѣроятно, отъ менѣе крупной южной разновидности (varietas mexicana). Въ связи съ этимъ очагъ образованія приходится перенести въ древнюю Мексику, быть можетъ, даже въ область культуры майи. Отсюда древне-американскія домашнія собаки проникли въ Южную Америку по Панамскому перешейку, такъ часто служившему путемъ переселенія для животнаго міра. Что собака существовала у древнихъ мексиканцевъ и даже погребалась вмѣстѣ съ покойниками для сопровожденія ихъ на тотъ свѣтъ,—фактъ общеизвѣстный.

Сюда могутъ быть причислены также собаки-паріи, такъ какъ онѣ, по крайней мѣрѣ, въ болѣе крупныхъ формахъ, обнаруживаютъ внѣшнее сходство съ овчарками. Вообще же онѣ представляютъ очень смѣшанное общество, которое не всегда обнаруживаетъ единство расы; къ нимъ принадлежатъ извѣстныя уличныя собаки Востока, безхозяйныя собаки въ Нижнемъ Египтѣ и Суданѣ, паріи индійскихъ городовъ и „Glattaker“ голландско-индійскихъ колоній; онѣ доходятъ до Новой Гвинеи. Ихъ характеръ въ общемъ не изъ пріятныхъ; это глупыя собаки, ржаво-желтой или желто-бурой окраски, которыя слѣдуютъ за человѣческими жилищами, но, какъ безхозяйныя животныя, плохо или вовсе не приручаются. Магометанинъ распространилъ ихъ всюду, такъ какъ онѣ приносятъ пользу, уничтожая отбросы и падаль, но при случаѣ воруютъ во дворахъ все съѣдобное. Тамъ, гдѣ онѣ размножаются черезчуръ сильно, ихъ обыкновенно уничтожаютъ.

Въ литературѣ упоминаются болѣе крупныя и болѣе мелкія формы. Маленькія собаки-паріи Индіи, повидимому, очень похожи на маленькихъ шакаловъ. Произведенныя измѣренія череповъ говорятъ о происхожденіи отъ восточной мѣстной формы шакаловъ. Напротивъ, западныя собаки-паріи, которыя попадаются въ Нильской долинѣ, несомнѣнно, иного происхожденія. Іейтелесъ приходитъ къ заключенію, что они происходятъ отъ диба или шакала-волка (Canis anthus), что я могъ только подтвердить на основаніи собственныхъ изслѣдованій.

Оригинальную въ тѣлесномъ и духовномъ отношеніяхъ группу домашнихъ собакъ представляютъ борзыя (рис. 4),

о происхожденіи которыхъ было много споровъ. Ихъ можно сравнить съ антилопами. Уже древніе художники Нильской долины подмѣтили эту аналогію и изображали обоихъ этихъ животныхъ вмѣстѣ. Тощее тѣло борзой опирается на высокія съ тонкими мускулами ноги, брюхо сильно подтянуто въ

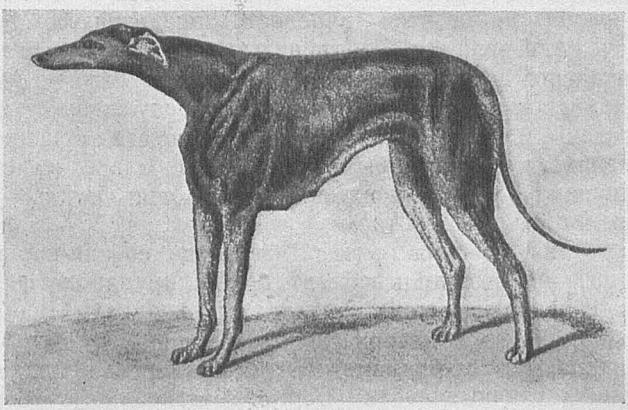


Рис. 4. Тунисская борзая (слуги). По Максу Зиберу.

пахахъ, грудная клѣтка объемистая и потому представляющая достаточно помѣщенія для очень дѣятельныхъ легкихъ. Тонкая голова сильно вытянута, иногда почти въ трубку; уши у нашихъ современныхъ борзыхъ на верхушкѣ отогнуты; есть также формы съ висячими ушами. Плотно прилегающая шерсть коротка, но въ болѣе холодныхъ областяхъ есть длинношерстыя разновидности. Наряду съ карликовыми формами существуютъ и рослыя, высота которыхъ въ плечахъ можетъ достигать $^3/_4$ метра. Ихъ безпокойный нравъ и проворство дѣлали ихъ пригодными для погони за дичью, поэтому онѣ часто употреблялись, какъ охотничьи собаки.

Очагъ образованія борзыхъ надо искать въ Африкѣ. За это говоритъ не только богатый расовый матеріалъ, который мы еще и нынѣ находимъ у хамо-семитскихъ народностей Африканскаго материка, но и то обстоятельство, что борзыя очень рано и завѣдомо впервые появляются въ сопровожденіи древне-египетской культуры. Въ Европѣ онѣ показываются гораздо позднѣе и отсутствуютъ въ теченіе доисторической эпохи. Правда, Штудеръ нашелъ въ Бодманской

станціи черепъ съ признаками, напоминающими борзую, и описалъ его подъ именемъ Canis Leineri. Но эта находка остается совершенно изолированной, и такъ какъ эта форма не была обнаружена въ другихъ мѣстностяхъ, то можно предположить, что указанная находка относится къ исторической эпохѣ и только случайно попала въ доисторическіе слои. Уже во времена древнѣйшихъ династій въ Египтѣ часто изображалась крупная борзая, и именно форма съ стоячими ложковидными ушами. Это была, слѣдовательно, очень примитивная борзая, родина которой не могла находиться слишкомъ далеко и должна быть отыскиваема въ верхнихъ областяхъ Нила, спеціально въ древней Эѳіопіи. Сдѣланное Рюпелемъ въ Абиссиніи открытіе должно было имѣть рѣшающее значеніе для вопроса о происхожденіи борзой. Названный нѣмецкій изслѣдователь нашелъ тамъ длинномордаго, высоконогаго волка, котораго ввелъ въ науку подъ именемъ Canis simensis (рис. 5) и который съ тѣхъ поръ наблюдался также другими изслѣдователями. Этотъ, напоминающій борзую со-

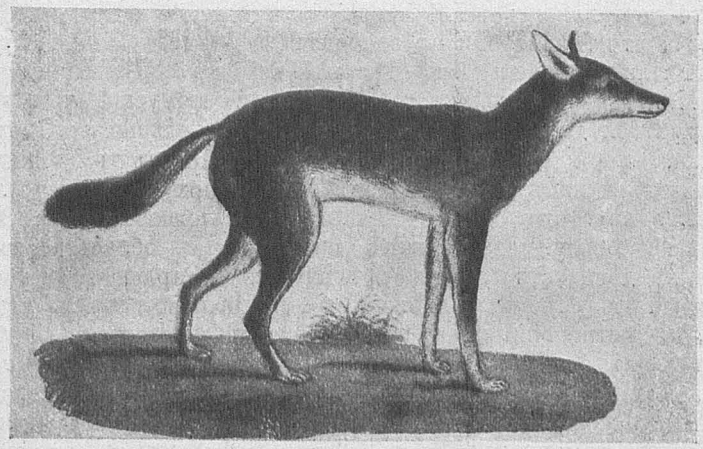


Рис. 5. Дикая родоначальная форма борзой (Canis simensis). По фотографіи.

баку, абиссинскій волкъ соотвѣтствуетъ даже въ тонкихъ деталяхъ строенія черепа и зубовъ современнымъ крупнымъ борзымъ; окраска та же, что у собакъ эпохи фараоновъ. Хвостъ съ длинными волосами на концѣ изображается иногда и на фрескахъ древне-египетскихъ гробницъ. Эта древняя

Б-ка КазГУ

родоначальная раса крупной, съ стоячими ушами, борзой угасла въ собственно Египтѣ. Но ея кровь унаслѣдована стройной „слуги“ арабовъ, которая встрѣчается теперь до Марокко включительно, хотя сильно измѣнена искусственнымъ отборомъ. Нѣкоторые изслѣдователи желали отождествить суданскую борзую, окраска которой мѣняется отъ песчано-желтой до темно-желто-бурой и которую еще и нынѣ держатъ большими сворами въ областяхъ верхняго Нила, съ борзыми эпохи фараоновъ. Это не совсѣмъ удачно, и, по моимъ свѣдѣніямъ, суданскія собаки уже не обладаютъ стоячими ушами; подъ вліяніемъ продолжительнаго подбора у нихъ выработалась, какъ у нашихъ борзыхъ, полуотвисшее ухо.

Напротивъ, мнѣ удалось въ 1906 г. обнаружить древне-египетскую борзую, еще совершенно неизмѣнившуюся, на Балеарскихъ островахъ, къ востоку отъ Испаніи. Она образуетъ тамъ большія колоніи и называется сосѣдними жителями Perro ibizenco, или ибицкая собака (рис. 6). Представители этихъ колоній балеарскихъ борзыхъ въ новѣйшее время часто доставлялись на Канарскіе острова. Знатоки утверждаютъ, что эти собаки происходятъ съ острова Ибицы, куда онѣ были привезены изъ сѣверной Африки карфагенянами.

Могутъ спросить, почему борзая эпохи фараоновъ могла удержаться до сихъ поръ на испанскихъ островахъ Средиземнаго моря, совсѣмъ въ сторонѣ отъ Нильской долины, между тѣмъ какъ въ остальныхъ мѣстностяхъ всюду исчезла. Отвѣтъ въ этомъ случаѣ можно дать съ увѣренностью. Эту древнюю борзую спасъ намъ кроликъ. Балеарскіе острова уже въ древности славились обиліемъ кроликовъ. Поселившіеся тамъ римскіе колонисты обратились, по словамъ Плинія, къ метрополіи съ просьбой прислать солдатъ для избавленія ихъ отъ кроликовъ. Но гораздо дѣйствительнѣе оказалась помощь доставленныхъ съ Питіузскихъ острововъ ибицкихъ собакъ, которыя съ большимъ успѣхомъ ловили вредныхъ грызуновъ. Этотъ рѣзко выраженный охотничій инстинктъ оказался наслѣдственнымъ, и мы узнаемъ, благодаря извѣстной картинѣ изъ Ѳиванскаго некрополя, которую Prisse d'Avennes обнародовалъ подъ названіемъ „Возвращеніе съ охоты“, что древне-египетскія борзыя употреблялись для охоты на зайцевъ.

На родинѣ изъ нихъ рано вывели обыкновенныхъ охотничьихъ собакъ, древнѣйшія формы которыхъ мы можемъ

видѣть въ охотничьихъ борзыхъ съ висячими ушами и въ нѣсколько болѣе позднихъ гончихъ. Таксы тоже появляются уже въ эпоху фараоновъ, но обладаютъ еще стоячими ушами. Я недавно встрѣтилъ на островѣ Майоркѣ таксоподобныхъ собакъ съ стоячими ушами, быть можетъ, прямыхъ потомковъ древне-египетскихъ.

При частыхъ сношеніяхъ греческаго культурнаго міра съ Африкой неудивительно, что онъ рано заимствовалъ оттуда борзыхъ. Отсюда онѣ проникли съ одной стороны въ запад-

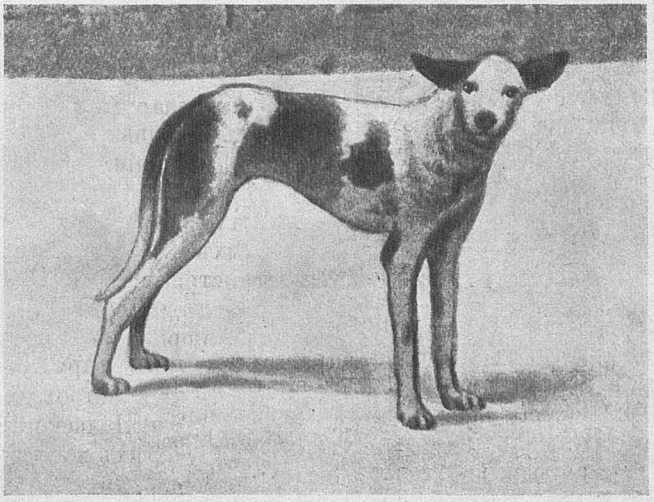


Рис. 6. Ибицкая собака Балеарскихъ острововъ. По фотографіи.

ную Европу, съ другой—въ область Чернаго моря, гдѣ въ сарматскихъ степяхъ превратились въ благородную русскую борзую. Какъ предметъ роскоши, она очень цѣнится, но употребляется съ успѣхомъ и для охоты на волковъ. Близко родственна ей благородная „тази“ Персіи. Въ западной Европѣ кельтскія народности высоко цѣнили борзую и гончую; первая сохранилась въ старинныхъ англійскихъ расахъ, особенно въ англійской lurcher, въ ирландскомъ волкодавѣ и въ шотландской оленьей собакѣ.

Противоположность вышеназваннымъ формамъ составляетъ расовая группа договъ. Къ ней принадлежатъ крупныя домашнія собаки съ тѣломъ плотнаго, часто тяжеловѣснаго

склада, на средней высоты ногахъ, всегда сильно мускулистыхъ. Тяжелая голова имѣетъ сильно укороченную морду, у мопсовидныхъ формъ она бываетъ крайне брахицефальной. Большія висячія уши высоко посажены; избытокъ кожи на головѣ собирается въ складки на мордѣ; нижнія вѣки и губы сильно обвисаютъ.

Если борзыхъ можно назвать за ихъ психическія свойства сангвиниками, то доги скорѣе принадлежатъ къ холерикамъ; ихъ нападеніе бурно и свидѣтельствуетъ о сварливомъ нравѣ, опасномъ для врага; по отношенію къ хозяину доги послушны и вѣрны.

При опредѣленіи очага образованія мы можемъ сразу же устранить Европу и Африку. Въ Африкѣ доги никогда не играли какой-либо роли, въ Европѣ они отсутствуютъ въ теченіе доисторической эпохи.

Правда, А. Нерингъ думалъ вначалѣ, что его Canis decumanus можетъ считаться доисторическимъ предшественникомъ большихъ собакъ, но позднѣе онъ отказался отъ этого мнѣнія. Самые ранніе слѣды находятся въ вавилоно-ассирійской культурной области. Доги тамъ превосходно переданы въ рельефныхъ изображеніяхъ. На охотничьихъ сценахъ мы видимъ ихъ въ борьбѣ съ дикими лошадьми, которыхъ они бѣшено хватаютъ и валятъ на землю; вѣроятно, они примѣнялись и какъ военныя собаки. Какъ цѣнились эти собаки, видно изъ сообщенія, что по завоеваніи Вавилоніи персы употребляли доходы четырехъ городовъ на содержаніе собакъ для царскихъ охотъ.

Такъ какъ ассирійскіе доги всегда изображаются съ висячими ушами, то мы должны допустить, что ихъ прирученіе произошло гораздо раньше. Можно сказать съ увѣренностью, что они не были продуктомъ Месопотаміи; литературныя данныя говорятъ о собакѣ изъ Элама; еще общѣе называли ихъ индійскими собаками, что указываетъ на переселеніе съ востока. Въ самомъ дѣлѣ, намъ извѣстны очень похожіе доги въ Гималайской области, особенно на Тибетскомъ плоскогорьѣ. Превосходной и очень обстоятельной монографіей этихъ тибетскихъ договъ (рис. 7), еще мало извѣстныхъ въ Европѣ, мы обязаны Максу Зиберу; посѣтители Берлинскаго зоологическаго сада могутъ полюбоваться тамъ сворой чистокровныхъ представителей этой породы. Первое извѣстіе о тибетскихъ собакахъ было доставлено венеціанскимъ путешественникомъ Марко Поло. Онъ разска-

зываетъ, что онѣ употребляются для охоты на дикихъ быковъ, т. е. яковъ, и достигаютъ величины осла. Затѣмъ въ теченіе пяти столѣтій о нихъ ничего не было слышно, пока Самуэль Тернеръ, ѣздившій въ 1800 г. посломъ, по порученію Остъ-индской Компаніи черезъ Гималайскую область въ Тибетъ, не подтвердилъ существованія этихъ сильныхъ, злыхъ собакъ; позднѣе Брайанъ Годжсонъ доставилъ намъ точное описаніе. Онъ говоритъ, что лучшія собаки водятся въ Лассѣ; окраска ихъ черная съ бурыми ногами; на переднихъ и заднихъ лапахъ замѣтенъ ложный палецъ (задній коготь); кромѣ

Рис. 7. Тибетскій догъ. По Максу Зиберу.

того, на окраинахъ области водятся болѣе мелкія формы ярко-краснаго цвѣта, которыя, по мнѣнію новѣйшихъ наблюдателей, представляютъ продуктъ скрещиванія съ индійскими собаками-паріями. По Гукеру, догъ часто употребляется въ караванахъ тибетцевъ для переноски вьюковъ.

Эта раса, хотя очень древняя, стоитъ ближе къ родоначальной формѣ, чѣмъ всѣ остальные члены семьи договъ, о чемъ приходится заключить уже по не слишкомъ укороченной мордѣ.

Въ поискахъ происхожденія намъ, очевидно, приходится обратиться къ волкамъ. Европейскій волкъ, разумѣется, не можетъ быть принятъ въ соображеніе, такъ какъ въ Европу доги явились уже прирученными. Очагомъ образованія надо считать Тибетъ и соотвѣтственно этому искать родоначальную

форму среди тибетскихъ волковъ. Очевидно, мы должны остановиться на тамошнемъ Canis niger, котораго описалъ въ 1874 г. Склэтеръ; это волкъ однотонной черной окраски, съ бѣлымъ пятномъ на груди и съ бѣлыми лапами; хвостъ косматый, шерсть на груди и шеѣ длинная, какъ у тибетскихъ договъ. По восточнымъ путямъ распространенія описываемая домашняя собака проникла въ Китай, на западъ же—до низменности Евфрата и Тигра.

Насколько можно заключить по литературнымъ источникамъ, первыхъ договъ въ Европу доставилъ Ксеркс при своемъ походѣ въ Грецію; дальнѣйшая доставка послѣдовала, благодаря Александру Великому, который получилъ въ подарокъ отъ царя Пора индійскихъ собакъ и послалъ ихъ въ Македонію. Какъ показалъ Г. Крэмеръ, античные авторы даютъ довольно точное описаніе дога. Оппіанъ называетъ его зоркимъ, Эліанъ хвалитъ его мужество; по Аристофану молоссы употреблялись заботливыми мужьями для охраны женскихъ комнатъ. Угрюмаго адскаго пса Цербера поэзія сдѣлала родоначальникомъ эпирскихъ молоссовъ. Калумелла далъ наилучшее и самое подробное описаніе собакъ молоссовъ. Ихъ окраску онъ называетъ черной (niger), въ качествѣ характернаго признака отмѣчаетъ неуклюжую массивную голову—capite tam magno ut corporis videatur pars maxima. Римляне, заимствовавъ договъ отъ грековъ, распространили ихъ къ сѣверу отъ Альповъ. Въ римско-гельветскомъ поселеніи Виндониссa найденъ былъ первый хорошо сохранившійся черенъ молосса и, кромѣ того, чрезвычайно выразительное изображеніе на глиняныхъ лампахъ, сильно напоминающее нашихъ современныхъ ньюфаундлендовъ. Не трудно понять, что при повторныхъ перевозкахъ въ Гельвецію отдѣльные экземпляры могли оставаться въ альпійскихъ проходахъ и тамъ разводиться; естественно, что они тамъ благоденствовали, такъ какъ условія альпійскихъ областей сходны съ условіями ихъ родины, Тибета. Валлійскія горы, населенныя народомъ консервативнаго склада мыслей, предохранили эту древнюю собаку отъ нивеллирующихъ вліяній внѣшнихъ культурныхъ центровъ, и до сихъ поръ въ горахъ попадаются такъ называемыя альпійскія собаки довольно примитивнаго характера. Но съ другой стороны, посредствомъ тщательнаго чистаго разведенія изъ этого матеріала выработалась благородная Сенъ-Бернарская собака, которая, въ виду ея превосходныхъ качествъ, цѣнится

выше всѣхъ остальныхъ договъ. Такимъ образомъ ее можно считать ввезенной или туземной, какъ угодно. Предки ея были ввезены римлянами, но улучшеніе и облагороженіе послѣдовало позднѣе въ Альпахъ.

Ньюфаундлендскія собаки, исторія которыхъ еще недостаточно выяснена, сохранили наиболѣе примитивный характеръ и въ морфологическомъ отношеніи тѣсно примыкаютъ къ тибетской собакѣ.

Въ западной Европѣ доги часто подвергались преобразованію посредствомъ искусственнаго отбора; великолѣпной расой значительной величины обладаетъ Испанія; бульдоги и мопсы скорѣе оригинальны, чѣмъ красивы.

Заканчивая наше изложеніе, мы признаемъ въ нашихъ домашнихъ собакахъ общество, разнообразіе котораго является результатомъ не только человѣческаго воздѣйствія, но и разницы происхожденія. Отдѣльные очаги образованія разсѣяны въ Старомъ и Новомъ Свѣтѣ.

2. Происхожденіе домашней кошки.

Если есть домашнее животное, происхожденіе котораго вполнѣ уяснено, то это, конечно, домашняя кошка. Очагъ ея образованія нужно искать въ Африкѣ и именно въ древнемъ Египтѣ. Она чрезвычайно долго оставалась въ Нильской долинѣ и сравнительно поздно попала въ Европу, вѣроятно, и въ Азію.

Въ эпоху свайныхъ построекъ, какъ указалъ уже Рютимейеръ, не обнаруживается никакихъ слѣдовъ домашней кошки. Какъ показалъ Викторъ Генъ, она была еще неизвѣстна грекамъ и римлянамъ древней эпохи; для ловли мышей употреблялись, вмѣсто нея, ласка и хорекъ. Библія не упоминаетъ о кошкѣ; въ Индіи, въ эпоху Ведъ, она также была неизвѣстна. Напротивъ, въ Египтѣ домашняя кошка является очень рано и пользуется большою любовью подданныхъ фараоновъ. Утверждаютъ обыкновенно, что она впервые явилась приблизительно въ эпоху двѣнадцатой династіи, но я думаю, что она была извѣстна гораздо раньше; по крайней мѣрѣ, уже въ эпоху пятой династіи я нахожу ея изображеніе съ аттрибутомъ домашняго животнаго, т. е. съ ошейникомъ.

Межъ тѣмъ какъ почти всѣ остальныя домашнія животныя были приручены въ силу хозяйственныхъ мотивовъ,

одомашненіе кошки пошло другимъ путемъ: она попала въ человѣческое жилище при посредствѣ религіи.

Признаніе кошки священнымъ животнымъ есть одно изъ выраженій широко распространеннаго фетишистскаго культа, и доводилось до крайности. Кошка считалась добрымъ духомъ жилища, приносившимъ ему счастье; ея смерть повергала семью въ горе, выражавшееся внѣшне выщипываніемъ бровей. Несчастный, лишившій жизни кошку, былъ погибшимъ человѣкомъ. Діодоръ сообщаетъ, какъ лично ему извѣстный фактъ, что одному жившему въ Египтѣ римлянину случилось по неосторожности убить кошку. Тщетны были всѣ просьбы о помилованіи; самъ царь не могъ защитить его отъ ярости народа.

Если кошка околѣвала, ей съ благоговѣніемъ закрывали глаза, тщательно обвивали ее полотняными тесьмами и погребали, какъ человѣка. На египетскихъ кошачьихъ кладбищахъ были открыты громадныя массы кошачьихъ мумій (рис. 8). Важнѣйшимъ центромъ культа былъ Бубастисъ, гдѣ находилось изображеніе богини Бастъ съ кошачьей головой. Уже въ то время пристрастіемъ къ кошкамъ отличались женщины, которыя предпринимали паломничества въ Бубастисъ, если ихъ обманывала надежда имѣть дѣтей, или влекло какое-нибудь другое завѣтное желаніе. Первоначальный культъ кошки давно уже прекратился, но отдѣльные слѣды его сохранились до сихъ поръ. Въ Египтѣ еще вѣрятъ, что кошка можетъ приносить счастье; женщины въ гаремахъ балуютъ ее и украшаютъ серьгами. Въ верхнемъ Египтѣ она считается, по словамъ Бастіана, священной и неприкосновенной. Остатки религіознаго значенія послѣдовали за нею и на пути въ Европу. Тамъ, гдѣ фигурируютъ ночные духи, играетъ обыкновенно роль кошка; вѣдьмы бродятъ по ночамъ въ образѣ черной кошки. Народное суевѣріе заключаетъ о будущихъ событіяхъ по ея поведенію. Если кошка моется передъ окномъ, то нужно ожидать гостей.

Какъ показываетъ уже историческій ходъ одомашненія, дикую родоначальную форму, отъ которой происходитъ наша домашняя кошка, нужно искать въ Африкѣ. Во всякомъ случаѣ наша европейская дикая кошка (Felis catus) тутъ не причемъ, такъ какъ она существенно отличается по строенію черепа и хвоста и, кромѣ того, трудно поддается прирученію.

Напротивъ, открытая Рюппелемъ въ Нубіи дикая буланая кошка (Felis maniculata) несомнѣнно передала по наслѣдству

свои свойства нашей домашней кошкѣ. Исидоръ Жоффруа Сентъ-Илеръ очень опредѣленно высказался за это происхожденіе, послѣ того, какъ его отстаивали уже Темминкъ, Кречмаръ и Бленвиль. Анатомическое сравненіе домашней кошки, египетскихъ кошачьихъ мумій и буланой кошки обнаруживаетъ, въ самомъ дѣлѣ, большое сходство. Провѣрка, предпринятая мною на египетскихъ кошачьихъ муміяхъ, укрѣпила во мнѣ это убѣжденіе. Напримѣръ, я нашелъ, что ступня у пятки, какъ у буланой кошки, одѣта равномѣрно черной шерстью; ушной пучокъ тоже ясно выраженъ. Онъ едва намѣченъ у европейской дикой кошки; напротивъ, многія домашнія кошки, въ особенности съ преобладаніемъ чернаго цвѣта, обладаютъ довольно длинными ушными кисточками. Общая окраска древне-египетской домашней кошки, насколько можно судить по муміямъ, вполнѣ сходна съ окраской буланой кошки, и теперь еще такая окраска часто встрѣчается въ прибрежныхъ мѣстностяхъ Краснаго моря.

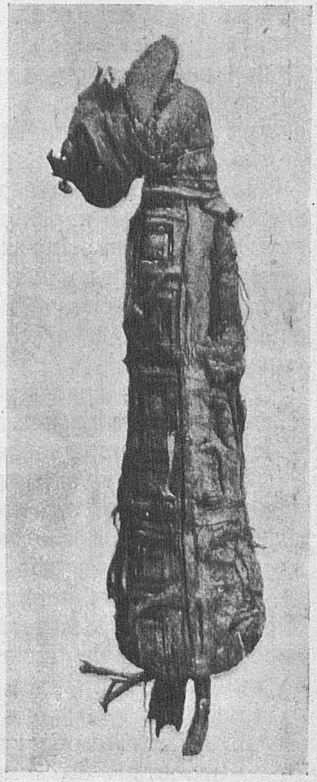


Рис. 8. Древне-египетская мумія кошки. По фотографіи.

Впрочемъ, дикій видъ не ограничивается Нубіей: родственныя формы живутъ въ сѣверной и южной Африкѣ и доходятъ даже до Палестины,—но не до Сардиніи, какъ думалъ Марторелли. Эти мѣстныя формы, отличающіяся по окраскѣ, были описаны, какъ особые виды (Felis caffra, Felis nigripes, F. caligata, F. lybica, F. pulchella, F. obscura). Но англійскій зоологъ Грей оспариваетъ самостоятельность этихъ видовъ и признаетъ ихъ разновидностями группы формъ буланой кошки (Felis maniculata). Послѣдняя чрезвычайно легко приручается, какъ могъ наблюдать Швейнфуртъ въ странѣ Ніамъ-Ніамъ. Я самъ получалъ въ Нубіи молодыхъ

нубійскихъ кошекъ, прирученныхъ туземцами, и находилъ въ деревняхъ Сомали долины Веби ручные экземпляры Felis maniculata, очищавшіе хлѣбные амбары отъ вредныхъ грызуновъ.

Ради точности нужно, однако, упомянуть, что на кошачьихъ кладбищахъ Египта попадаются и болѣе крупныя муміи—болотной рыси (Felis chaus). Слѣдовательно, первоначально приручались двѣ различныя дикія кошки и, можетъ быть, скрещивались. Но съ теченіемъ времени болѣе крупныя формы отступили на задній планъ, и ручной потомокъ маленькой буланой кошки получилъ преобладаніе.

Чрезвычайно долго домашняя кошка оставалась въ Нильской долинѣ, не переходя за предѣлы своей родины. Въ теплыя ночи, когда эти священныя существа заводили свою немелодичную пѣсню, она, вѣроятно, звучала достаточно громко, но въ теченіе тысячелѣтій достопочтенныя пирамиды оставались единственными нѣмыми слушателями этихъ музыкальныхъ упражненій.

Въ Африкѣ кошка лишь недалеко проникла внутрь; въ области экваторіальныхъ озеръ она теперь еще рѣдко встрѣчается. Абиссинія завела ее, но уже въ землѣ Сомали область ея распространенія кончается. Это находится въ связи съ кочевой жизнью, такъ какъ привыкшая къ дому кошка не годится въ качествѣ товарища по странствованіямъ. По той же причинѣ у кочующихъ сомали нѣтъ домашней курицы.

Въ Европу она попала только послѣ Рождества Христова. У римлянъ она, кажется, появилась около IV столѣтія; въ сѣверную Европу проникла въ раннюю эпоху средневѣковья, но въ X столѣтіи была еще рѣдка въ Англіи.

Въ какую эпоху она предприняла свое восточное путешествіе въ азіатскія области,—пока еще нельзя опредѣлить съ достовѣрностью; быть можетъ можно найти данныя въ арабской литературѣ. Въ Китаѣ и Японіи домашнія кошки пріобрѣли большую любовь и разведены въ своеобразныхъ формахъ. Восточная Сибирь познакомилась съ кошкой только въ XIX столѣтіи.

Дарвинъ указываетъ на то, что домашняя кошка нерѣдко спаривается съ дикими кошками, напримѣръ, въ Европѣ съ Felis catus, въ Индіи съ Felis chaus, въ Алжирѣ съ Felis lybica, а въ южной Африкѣ съ кафрской кошкой (Felis caffra). Онъ думаетъ, что въ отдѣльныхъ случаяхъ повторныя скрещиванія повліяли на первоначальную расу. Обязана-

ли ангорская кошка своимъ своеобразіемъ скрещиванію съ Felis manul, какъ думаетъ Палласъ, точно не установлено. Во всякомъ случаѣ, вліяніе скрещиванія кажется намъ не настолько дѣйствительнымъ, чтобы признавать полифилетическое происхожденіе кошки, въ пользу котораго высказались недавно Марторелли и Труэссаръ.

3. Происхожденіе лошади и осла.

Оба эти животныя съ древнихъ временъ тѣсно сплелись съ культурнымъ развитіемъ человѣка и играли важную роль въ качествѣ хозяйственныхъ животныхъ, но оселъ всегда оставался пролетаріемъ, тогда какъ домашняя лошадь съ самаго начала заняла аристократическое положеніе. Оба они представители зоологически весьма замѣчательнаго семейства лошадей, достигшаго наивысшей ступени развитія непарно-копытныхъ, у котораго образованіе ноги въ совершенствѣ приспособлено къ быстрому бѣгу по землѣ. Редукція пальцевъ достигла высшей степени, такъ какъ у всѣхъ современныхъ лошадей сохранился только средній палецъ, между тѣмъ какъ ихъ третичные предки были еще трехпалыми. Для исторіи животныхъ семейство лошадиныхъ пріобрѣло въ высшей степени важное значеніе, такъ какъ ихъ родословную можно прослѣдить почти безъ пробѣловъ до древне-эоценовыхъ первокопытныхъ (condylarthra).

Первичная родина всѣхъ лошадей, если мы будемъ разсматривать ихъ съ палеонтологической точки зрѣнія, находится въ сѣверной Америкѣ, которая въ теченіе третичной эпохи произвела массу видовъ и родовъ; когда въ концѣ третичной эпохи оба, дотолѣ отдѣльные, материка, Сѣверная и Южная Америки, соединились перешейкомъ, лошади распространились на югъ, но въ Америкѣ онѣ начисто исчезли до появленія человѣка. Причины этого вымиранія для насъ не совсѣмъ ясны. Въ теченіе всего третичнаго періода сѣверная Америка была связана также съ восточной Азіей. Фауна довольно часто пользовалась этой связью, какъ путемъ распространенія; воспользовалось ею и семейство лошадей, члены котораго разбрелись большими стадами по Азіи, Европѣ и Африкѣ. Новая область обитанія избавила ихъ отъ участи американскихъ предковъ, онѣ могли сохраниться въ многочисленныхъ дикихъ видахъ до настоящаго времени. Позднѣе стремившійся къ культурѣ человѣкъ выбралъ изъ нихъ лошадей и

ословъ въ качествѣ домашнихъ животныхъ, которыя являются, такимъ образомъ, пріобрѣтеніемъ Стараго Свѣта; только послѣ открытія Америки, восточный культурный міръ вернулъ подарокъ, но уже въ формѣ прирученныхъ лошадей.

Кого приручили раньше, лошадь или осла, рѣшить трудно; можно только сказать, что въ Африкѣ оселъ является раньше лошади, тогда какъ въ Азіи дѣло обстоитъ наоборотъ. Если отыскивать древнѣйшіе очаги образованія домашнихъ лошадей, то нѣкоторые культурно-историческіе факты даютъ очень ясныя указанія.

Въ Европѣ ручныя лошади появляются относительно поздно. Въ пещерѣ Альтамира, въ сѣверной Испаніи, мы находимъ превосходныя изображенія лошади и осла, при чемъ ихъ краски хорошо сохранились. Но здѣсь дѣло идетъ о дикихъ животныхъ; нигдѣ и намека нѣтъ на то, чтобы они жили въ состояніи прирученія. Рютимейеръ замѣчаетъ, что въ свайныхъ постройкахъ каменнаго вѣка кости лошадей встрѣчаются гораздо рѣже остатковъ человѣка. Въ хозяйствѣ обитателей свайныхъ построекъ лошадь не находила примѣненія. Немногочисленные остатки въ свайныхъ поселеніяхъ Вовиля и Робенгаузена, быть можетъ, представляютъ остатки добычи, доставшейся тогдашнимъ обитателямъ. Только среди остатковъ бронзовой эпохи остатки лошадей попадаются чаще; ихъ анатомическіе признаки указываютъ на лошадь восточнаго происхожденія.

Африка также поздно получила домашнюю лошадь. Въ эпоху древнѣйшихъ династій ея еще не знали, поэтому она никогда не изображалась; только при 18 династіи появляются изображенія, и А. Эрманъ думаетъ, что она была введена въ Египтѣ въ темную эпоху между среднимъ и новымъ царствами.

Самыя раннія указанія на ручную лошадь имѣются для Азіи. Индусы обладали ею, какъ кажется, уже за 2000 лѣтъ до Р. Х.; въ Китаѣ она введена тоже очень давно; по крайней мѣрѣ, ее употребляли, по свидѣтельству Шу-Кингъ, за 2000 лѣтъ до нашего лѣтосчисленія. Центромъ азіатскаго разведенія лошадей была, очевидно, Ассирія. На древнихъ памятникахъ лошадь изображается чрезвычайно часто, какъ животное съ тонко сформированной головой и изящными членами. Она запрягалась въ царскую охотничью колесницу и употреблялась для военныхъ цѣлей. Ассирійская конница была обязана своимъ превосходствомъ быстрымъ конямъ.

Все указываетъ на Среднюю Азію, какъ на древнѣйшую родину домашней лошади. Поэтому старые авторы, по примѣру Исидора-Жоффруа Сентъ-Илера, принимаютъ на основаніи культурно-историческихъ фактовъ азіатское ея происхожденіе; для большинства породъ, находящихся въ приручении у человѣка, это мнѣніе и нынѣ остается правильнымъ.

Происхожденіе долго оставалось неяснымъ. Не разъ указывали на тарпана, какъ на родоначальника, но русскіе естествоиспытатели относятся къ этому скептически и усматриваютъ въ тарпанѣ безхозяйную, одичавшую лошадь.

Мнѣніе Брэма, будто куланъ (Equus hemionus) внутренней Азіи представляетъ родоначальника домашней лошади, энергично оспаривается И. Черскимъ. Этотъ изслѣдователь указалъ на то, что хотя лобъ кулана подходитъ по признакамъ къ восточной лошади, но морда чрезвычайно длинна, такъ что личной уголъ еще больше падаетъ, чѣмъ у нашихъ длинноголовыхъ западныхъ лошадей. Къ тому же, куланъ очень трудно привыкаетъ къ человѣку.

Неожиданный оборотъ въ вопросѣ о происхожденіи былъ принесенъ 1879-мъ годомъ. Русскій путешественникъ Пржевальскій открылъ во внутренней Азіи неизвѣстную до тѣхъ поръ дикую лошадь, которую Поляковъ описалъ подъ именемъ Equus Przewalskii. Это открытіе произвело чрезвычайную сенсацію и побудило торговцевъ животными снарядить спеціальныя экспедиціи. Въ настоящее время многіе музеи обладаютъ экземплярами этой лошади; въ зоологическихъ садахъ можно встрѣтить живую лошадь Пржевальскаго. Двумя прекрасными экземплярами обладаетъ питомникъ домашнихъ животныхъ въ Галле. Е. А. Бихнеръ, бывшій зоологъ Петербургской Академіи Наукъ, отправился въ Джунгарію, чтобы добыть жеребятъ, которыхъ позднѣе поселилъ въ Южной Россіи. Эта дикая лошадь, которую киргизы называютъ кертагъ, а монголы—таки, маленькаго роста, въ родѣ пони. Хвостъ только на нижней половинѣ съ длинными волосами, уши маленькія, темная грива стоячая. Тѣло буланой масти, ноги къ концамъ темнѣютъ. Животныя держатся маленькими табунами, подъ предводительствомъ одного жеребца каждый, въ мало доступныхъ солончаковыхъ степяхъ, и, вѣроятно, въ теченіе диловіальной эпохи область ихъ распространенія простиралась до Европы. Я нашелъ, что сходство между этой дикой лошадью и маленькой монголь-

ской лошадью очень велико; у насъ тоже нерѣдко встрѣчаются маленькія буланыя лошади съ темными ногами.

Южное племя домашнихъ азіатскихъ лошадей, съ которымъ мы встрѣчаемся, напримѣръ, въ древне-ассирійской лошади, содержитъ, вѣроятно, кровь тонкоголовой, нѣжнаго склада, разновидности дикой лошади Пржевальскаго, которая когда-то была обыкновенна въ Месопотаміи; ее ловили арканомъ или при помощи собакъ и, вѣроятно, довольно часто употребляли для освѣженія крови. Въ царскихъ дворцахъ часто попадаются изображенія такихъ охотъ на дикихъ лошадей, но историки культуры, безъ сомнѣнія, ошибались, отождествляя эту дикую форму съ западно-азіатскимъ онагромъ, болѣе близкимъ къ дикому ослу.

Восточная группа расъ тонкаго склада постоянно сохраняла преобладаніе въ теченіе исторіи. Къ ней принадлежатъ всѣ азіатскія породы, а въ арабскихъ лошадяхъ она находитъ свое совершеннѣйшее выраженіе. Въ восточной и южной Европѣ она господствуетъ. Кавказскій край, Россія, Греція, Трансильванія, Венгрія и Испанія обладаютъ лошадьми восточнаго происхожденія.

Въ Африкѣ къ этой группѣ принадлежатъ египетская и берберская лошадь. Восточная Африка богата лошадьми, въ особенности Абиссинія, области Галла и Сомали. Сомалійская лошадь, очевидно,—потомокъ арабской, и характерно, что туземцы Остгорна не обладаютъ спеціальнымъ названіемъ для лошади, а называютъ ее по арабски „фаразъ“.

Было бы однако совершенно неправильно признавать монофилетическое и исключительно азіатское происхожденіе домашней лошади. Л. Франкъ, заслуженный мюнхенскій ветеринаръ и анатомъ, указалъ въ 1845 г., что наряду съ стройной широкоголовой и сухомордой восточной лошадью существуетъ еще западный типъ, который отличается длинной тяжелой головой и болѣе массивнымъ тѣлосложеніемъ. Въ отношеніи устройства зубовъ онъ отличается отъ восточной лошади болѣе сильной складчатостью эмали.

Къ западной группѣ расъ принадлежатъ тяжелыя германскія лошади, бельгійскія породы и нормандская лошадь. Слѣдуетъ допустить, что здѣсь дѣло идетъ о специфическомъ европейскомъ пріобрѣтеніи, и потому дикую родоначальную форму надо искать въ Европѣ.

Это изысканіе не представляетъ нынѣ никакихъ затрудненій. Не только остатки дикихъ лошадей часто попадаются

въ дилювіальную эпоху, но дилювіальный человѣкъ оставилъ намъ не мало рисунковъ лошадей, въ томъ числѣ и крупноголовой формы. А. Нерингъ сдѣлалъ дилювіальную лошадь сѣверной и средней Германіи предметомъ своихъ изысканій. Изъ мѣстонахожденій назовемъ Вестерегельнъ поблизости отъ Магдебурга, Риксдорфъ близъ Берлина, Тиде и Штеетенъ на Ланѣ. Въ отложеніяхъ лесса въ Ункельштейнѣ оказался даже полный скелетъ десятилѣтней кобылы въ обществѣ мускусныхъ быковъ. На основаніи своихъ изслѣдованій Нерингъ пришелъ къ заключенію, что дилювіальныя лошади Германіи во всѣхъ частяхъ такъ сходны съ нашей тяжелой западной домашней лошадью, что должны считаться ея прямыми предками. Впрочемъ, дикія лошади дожили въ Европѣ до исторической эпохи. Страбонъ сообщаетъ, что онѣ живутъ въ Альпахъ, и это подтверждаютъ Benedictiones ad mensas Ekkehardi, восхваляющія также дикую лошадь, мясо которой появлялось среди обильныхъ яствъ монастырской трапезы Сентъ-Галлена.

Дикія лошади существовали въ Европѣ еще долго послѣ 1000-го года. По сообщенію Эразмуса Стелла онѣ водились еще въ XVI столѣтіи въ Пруссіи, а въ Дуисбургскомъ лѣсу уцѣлѣли даже до начала XIX вѣка. Въ 1814 году уничтожили еще остававшіеся табуны. Въ этомъ году были созваны изъ общинъ Дуисбургъ, Ратингенъ и Мюльгеймъ около 2600 загонщиковъ для облавы на дикихъ лошадей, причемъ было убито около 260 головъ.

Достаточно выяснено происхожденіе домашняго осла, который нашелъ самую правильную оцѣнку въ хамо-семитической культурной области и въ ней же впервые появился. Вѣроятно, онъ былъ прирученъ очень рано, такъ какъ изображенъ уже на шиферной пластинкѣ въ Гизехѣ, относящейся къ эпохѣ Негада, съ ясно замѣтнымъ крестомъ на плечахъ, и очень часто изображается въ Египтѣ въ эпоху древняго царства. Подданные фараоновъ пользовались имъ, главнымъ образомъ, какъ вьючнымъ животнымъ. Во время уборки хлѣба пригоняли въ поле ословъ цѣлыми стадами и нагружали снопами. На току разстилали пшеницу и вымолачивали колосья копытами ословъ. Погонщикъ, размахивая палкой, подбадриваетъ залѣнившихся животныхъ, но снисходительно относится, если молотящій оселъ подцѣпитъ нѣсколько колосьевъ. Всадники верхомъ на ослахъ не изображаются, такъ какъ, очевидно, считалось неприличнымъ поль-

зоваться осломъ для верховой ѣзды. Зато, даже для знатныхъ лицъ, какъ замѣчаетъ Эрманъ, считалось приличнымъ путешествовать въ креслѣ, прикрѣпленномъ на спинахъ пары ословъ (рис. 9).

У евреевъ и арабовъ оселъ существовалъ задолго до того, какъ они познакомились съ лошадью. Послѣдняя появляется только въ эпоху Соломона, тогда какъ оселъ и ослица часто упоминаются въ Ветхомъ Завѣтѣ. Патріархи гордились тѣмъ, что ихъ сыновья ѣздятъ на ослахъ. Мнѣніе Ленормана, что іудеи заимствовали осла у египтянъ, не достовѣрно, и я считаю возможнымъ, что это животное было самостоятельно приручено западно-азіатскими семитскими племенами.

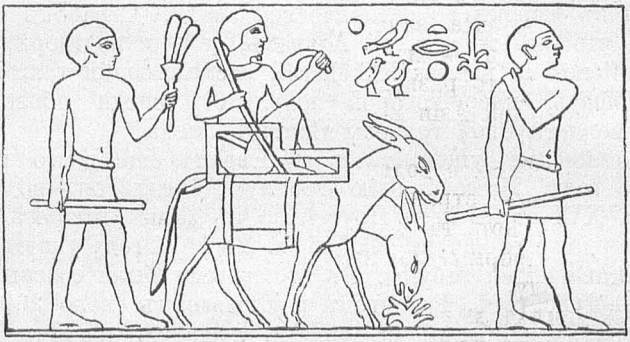


Рис. 9. Древне-египетское изображеніе осла. По Лепсіусу.

Что касается происхожденія домашняго осла, то Дарвинъ считаетъ его монофилетическимъ. Главная масса, во всякомъ случаѣ, имѣетъ свой очагъ образованія на востокѣ Африки. Мы находимъ тамъ еще и нынѣ живущаго большими табунами дикаго осла. Это Asinus taeniopus, который не только въ отношеніи своего географическаго распространенія, но и въ отношеніи окраски представляетъ переходъ между полосатыми зебрами Эфіопской области и одноцвѣтными лошадьми Азіи. Онъ свѣтло-соловой масти, но еще сохранилъ перевязки на ногахъ и темный крестъ на плечахъ. Кажется, существуютъ различныя мѣстныя расы. Африканскій дикій оселъ попадается отъ Индіи до отдаленныхъ мѣстъ Остгорна. Въ области Сомали я часто встрѣчалъ его слѣды отъ Берберы до той стороны рѣки Веби. Вѣроятно, могущественное, когда-то широко распространен-

ное племя галла, съ незапамятныхъ временъ занимающееся земледѣліемъ и скотоводствомъ, приручило осла въ сѣдой древности и передало его отъ эфіоповъ египтянамъ еще до первой династіи. Для степныхъ народовъ оселъ, въ виду его силы и необыкновенной памяти на мѣста, былъ драгоцѣннымъ пріобрѣтеніемъ. Замѣчательно, во всякомъ случаѣ, что еще и нынѣ у сомали, галла и массаи домашній оселъ мало отличается отъ дикаго по величинѣ тѣла и рѣзкому рисунку масти.

Всего многочисленнѣе представлено это домашнее животное опять-таки въ Нильской долинѣ, но и въ Абиссиніи оно имѣетъ большое значеніе. Простонародье въ Египтѣ пользуется осломъ не только какъ вьючнымъ животнымъ, но и для ѣзды. На западъ Африки онъ проникъ лишь въ незначительномъ числѣ. Напротивъ, въ Малой Азіи и въ Аравіи онъ часто разводится, и распространился до Китая, но въ восточной Азіи играетъ менѣе важную роль и не могъ достигнуть Японіи.

Въ Европѣ онъ водворился преимущественно въ Средиземноморскихъ странахъ, гдѣ на отдѣльныхъ островахъ, какъ, напримѣръ, въ Сардиніи и на Балеарахъ, образовалъ карликовыя формы. Замѣчательно его отношеніе къ мельничному дѣлу.

Во многихъ мѣстахъ хозяйственное значеніе пріобрѣла не столько его первоначальная форма, сколько продуктъ его скрещиванія съ лошадью. Это наблюдается уже въ Испаніи и южной Франціи, но главнымъ образомъ въ Южной Америкѣ.

Впрочемъ, на ряду съ Африкой, западную Азію также нужно считать самостоятельной областью разведенія осла. Замѣчательно, что уже во времена патріарховъ, обладаніе ослами очень цѣнилось у семитовъ, и они пользовались популярностью, какъ ѣздовыя животныя. Это свидѣтельствуетъ о томъ, что ослы того времени, кромѣ тѣлесной силы, отличались послушнымъ нравомъ. Въ восточныхъ городахъ, напр., въ Каирѣ, встрѣчаются, кромѣ некрасивыхъ уличныхъ ословъ, единичныя весьма благородныя животныя, бѣлой или свѣтло-соловой масти, которыя не уступаютъ самой послушной лошади. По моимъ свѣдѣніямъ, они происходятъ изъ центральной Аравіи, гдѣ, главнымъ образомъ, въ Недже, существуютъ знаменитые заводы. Эти прекрасныя животныя цѣнятся очень высоко и вывозятся, главнымъ образомъ, черезъ Багдадъ и Маскатъ. По внѣшнему виду они совершенно сходны съ

дикимъ осломъ западно-азіатской внутренней степи, онагромъ (Equus onager).

Бремъ говоритъ, что онагръ очень проворный бѣгунъ; уши у него короче, чѣмъ у осла, преобладающая масть—прекрасная бѣлая съ блѣдно-соловымъ налетомъ. Тотъ же авторъ удостовѣряетъ, что персы загоняютъ этихъ дикихъословъ въ долины, гдѣ предварительно выкопаны ловчія ямы, и выводятъ изъ пойманныхъ животныхъ прекраснѣйшихъ и проворнѣйшихъ ѣздовыхъ ословъ.

Въ виду того факта, что западно и средне-азіатскіе народы съ незапамятныхъ временъ обнаруживали выдающіеся дарованія по части скотоводства, было бы почти загадочнымъ, если бъ они не воспользовались туземнымъ матеріаломъ въ видѣ дикихъ ословъ.

На основаніи культурно-историческихъ и зоологическихъ данныхъ, мы вправѣ принимать дифилетическое происхожденіе домашнихъ ословъ.

4. Происхожденіе домашнихъ свиней.

Историческій ходъ развитія приручения свиньи обнаруживаетъ замѣчательный параллелизмъ съ развитіемъ лошади. То и другое совершилось въ Старомъ Свѣтѣ; Новый оказался непродуктивнымъ и получилъ обоихъ домашнихъ животныхъ только по прибытіи европейцевъ. Для свиньи, какъ и для лошади, можно найти азіатскаго родоначальника, который пользуется численнымъ преобладаніемъ и завоевалъ обширнѣйшія области,—и, кромѣ того, еще европейскаго родоначальника, играющаго болѣе подчиненную роль и развившагося позднѣе подъ вліяніемъ культурныхъ воздѣйствій извнѣ.

Въ настоящее время свинья получила космополитическое распространеніе, что указываетъ на глубокую древность разведенія. Въ самомъ дѣлѣ, уже въ эпоху свайныхъ построекъ въ Европѣ въ большомъ количествѣ существуетъ такъ называемая „торфяная свинья“. Это было животное изящнаго склада, умѣренной величины, и, какъ показываетъ строеніе черепа (рис. 10), лишь незначительно уклонялось по признакамъ отъ дикой свиньи. Поэтому Рютимейеръ думалъ одно время, что торфяная свинья жила у насъ первоначально въ дикомъ видѣ; однако, позднѣе онъ отказался отъ этого воззрѣнія. Дѣло идетъ здѣсь просто о домашнемъ

животномъ, которое не запирали въ хлѣвъ, а оставляли на волѣ, какъ и нынѣ поступаютъ со свиньями обитатели Индо-Австралійскаго архипелага. Ея потомки и теперь еще сильно распространены въ Средиземноморскихъ областяхъ. Достовѣрно то, что древнѣйшія свиньи Европы не представляютъ туземнаго пріобрѣтенія, а переселились изъ восточныхъ областей. Трудно рѣшить, произошло ли это прямо или обходнымъ путемъ. О передачѣ при посредствѣ семитическихъ народовъ западной Азіи, повліявшихъ на Европу въ такихъ разнообразныхъ направленіяхъ, не можетъ быть и рѣчи, такъ какъ семитическій культурный міръ упорно отказывался отъ этого домашняго животнаго.

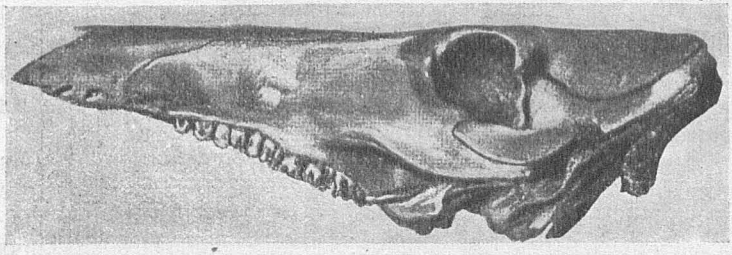


Рис. 10. Черепъ торфяной свиньи. По фотографіи

Не распространились ли первые представители домашнихъ свиней вдоль сѣверной границы этого культурнаго міра и не явились ли они къ намъ съ азіатскими племенами,—нельзя рѣшить съ достовѣрностью. Поэтому не исключена возможность, что они прошли обходнымъ путемъ черезъ Африку. Фактъ тотъ, что въ древнемъ Египтѣ свинья изображалась еще при первой династіи, слѣдовательно, она уже существовала въ то время.

Геродотъ сообщаетъ, на основаніи собственныхъ наблюденій, что свиней разводили въ Египтѣ. Въ дельтѣ примѣняли ихъ для притаптыванія посѣвовъ. Вообще-же ихъ цѣнили не высоко, и природные египтяне, занимавшіеся свиноводствомъ, не пользовались уваженіемъ своихъ согражданъ, даже не принимались въ храмовыя общества. По этому при древнихъ династіяхъ свиньи обыкновенно не изображались; это вошло въ обычай только во времена новаго царства, когда водворились болѣе свободные взгляды на искусство. Это повело къ ошибочному мнѣнію, будто

домашняя свинья была введена въ Египтѣ только въ эпоху 18-й династіи. Такъ какъ матеріалъ, находимый въ Африкѣ, имѣетъ признаки восточнаго происхожденія, то мы должны принимать азіатское происхожденіе свиньи. Этнологическія и зоогеографическія данныя говорятъ за то, что главный очагъ образованія домашнихъ свиней нужно искать въ юго-восточной Азіи.

А. Нерингъ замѣчаетъ, что китайцы уже въ теченіе тысячелѣтій ведутъ осѣдлую жизнь и занимаются земледѣліемъ и скотоводствомъ, и что именно свиноводство играетъ у нихъ главную роль уже съ древнихъ временъ (рис. 11). Отсюда не слѣдуетъ съ абсолютной необходимостью, что китайцы первые приручили свинью, такъ какъ живущіе къ югу отъ нихъ малайцы также высоко цѣнятъ свинью; въ Индо-Малайскомъ архипелагѣ она очень обыкновенна, встрѣчается даже у папуасовъ на Новой Гвинеѣ, и, какъ животное, употребляемое въ пищу, была распространена малайскими эмигрантами на многихъ островахъ Тихаго Океана.

Врядъ ли удастся когда-нибудь установить мѣстонахожденіе азіатскаго очага образованія точнѣе, чѣмъ общимъ указаніемъ, что его нужно искать въ юго-восточной Азіи— на материкѣ или на островахъ, это въ сущности безразлично.

Изъ дикой фауны, которую надо принимать въ расчетъ для рѣшенія вопроса о происхожденіи, заранѣе исключается африканскій матерьялъ. Всѣ наши домашнія свиньи еще вполнѣ сохранили первоначальную зубную систему млекопитающихъ, то-есть вверху и внизу по шести рѣзцовъ, по одному клыку съ каждой стороны и по семи коренныхъ. Мы должны, стало быть, обращаться къ сохранившему эти признаки роду дикихъ свиней, Sus; между тѣмъ африканскіе роды Potamochoerus и Phacochoerus обнаруживаютъ уже болѣе или менѣе значительную редукцію зубной системы. Восточно-азіатскій родъ Babirussa, уже въ виду рѣзкихъ особенностей устройства зубовъ, не можетъ считаться родоначальникомъ домашнихъ свиней, такъ же, какъ ограниченные Америкой пекари, у которыхъ отсутствуетъ внѣшній ложный палецъ на заднихъ ногахъ.

Дикія свиньи съ 44-мя зубами, принадлежащія къ роду Sus, всего сильнѣе представлены въ восточной половинѣ Азіи и на принадлежащихъ къ ней островахъ; нѣкоторыя формы, какъ бородатая свинья, длиннорылая свинья и бородавчатая свинья, принадлежатъ исключительно послѣднимъ,

но не достигаютъ Новой Гвинеи. На материкѣ мы встрѣчаемъ рядъ формъ, которыя должны считаться только мѣстными расами и совершенно напрасно были описаны, какъ различные виды дикой свиньи; онѣ встрѣчаются въ Индіи, Китаѣ, Японіи, на Суматрѣ и на Явѣ. Онѣ представляютъ болѣе древній типъ, у котораго отъ первоначальнаго рисунка въ большинствѣ случаевъ сохранилась бѣлая полоса, идущая отъ челюсти до шеи. Всего удобнѣе соединить ихъ подъ именемъ полосатой свиньи (Sus vittatus)

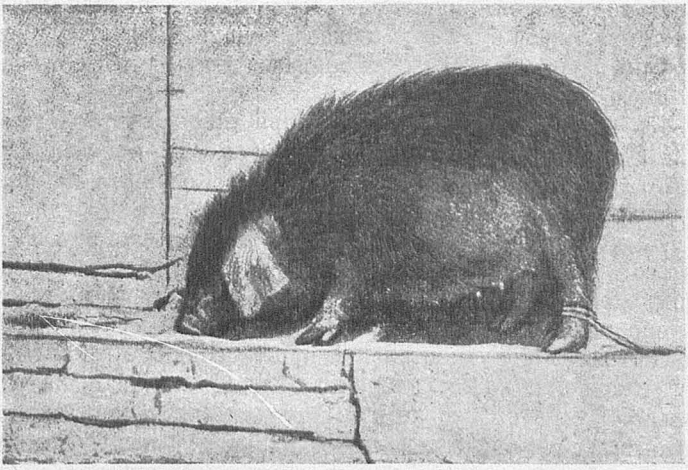


Рис. 11. Китайская домашняя свинья. По Роберту Мюллеру.

Германъ фонъ-Натузіусъ давно уже доставилъ въ своемъ основательномъ изслѣдованіи свиней убѣдительное доказательство того, что азіатскія домашнія свиньи, такъ называемый рядъ Sus indicus, происходятъ отъ полосатой свиньи, а Рютимейеръ вскорѣ примкнулъ къ этому взгляду. Ихъ анатомическія особенности выражаются въ почти квадратной формѣ слезной кости, сильно развитаго эмалеваго слоя зубовъ и въ расходящихся впереди рядахъ коренныхъ зубовъ, что находится въ связи съ расширеніемъ нёба. Черепъ у ручной формы короткій и широкій. Тамъ, гдѣ черепъ, благодаря свободному образу жизни, мало измѣнился, онъ стоитъ очень близко къ черепу дикой полосатой свиньи, который также характеризуется квадратной слезной костью.

Азіатское племя домашнихъ свиней завоевало обширныя области земли, и въ настоящее время стремится къ рѣшительному преобладанію. На западъ оно распространилось по огромнымъ областямъ Африки, хотя, конечно, съ теченіемъ времени было снова до нѣкоторой степени оттѣснено исламитскими народами. Восточно-африканскія свиньи вовсе не восприняли крови мѣстныхъ дикихъ свиней, но остаются чистокровными представителями группы Sus indicus.

Древняя свинья свайныхъ построекъ, существовавшая въ средней Европѣ, въ первоначальномъ состояніи обнаруживаетъ чистую азіатскую кровь, позднѣе же появляются продукты скрещиванія. Какъ показали находки въ Виндониссѣ, торфяныя свиньи были тамъ многочисленны еще въ гельвето-римскую эпоху.

Въ романскихъ странахъ свинья пріобрѣла большое хозяйственное значеніе, и всюду преобладаетъ азіатская кровь; это относится и къ курчавой венгерской свиньѣ и къ новымъ англійскимъ культурнымъ расамъ.

Какъ показалъ Натузіусъ, есть еще вторая группа расъ, Sus europaeus, которыя анатомически отличаются отъ азіатскихъ домашнихъ свиней и обнаруживаютъ тѣснѣйшую связь съ европейской дикой свиньей (Sus scrofa ferus). Уже старикъ Линней съ удивительной проницательностью подмѣтилъ эти отношенія, но ихъ значеніе долго не умѣли оцѣнить правильно. Очагъ образованія этой группы мы должны искать въ Европѣ, и надо полагать, что ознакомленіе людей неолитическаго періода съ явившейся съ востока торфяной свиньей послужило стимуломъ къ позднѣйшимъ попыткамъ приученія мѣстнаго дикаго матеріала. Въ самомъ дѣлѣ, къ концу каменной эпохи появляются уже ясные слѣды домашней свиньи, похожей на дикую; иногда она является чистокровной, иногда продуктомъ скрещиванія съ торфяной свиньей. Въ средней и сѣверной Европѣ пріобрѣтенная такимъ образомъ „мѣстная свинья“ сохранила сильное преобладаніе до новѣйшаго времени. Внѣшне она легко узнается по своей карпообразной спинѣ и слабо вогнутой, вытянутой въ длину, головѣ. Слезныя косточки низкія и длинныя и болѣе прямоугольныя.

Съ давнихъ поръ, именно съ тѣхъ поръ, какъ сношенія Европы съ восточной Азіей начали оживляться, мѣстная свинья пошла на убыль; вмѣсто нея, разводится болѣе способная къ откармливанію азіатская домашняя свинья, то въ чистой формѣ, то какъ продуктъ скрещиванія. Въ настоящее

время мѣстная свинья попадается въ Баваріи и въ отдѣльныхъ сѣверо-германскихъ областяхъ, въ Швейцаріи же совершенно вытѣснена.

Французскій зоотехникъ Сансонъ нѣсколько лѣтъ тому назадъ рѣшительно высказался противъ выведенія нашихъ домашнихъ свиней отъ европейской дикой свиньи, ссылаясь на разницу въ строеніи черепа и въ числѣ поясничныхъ позвонковъ. Но Нерингъ опровергъ эти возраженія.

Молодые поросята въ теченіе первыхъ недѣль обнаруживаютъ иногда, какъ и вепрята нашей дикой свиньи, продольную полосатость, то-есть извѣстный ливрейный рисунокъ. Въ этомъ усматриваютъ признакъ происхожденія и возвратъ къ дикой формѣ. Сансонъ отрицаетъ существованіе подобной полосатости у новорожденныхъ свиней, но въ этомъ отношеніи онъ, очевидно, неправъ, такъ какъ въ сѣверной Германіи и въ Россіи, раньше, когда мѣстные свиньи были болѣе распространены, полосатость поросятъ встрѣчалась очень часто. Я не разъ наблюдалъ ее также въ Швейцаріи.

Дикія свиньи съ незапамятныхъ временъ были обыкновенны въ Европѣ. Пещерные обитатели дилювіальной эпохи часто изображали это животное, а въ началѣ XIX вѣка одинъ вюртембергскій пасторъ, жалуясь на вредъ, наносимый дикими животными, говоритъ въ всеподданнѣйшемъ прошеніи своему государю: „Вашего Королевскаго Величества Высочайшія свиньи сожрали мой всеподданнѣйшій картофель“. Дикаго матеріала для цѣлей прирученія, очевидно, было достаточно. Многочисленныя наблюденія установили, что дикія свиньи, если ихъ воспитывать смолоду, становятся очень ручными и вполнѣ привыкаютъ къ людямъ.

Такимъ образомъ, историческіе обитатели Европы не могли отказаться отъ пріобрѣтенія мѣстной свиньи.

5. *Происхожденіе верблюдоподобныхъ домашнихъ животныхъ.*

Богатое формами племя копытныхъ животныхъ доставило наиболѣе многочисленный контингентъ ручныхъ животныхъ, а изъ нихъ жвачныя оказались наиболѣе способными къ видоизмѣненію. Древнѣйшимъ отпрыскомъ этого корня мы должны считать верблюдовъ, такъ какъ у нихъ редукція зубной системы не пошла столь далеко, какъ у всѣхъ остальныхъ животныхъ; это единственныя изъ жвачныхъ животныхъ, у которыхъ еще сохранились рѣзцы въ верхней челюсти.

Съ палеонтологической точки зрѣнія первоначальную родину верблюдовъ надо искать въ сѣверной Америкѣ, гдѣ они были обильно представлены въ позднѣйшую третичную эпоху. Они раздѣлили судьбу американскихъ дикихъ лошадей: вымерли на своей третичной родинѣ и сохранились только благодаря переселенію. Въ настоящее время дикія формы нашихъ верблюдоподобныхъ домашнихъ животныхъ встрѣчаются только въ двухъ, пространственно очень далекихъ другъ отъ друга, областяхъ—въ Центральной Азіи и Южной Америкѣ. Форма Стараго Свѣта значительно превосходитъ величиной южно-американскихъ.

Пріобрѣтеніе верблюда въ качествѣ домашняго животнаго означало громадный успѣхъ культуры, онъ собственно завоевалъ степи и пустыни для человѣка. Соглашаясь, что онъ обладаетъ не совсѣмъ пріятными свойствами характера, нельзя, однако, не удивляться его работоспособности, которая съ теченіемъ времени сдѣлалась чрезвычайно разносторонней: верблюдъ примѣняется не только для переноски вьюковъ, но онъ доставляетъ прекрасныхъ ѣздовыхъ животныхъ; онъ запрягается даже въ повозки и въ плугъ.

Въ исторіи ручной верблюдъ впервые появляется въ Азіи и притомъ въ обѣихъ выведенныхъ формахъ. Двугорбый верблюдъ принадлежитъ болѣе сѣверной области, одногорбый или дромадеръ свойственъ югу. Въ видовомъ отношеніи они не различаются и происходятъ отъ общей родоначальной формы [1]).

Уже въ началѣ перваго тысячелѣтія до Рождества Христова ассирійскія народности были знакомы съ верблюдомъ. Изображенія двугорбыхъ верблюдовъ, очень вѣрныя натурѣ, находятся на извѣстномъ черномъ обелискѣ изъ Нимруда; это предметы дани, полученные царемъ Салманассаромъ II.

Далѣе, мы обязаны Палласу открытіемъ Ниневійскаго барельефа, на которомъ изображенъ стрѣлокъ изъ лука, ѣдущій на дромадерѣ. Іудеямъ верблюдъ былъ извѣстенъ уже въ древнія времена, въ Библіи онъ упоминается часто. Геродотъ первый греческій авторъ, который сообщаетъ о примѣненіи верблюдовъ на войнѣ, описывая боевой порядокъ Кира. Позднѣе Ксенофонтъ хвалилъ быстроту верблюдовъ, находившихся въ арміи Ксеркса.

---

[1]) Зоологи, однако, относятъ двугорбаго и одногорбаго верблюдовъ къ двумъ различнымъ видамъ. *Ред.*

Прошло довольно много времени, пока совершилось переселеніе во внѣ-азіатскія страны. Африка заимствовала южную форму, дромадера, повидимому, лишь незадолго до начала нашего теперешняго лѣтосчисленія. Въ древнемъ Египтѣ онъ является гораздо позднѣе лошади. Попытка отнести его появленіе къ эпохѣ средняго царства врядъ-ли выдерживаетъ критику. По Эрману онъ является самое раннее въ IV столѣтіи до Р. Х. Въ Европѣ верблюдъ не могъ найти сколько-нибудь широкаго распространенія въ виду отсутствія здѣсь обширныхъ степныхъ областей. Южная Россія заимствовала двугорбаго верблюда, отсюда вмѣстѣ съ тюркскими племенами онъ проникъ дальше. Въ окрестностяхъ Пизы до сихъ поръ существуетъ заводъ верблюдовъ Санъ-Россоре. Дромадеры въ южной Испаніи, и въ особенности на Канарскихъ островахъ, находятъ примѣненіе въ качествѣ вьючныхъ животныхъ.

Очагъ образованія ручныхъ верблюдовъ мы, очевидно, должны искать въ Центральной Азіи. Вопросъ о дикой родоначальной формѣ долгое время оставался неяснымъ.

Правда, старикъ Палласъ узналъ, что во внутренней Азіи водятся дикіе верблюды, но только Пржевальскій установилъ этотъ фактъ, какъ очевидецъ. Онъ нашелъ дикихъ верблюдовъ въ области Лобъ-Нора, гдѣ они живутъ небольшими стадами въ безводныхъ мѣстностяхъ. Отъ ручной формы они по существу отличаются только малыми размѣрами горбовъ.

Позднѣе шведскій путешественникъ Свенъ Гединъ тоже наблюдалъ во внутренней Азіи дикихъ верблюдовъ; въ пустыняхъ Таримскаго бассейна они, повидимому, обыкновенны. Въ письмѣ изъ Обдала отъ іюня 1900 г. названный изслѣдователь даетъ очень живое описаніе ихъ образа жизни.

Можно поставить вопросъ, идетъ-ли здѣсь дѣло о настоящей дикой формѣ или о верблюдахъ, бѣжавшихъ изъ каравановъ и одичавшихъ. Этотъ вопросъ тѣмъ основательнѣе, что въ указанныхъ областяхъ обнаруживаются ясные слѣды погибшей буддійской культуры.

Одичавшіе верблюды могутъ существовать въ извѣстныхъ мѣстностяхъ, но первоначальная дикая форма (Camelus ferus), очевидно, еще сохранилась въ многочисленныхъ стадахъ. Это, конечно, остатки, удалившіеся, подобно дикой лошади (Equus hemionus), на неприступныя нагорья центральной Азіи. Въ дилювіальную эпоху колоніи дикихъ верблюдовъ распространялись далеко на западъ, такъ какъ

остатки костей найдены въ четвертичныхъ отложеніяхъ лѣваго берега Волги и даже Румыніи и Алжира.

Южно-американскія ламы (Auchenia), которыя представляютъ изъ себя какъ бы миніатюрное изданіе рослыхъ верблюдовъ Стараго Свѣта, приручены человѣкомъ въ двухъ формахъ—собственно ламы и альпака. Онѣ принадлежатъ къ числу немногихъ видовъ, которые были приручены аборигенами Америки по собственной иниціативѣ. Ихъ прирученіе, вѣроятно, произошло очень давно, такъ какъ ко времени появленія испанцевъ въ Перу имѣлись уже многочисленныя стада. Антоніо де-Геррера далъ въ 1615 г. вполнѣ правильное описаніе обѣихъ ручныхъ ламъ и ихъ примѣненія въ качествѣ вьючныхъ животныхъ, равно какъ и для полученія мяса и шерсти. Прибавимъ въ дополненіе, что въ бѣдныхъ лѣсами мѣстностяхъ ихъ пометъ собираютъ, какъ матеріалъ для топлива.

Ламы живутъ на высотахъ южно-американскихъ Андъ, гдѣ остальныя домашнія животныя не выживаютъ. Онѣ сдѣлали возможной культуру горныхъ областей, которыя иначе оставались бы недоступными. Дѣйствіе одомашненія легко прослѣдить у ламы на окраскѣ шерсти, которая бываетъ то бѣлой, то рыжевато-красной или пятнистой; наблюдается также и меланизмъ. Она распространена на возвышенностяхъ Перу и Боливіи; на низменностяхъ попадается только спорадически. Ея примѣненіе въ качествѣ вьючнаго животнаго извѣстно.

Длинношерстая альпака—черной окраски; она развиваетъ густое руно и доставляетъ цѣнимую туземцами шерсть; вслѣдствіе своего вздорнаго нрава она не годится для переноски тяжестей. Попытки завести это домашнее животное въ другихъ мѣстахъ не удались. Въ Австралію полвѣка тому назадъ было ввезено большое стадо, которое, однако, вымерло безъ остатка. На родинѣ обѣ ламы играли извѣстную роль въ религіи. Ихъ приносили въ жертву мертвымъ, какъ сообщаютъ старые лѣтописцы. Головы и другіе остатки этихъ животныхъ находятъ въ до-испанскихъ гробницахъ Перу. Подобные остатки были найдены, напримѣръ, въ Анконскихъ гробницахъ.

По вопросу о происхожденіи ламы и альпака рѣшающее значеніе имѣютъ въ особенности изслѣдованія А. Неринга. Мнѣніе Чуди о видовой самостоятельности обоихъ домашнихъ животныхъ представляется сомнительнымъ.

Два вида еще и нынѣ живутъ въ совершенно дикомъ состояніи, именно—гуанако (Aucheпia huanaco) и вигонь (Aucheпia vicugna). Нерингъ считаетъ ламу ручнымъ потомкомъ гуанако, но оставляетъ открытымъ вопросъ, надо-ли считать вигонь родоначальной формой альпака или послѣдняя произошла отъ скрещиванія ламы съ вигонью.

Очагъ образованія, какъ показываетъ уже мѣстонахожденіе обоихъ домашнихъ животныхъ, нужно, само собою разумѣется, искать въ современной области распространенія.

6. Происхожденіе домашняго рогатаго скота.

Пріобрѣтеніе домашняго рогатаго скота въ качествѣ товарища человѣка относится къ очень ранней эпохѣ.

Мы должны считать его, на ряду съ собакой, быть можетъ, древнѣйшимъ домашнимъ животнымъ. Для восточнаго полушарія это пріобрѣтеніе, какъ справедливо замѣчаетъ Э. Ганъ, имѣло величайшее значеніе; когда стали пить молоко и запрягли вола въ плугъ, были заложены основы нашей азіатско-европейской культуры. Позднѣйшія пріобрѣтенія расширили эти основы, но не измѣнили ихъ существенно. Немудрено, что рогатый скотъ, въ виду его хозяйственной важности, уже въ Индіи пріобрѣлъ религіозное значеніе, которое еще возросло на западѣ, въ Египтѣ, такъ что быкъ Аписъ сдѣлался національнымъ божествомъ. Жрецы умѣли сочетать хозяйственные интересы съ религіозной ролью, для которой выбирался опредѣленный индивидуумъ. Въ другихъ культурныхъ областяхъ, по крайней мѣрѣ, развилось воззрѣніе, что по отношенію къ рогатому скоту, какъ рабочему животному, должно соблюдать извѣстныя обязанности. Ихъ предписывалъ іудейскій законъ; въ Греціи за убійство вола первоначально наказывали; у римлянъ оно тоже запрещалось, такъ какъ волъ—товарищъ человѣка и служитель Цереры. Плутархъ признается, что у него не хватило бы духа продать состарѣвшагося на службѣ вола.

Откуда бы мы ни начали нашъ обзоръ, мы всюду находимъ въ Старомъ Свѣтѣ рогатый скотъ, какъ самаго ранняго спутника культуры. Въ Европѣ онъ обнаруженъ уже въ наидревнѣйшихъ свайныхъ постройкахъ. Въ началѣ существовалъ, въ качествѣ единственной расы, маленькій, изящнаго склада „торфяной скотъ“; позднѣе появляется вторая, болѣе крупная раса, то чистая, то скрещенная съ тор-

фяной. Этотъ матеріалъ въ раннюю историческую эпоху пріобрѣтаетъ еще болѣе разнообразный характеръ, какъ слѣдствіе прогресса въ разведеніи.

На африканской почвѣ ручной рогатый скотъ обнаруживается также рано; изображенія его вмѣстѣ съ другими домашними животными являются уже въ древнюю эпоху Негада, непосредственно предшествовавшую эпохѣ фараоновъ въ древнемъ Египтѣ (рис. 12).

Въ теченіе древняго царства искусственное разведеніе уже сильно повліяло на рогатый скотъ въ Нильской долинѣ: наряду съ большерогими породами является комолый скотъ, наряду съ безгорбыми—формы съ жировыми горбами.

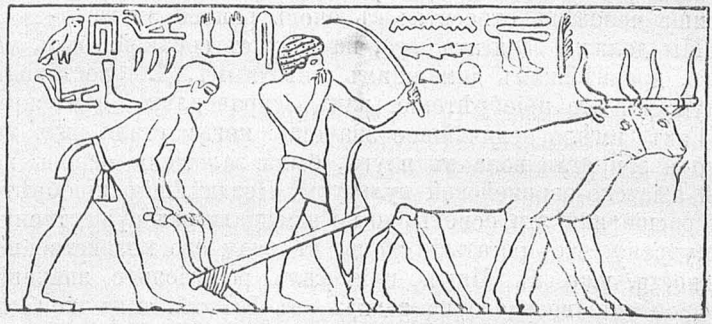


Рис. 2. Древне-египетское изображеніе рогатаго домашняго скота.

Возникновеніе домашняго рогатаго скота на африканской почвѣ недопустимо, такъ, какъ здѣсь отсутствуютъ соотвѣтственныя дикія формы. Слѣдовательно, онъ явился извнѣ, и именно изъ Азіи. Въ самомъ дѣлѣ, въ Месопотаміи домашній рогатый скотъ является очень рано. На одномъ древнемъ халдейскомъ цилиндрѣ имѣется изображеніе рогатаго скота, впряженнаго въ плугъ. Позднѣе, въ ассирійскую эпоху часто изображается горбатый скотъ.

Скульптурныя изображенія рогатаго скота въ Индіи составляютъ предметъ поклоненія для туземцевъ. Очевидно, они очень древняго происхожденія.

Пересматривая породы рогатаго скота въ Старомъ Свѣтѣ, мы находимъ множество различныхъ формъ, которыя отчасти объясняются одомашненіемъ въ теченіе долгаго времени, отчасти различнымъ происхожденіемъ.

Въ одной только Европѣ различаютъ въ настоящее время не менѣе пяти расъ, именно:

1. *Первобытный скотъ* (раса primigenius), представленный крупнымъ большерогимъ степнымъ скотомъ юго-восточной Европы, тяжелымъ скотомъ низменностей сѣверной Германіи и Голландіи и шотландскимъ горнымъ скотомъ.

2. *Большелобый скотъ* (раса frontosus), представителями котораго являются англійскіе лонггорны и пестрый скотъ западной Швейцаріи и южной Швеціи.

3. *Длиннолобый скотъ* (раса brachyceros) съ болѣе стройнымъ маленькимъ тѣломъ и короткими рогами. Къ этой расѣ принадлежатъ англійскій Ламаншскій скотъ, бурый скотъ Альповъ и польскій красный скотъ.

4. *Короткоголовый скотъ* (раса brachycephalus) съ короткой мордой распространенъ спорадически въ Альпахъ и въ видѣ тяжелыхъ большерогихъ животныхъ въ Испаніи и Португаліи.

5. *Комолый (безрогій) скотъ* (раса akeratos), маленькаго роста и безъ роговъ. Онъ попадается преимущественно въ сѣверной Европѣ.

Азіатскія и африканскія породы домашняго рогатаго скота частью еще не достаточно изслѣдованы и сопоставлены, но онѣ очень отличаются по экстерьеру. Наряду съ крупнымъ, рослымъ рогатымъ скотомъ мы знаемъ карликовыя формы; многія (зебу, рис. 13) обладаютъ большимъ жировымъ горбомъ, другія не имѣютъ горба; рога у иныхъ мощно развиты, у другихъ короткіе или вовсе отсутствуютъ.

Понадобилось много времени, прежде чѣмъ происхожденіе рогатаго скота было объяснено удовлетворительно. Рѣшеніе вопроса затруднялось съ одной стороны значительной измѣнчивостью, съ другой—продолжительнымъ пребываніемъ въ состояніи приручения, а еще болѣе нашимъ недостаточнымъ знакомствомъ съ внѣ-европейскими формами рогатаго скота.

Старикъ Кювье послѣ нѣкоторыхъ колебаній призналъ въ заключеніе европейскаго тура (Bos primigenius) родоначальной формой, и въ этомъ отношеніи, по крайней мѣрѣ отчасти, былъ правъ. И.-Жоффруа Сентъ-Илеръ, при его склонности выводить древнѣйшихъ домашнихъ животныхъ съ Востока, оспаривалъ своего земляка и доказывалъ азіатское происхожденіе рогатаго скота. При этомъ онъ опирался не столько на анатомическіе, сколько на культурно-историческіе факты.

Только Рютимейеръ взялся за основательное изслѣдованіе вопроса и представилъ анатомическія доказательства въ пользу того, что скотъ низменностей и степной скотъ въ самомъ дѣлѣ такъ близко стоятъ къ дикому туру, что могутъ считаться его непосредственными потомками. Кромѣ того существуетъ второй родоначальникъ, котораго нужно искать внѣ Европы. Наши породы бураго и мелкаго Ламаншскаго скота, принадлежащія къ короткорогой расѣ (раса brachyceros) можно выводить непосредственно отъ мелкаго торфяного скота, который, въ свою очередь, обнаруживаетъ тѣснѣйшую связь съ мелкимъ скотомъ сѣверной Африки. Можно-ли прослѣдить происхожденіе этого послѣдняго еще дальше, напримѣръ, до Азіи,—это вопросъ, который осторожному изслѣдователю приходится оставить нерѣшеннымъ въ виду недостатка матеріала.

Позднѣйшіе изслѣдователи выступили съ иными мнѣніями. М. Вилькенсъ въ концѣ концовъ отвергъ тура въ качествѣ родоначальной формы и находитъ, что о происхожденіи домашняго рогатаго скота нельзя высказаться съ увѣренностью, тогда какъ А. Нерингъ возвращается къ воззрѣнію Кювье, признаетъ тура (Bos primigenius) исходной формой, а мелкія, короткорогія и комолыя породы рогатаго скота считаетъ недоразвитыми формами primigenius, возникшими подъ вліяніемъ неблагопріятныхъ жизненныхъ условій и плохого содержанія.

Хотя эта гипотеза недоразвитія представляется соблазнительной, но противъ нея имѣются серьезныя возраженія. Во-первыхъ, существуютъ анатомическія различія между расой primigenius и расой brachyceros; во-вторыхъ, въ свайныхъ постройкахъ Европы является сначала мелкій короткорогій скотъ; большерогій скотъ появляется позднѣе и при томъ безъ всякихъ посредствующихъ промежуточныхъ ступеней. Мелкій англійскій ламаншскій скотъ Джерсея, Альдернея и Гернсея пользуется самыми благопріятными жизненными условіями, однако, остается короткорогимъ и малорослымъ. Наоборотъ, сибирскій рогатый скотъ живетъ безъ призора, въ очень плохихъ условіяхъ, и тѣмъ не менѣе уменьшенія его первобытныхъ размѣровъ тѣла не наступаетъ. Стало быть, признаки расы наслѣдуются съ большимъ постоянствомъ.

Арепандеръ ищетъ очагъ образованія въ Европѣ и признаетъ родоначальной формой комолый скотъ (рис. 14); ну-

темъ самостоятельно возникшей варіаціи онъ сдѣлался рогатымъ, а подъ конецъ и большерогимъ.

Дѣйствительно, въ раннихъ свайныхъ постройкахъ представленъ комолый типъ, а большерогій скотъ является только въ позднѣйшихъ свайныхъ постройкахъ; но тѣмъ не менѣе палеонтологическія соображенія говорятъ противъ признанія комолаго типа исходной формой.

Я въ теченіе многихъ лѣтъ занимался изслѣдованіемъ вопроса о происхожденіи рогатаго скота на основаніи ма-

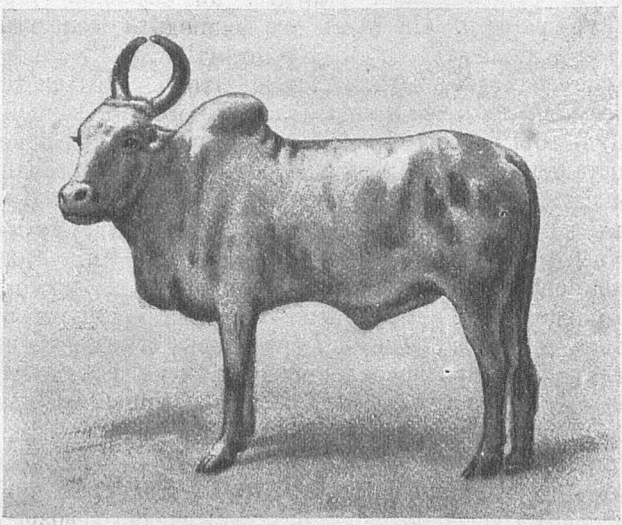


Рис. 13. Индійскій зебу. По фотографіи.

теріала, добытаго не только въ Европѣ, но и въ Африкѣ и Азіи, и, въ концѣ концовъ, призналъ достовѣрнымъ дифилетическое происхожденіе въ смыслѣ Рютимейера.

Если мы сравнимъ черепъ первобытнаго (primigenius) европейскаго скота съ черепами мелкаго короткорогаго (brachyceros), то найдемъ весьма значительныя анатомическія различія. Тамъ прямолинейныя очертанія плоскости лба, косо впередъ направленныя глазницы, глубокія височныя впадины, сильно развитая лицевая часть и косовосходящая вѣтвь нижней челюсти; здѣсь тонкая морда, выдающіяся глазницы, мелкія височныя впадины и косое положеніе зубовъ челюсти, которая въ восходящей вѣтви вертикальна.

Культурно-историческіе факты съ достовѣрностью указываютъ на очень древній очагъ образованія домашняго рогатаго скота, который долженъ былъ находиться въ южной Азіи. О томъ же говоритъ зоогеографическій фактъ, что южная Азія обнаруживаетъ наибольшее богатство въ отношеніи дикаго рогатаго скота.

Мы находимъ тамъ, правда, какъ горную форму, яка (Bos grunniens), котораго имѣлъ одно время въ виду Кювье, но якъ не можетъ считаться родоначальной формой уже вслѣдствіе существенной разницы въ строеніи черепа и въ числѣ реберъ. На томъ же основаніи долженъ быть отвергнутъ индійскій гаялъ (Bos frontalis).

Болѣе подходитъ южно-азіатскій гауръ (Bos gaurus), но его вогнутый лобъ и мощный лобный бугоръ задней части черепа, который у быка можно сравнить съ косой перегородкой, составляютъ прямую противоположность образованію лба южно-азіатскихъ породъ домашняго рогатаго скота. Въ концѣ концовъ я могъ обнаружить дикую исходную форму въ зондскомъ быкѣ или бантенгѣ (Bos sondaicus). Для этого безусловно необходимо сравнивать женскіе черепа этого дикаго рогатаго скота съ черепами живущихъ въ той же области зебу, такъ какъ они болѣе консервативны, т. е. менѣе измѣнились вслѣдствіе приспособленія, чѣмъ черепа быковъ.

Анатомическое сходство поразительно. У зебу, какъ и у коровы бантенга, черепъ длинный и узкій, профиль бараній. Рога, расходящіеся назадъ, лобъ покатый въ стороны, височныя впадины широкія и плоскія, глазницы почти не выступающія, носовой отростокъ межчелюстной кости короткій, коренные зубы косо поставлены.

Индійскій зебу есть попросту одомашненный бантенгъ. Какъ показалъ опытъ, телята бантенги легко приручаются и въ неволѣ легко привыкаютъ къ человѣку. Напримѣръ, бантенги на островѣ Целебесѣ были введены, какъ прирученныя животныя. Брэмъ удостовѣряетъ, что бантенгъ въ плѣну отличается кроткимъ нравомъ, легко размножается и уже во второмъ или въ третьемъ поколѣніи почти не отличается отъ домашняго скота по своимъ повадкамъ. Въ зондскомъ рогатомъ скотѣ обитатели южной Азіи имѣли не только самый послушный, но и прекраснѣйшій дикій скотъ для выведенія легко измѣняющагося домашняго животнаго.

Это азіатское племя, подобно азіатской линіи домашнихъ свиней и лошадей, уже въ раннюю эпоху завоевало

обширнѣйшія области, и еще теперь преобладаетъ по числу особей.

На востокъ оно распространилось до Китая и Японіи, конечно, встрѣчая сильную конкуренцію со стороны домашняго буйвола. Въ восточно-азіатскомъ архипелагѣ этотъ скотъ достигаетъ Бали и Ломбока, но не могъ проникнуть на Новую Гвинею.

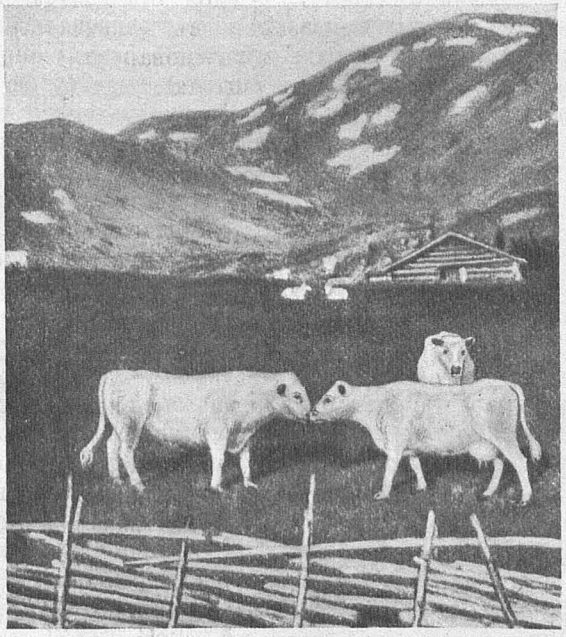


Рис. 14. Комолый скотъ въ Скандинавіи (фьельская раса). По фотографіи.

На западѣ мы встрѣчаемъ потомковъ зебу въ Персіи и Аравіи; раньше они водились и въ Месопотаміи. Очень рано достигли они Африки, гдѣ древняя Эфіопія сдѣлась центромъ разведенія рогатаго скота. Хамитскіе народы первоначально одни владѣли рогатымъ скотомъ, позднѣе же болѣе интеллигентныя племена негровъ въ южной и западной Африкѣ тоже обзавелись имъ (рис. 15).

Мадагаскаръ съ его значительнымъ скотоводствомъ получилъ это домашнее животное изъ восточной Африки. Силь-

ный потокъ рогатаго скота направился изъ Эфіопіи въ древнюю Нильскую долину. Вначалѣ это были большерогія породы, которыя нынѣ оттѣснены въ центральную Африку, а при новомъ царствѣ начинаетъ преобладать среднерогій и коротворогій скотъ, потомковъ котораго мы и нынѣ встрѣчаемъ въ Верхнемъ Египтѣ и по сѣв.-африканскому побережью до Марокко.

При этомъ наблюдается постепенное приближеніе къ древнему торфяному скоту. Черепа становятся шире въ лобной части, у отдаленныхъ членовъ (трансваальскій скотъ, мадагаскарскій скотъ, верхне-египетскій скотъ) они уже не выпуклы; глазницы начинаютъ сильнѣе выдаваться.

Впрочемъ, параллельное явленіе наблюдается и въ восточной Азіи. На Бали и Ломбокѣ мелкій скотъ получаетъ такіе же признаки, какъ въ Алжирѣ и Марокко.

Древній торфяной скотъ въ своихъ существенныхъ признакахъ былъ уже выраженъ въ сѣверной Африкѣ. Аналогичныя формы мы находимъ въ западной Азіи, но также уже въ доисторическую эпоху въ предѣлахъ Туркестана. Явились ли они прямо съ востока или кружнымъ путемъ черезъ Нильскую долину,—въ настоящее время трудно рѣшить. Что эти мелкія подвижныя формы уже рано добрались до Европы, представляется вѣроятнымъ. Средиземное море не представляло непреодолимой преграды. Въ формѣ торфяного скота это первоначальное южно-азіатское племя проникло изъ сѣверной Африки въ южную Европу. Знаменателенъ тотъ фактъ, что оно особенно сильно представлено въ свайныхъ постройкахъ западной Швейцаріи; путемъ переселенія, быть можетъ, служила Ронская долина. Но и изъ западной Азіи подобная форма должна была найти путь въ Европу.

Древній торфяной скотъ находитъ свое прямое продолженіе, какъ показалъ уже Рютимейеръ, въ буромъ скотѣ нашихъ Альповъ. Англійскій Ламаншскій скотъ также является его потомкомъ. Въ окраскѣ мы еще находимъ признаки индійскаго зебу. Черная полоса вдоль хребта и оленья морда, которыя такъ рѣзко выступаютъ у бураго скота, наблюдаются также у восточно-азіатскаго и индійскаго скота. Даже свѣтлое зеркало на задней части тѣла, характерное для бантенга, ясно замѣтно въ отдѣльныхъ экземплярахъ бураго скота.

Короткоголовый скотъ есть культурный продуктъ, который появляется впервые въ Италіи, а въ настоящее время

достигаетъ сильнѣйшаго развитія на Иберійскомъ полуостровѣ. Римляне перевели эту расу черезъ Альпы на сѣверъ; въ гельветско-римской колоніи Виндониссѣ ея остатки были найдены въ большомъ количествѣ. Комолый скотъ также принадлежитъ къ этому азіатскому племени. Онъ не возникъ впервые въ сѣверной Европѣ и оказывается многочисленнымъ уже въ Африкѣ.

Пересматривая европейскія породы, мы встрѣчаемъ второй элементъ рогатаго скота, который въ анатомическомъ отно-

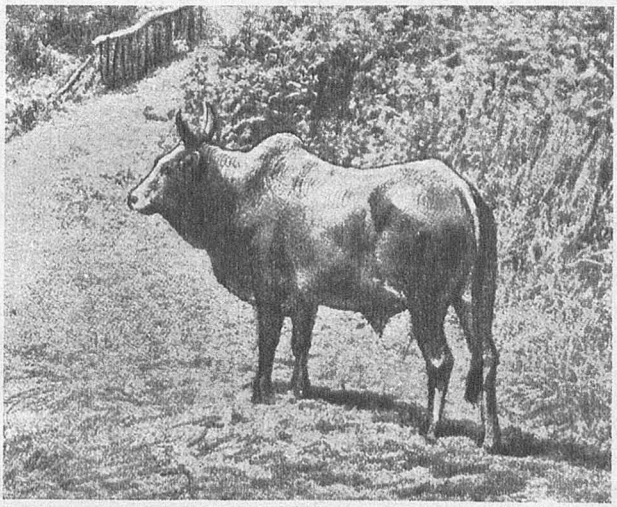


Рис. 15. Домашній рогатый скотъ Уганды. По фотографіи.

шеніи нельзя связать непосредственно въ азіатской родоначальной формой. Это формы *тяжелаго склада*, въ большинствѣ случаевъ съ большими рогами, которыя всего многочисленнѣе представлены въ придунайскихъ странахъ и въ южнорусскихъ степяхъ, равно какъ и на обильныхъ пастбищами низменностяхъ сѣверо-западной Европы. Мѣстами онѣ проникаютъ за предѣлы Европы, и въ Сибири, напримѣръ, распространились далеко на востокъ.

Для этой группы приходится принимать вполнѣ самостоятельный очагъ образованія, который долженъ находиться въ Европѣ. Дикій рогатый скотъ, отъ котораго она происходитъ, есть, безъ сомнѣнія, первобытный быкъ или туръ (Bos

primigenius). Послѣдній по существу характерная форма европейскаго животнаго міра; онъ долженъ былъ всего гуще населять среднюю и восточную Европу, хотя не былъ совершенно чуждъ также западно- и сѣверо-азіатскимъ областямъ; во всякомъ случаѣ, онъ встрѣчается здѣсь только спорадически.

Туръ появляется, какъ дикій рогатый скотъ, впервые въ дилювіальную эпоху, но теперь уже вымеръ.

Когда-то возбуждавшій много споровъ вопросъ, существовалъ ли туръ еще въ историческія времена или нѣтъ, рѣшенъ окончательно съ тѣхъ поръ, какъ мы узнали изъ польскихъ источниковъ, что въ Мазовіи еще въ XVI столѣтіи существовало стадо, которое къ 1599 г. уменьшилось до 24 штукъ, а въ 1627 г. исчезло окончательно. Что туръ существовалъ въ Швейцаріи въ началѣ послѣдняго тысячелѣтія, мы узнаемъ изъ „Благословеній трапезы и пищи“ Сенъ-Галленскаго монастыря.

О его внѣшнемъ видѣ намъ даетъ точное представленіе рядъ изображеній. Такъ называемое Аугсбургское изображеніе тура, опубликованное Гриффитомъ, весьма сомнительнаго характера. Герберштейновскій рисунокъ довольно грубъ; изображенія ассирійской эпохи нѣсколько лучше; наконецъ, превосходныя изображенія тура доставила намъ Микенская эпоха. Не такъ давно сюда присоединилась цвѣтная фигура изъ Альтамирской пещеры сѣверной Испаніи, превосходно воспроизводящая строеніе головы тура.

Относительно времени и мѣста древнѣйшихъ опытовъ приученія тура намъ приходится довольствоваться исключительно догадками. Во всякомъ случаѣ, имѣются кое-какіе опорные пункты, которые дѣлаютъ вѣроятнымъ, что въ началѣ второго тысячелѣтія до Рождества Христова древне-греческіе скотоводы начали приручать тура. Это, конечно, не сразу удалось; быть можетъ, потребовалось нѣсколько столѣтій, чтобы получить большія стада прирученныхъ животныхъ. Одно художественное произведеніе Микенской эпохи повѣствуетъ намъ въ непрерывномъ рядѣ изображеній во всѣхъ фазахъ, отъ охоты и поимки до укрощенія и настоящаго приученія. На золотыхъ кубкахъ Вафіо эти сцены воспроизведены въ рельефныхъ изображеніяхъ такъ жизненно и согласно съ природой, что намъ приходится допустить, что художникъ воспроизводилъ нѣкот рыя изъ нихъ съ натуры.

Предположеніе древне-греческаго очага образованія тѣмъ

болѣе вѣроятно, что скотоводство въ Греціи очень рано получило широкое развитіе; оно подтверждается и тѣмъ обстоятельствомъ, что по сосѣдству еще и нынѣ въ большомъ количествѣ встрѣчается степной скотъ, всего ближе стоящій по своимъ признакамъ къ туру.

Былъ ли того же типа скотъ низменностей сѣверной Германіи и Голландіи доставленъ по какому-нибудь опредѣленному пути распространенія изъ юго-восточной Европы или возникъ путемъ независимаго приручения, остается нерѣшеннымъ.

Крупный большелобый рогатый скотъ (раса frontosus) представляетъ, по Рютимейеру, продуктъ культуры, развившійся изъ ручного скота primigenius; для него нельзя указать особой дикой родоначальной формы. Искусственный отборъ сильно измѣнилъ его. Онъ является сначала въ сѣверной Европѣ; швейцарскій пестрый скотъ, вѣроятно, явился сравнительно поздно изъ сѣверныхъ областей, его остатки до сихъ поръ не найдены въ гельвето-римскихъ поселеніяхъ.

Въ связи съ домашнимъ рогатымъ скотомъ надо упомянуть еще о другихъ домашнихъ животныхъ, которыя, какъ представители рогатаго скота въ широкомъ смыслѣ, пріобрѣли извѣстное значеніе. Это прежде всего якъ (Bos grunniens domesticus), характерная форма центрально-азіатскаго нагорья, употребляемая тамъ въ качествѣ вьючнаго и ѣздового животнаго. Его распространеніе всегда оставалось болѣе или менѣе мѣстнымъ. Всего болѣе онъ распространенъ въ Тибетѣ, но можно встрѣтить это домашнее животное также въ сѣверной Индіи, на склонахъ Гималаевъ, въ Китаѣ и въ Туркестанѣ. Низменности для него не подходятъ, какъ для типичнаго горнаго животнаго. Въ южной Сибири яка скрещиваютъ съ домашнимъ скотомъ и цѣнятъ этихъ метисовъ за ихъ молочность.

Очагомъ образованія мы должны считать, очевидно, Тибетское плоскогорье; дикая форма тамъ очень распространена еще и нынѣ, но, вѣроятно, скоро сойдетъ на нѣтъ, если Тибетъ сдѣлается болѣе доступнымъ для охотничьяго спорта.

Вліяніе приручения сказалось замѣтно. Нѣкоторые индивидуумы сдѣлались комолыми; окраска часто пятнистая, проявляется и лейцизмъ.

Далѣе мы обязаны Азіи домашнимъ буйволомъ, дикой родоначальной формой котораго надо считать арни или индійскаго дикаго буйвола.

Относительно времени перваго приручения наши свѣдѣнія не совсѣмъ ясны. Намъ извѣстны изображенія буйволовъ въ Месопотаміи, относящіяся къ IV вѣку до Рождества Христова, на основаніи которыхъ можно съ большей или меньшей достовѣрностью установить связь съ человѣкомъ; но затѣмъ въ Ассирійскую эпоху изображенія буйволовъ больше не встрѣчаются.

Какъ домашнее животное, буйволъ очень хорошъ въ теплыхъ влажныхъ низменностяхъ. Здѣсь онъ часто вытѣснялъ домашній скотъ, такъ какъ очень устойчивъ противъ эпизоотій. Къ холоду онъ чувствителенъ. Его хозяйственная роль наиболѣе значительна въ низменностяхъ восточной Азіи. Здѣсь выведена большерогая форма, карабау, которую запрягаютъ въ повозки и въ плугъ, но цѣнятъ и какъ мясное животное. Къ западу встрѣчаются буйволы съ болѣе короткими рогами. Въ Персіи и Малой Азіи примѣняютъ буйволовъ въ большомъ числѣ, въ южной Европѣ онъ получилъ право гражданства въ южной Россіи, въ Трансильваніи, въ Дунайскихъ земляхъ и мѣстами въ Италіи. Въ настоящее время онъ сильно представленъ въ Египтѣ.

7. *Происхожденіе домашнихъ козъ.*

Всюду мы видимъ русскую козу въ качествѣ спутницы примитивной культуры; еще и нынѣ она играетъ роль коровы бѣдняка. Обитатель горъ который, несмотря на полную лишеній жизнь, любитъ свою родину, но не находитъ въ ней средствъ для содержанія болѣе крупныхъ животныхъ, особенно охотно разводитъ умную и понятливую козу; она доставляетъ ему молоко и вкусное мясо для его простого хозяйства. Ея шкурой онъ пользуется, какъ защищающимъ отъ непогоды плащомъ. Въ началѣ древнѣйшей культуры свайныхъ построекъ коза была многочисленна; позднѣе она вытѣсняется овцою. Раса была вначалѣ мелкая, въ бронзовую эпоху она становится уже крупнѣе. Въ древней Греціи коза появляется рано, какъ любимое животное въ хозяйствѣ; центромъ ея разведенія была восточная группа острововъ, обязанная ей названіемъ „Эгейскіе острова“.

Преданія, происхожденіе которыхъ относится къ до-Гомеровской эпохѣ, говорятъ о народѣ козоводовъ, который пришелъ изъ Азіи и всюду, гдѣ ни являлся, распространялъ страхъ и ужасъ. Если мы оставимъ въ сторонѣ

миѳическія украшенія, то найдемъ въ этихъ преданіяхъ правильную мысль, что Грецiя въ сѣдой древности получила домашнихъ козъ изъ западной Азіи. Южная Европа, до Испаніи включительно, съ древнихъ временъ до нашихъ дней съ особымъ вниманіемъ относилась къ разведенію козъ.

Въ Месопотаміи домашняя коза часто изображалась въ ассирійскую эпоху; въ то время она давно уже была домашнимъ животнымъ, о чемъ можно заключить по ея висячимъ ушамъ. Въ древнемъ Египтѣ она также часто изображалась. Особенно охотно она сопровождала работниковъ, отправлявшихся на рубку лѣса, вѣроятно, въ надеждѣ полакомиться листьями срубленныхъ сикоморъ.

На востокѣ мы встрѣчаемъ домашнихъ козъ на азіатскомъ нагорьѣ, въ Индіи и Китаѣ, на Суматрѣ, а недавно она была найдена даже у обитателей центральнаго Целебеса.

Продолжительное пребываніе въ домашнемъ состояніи привело къ образованію многихъ оригинальныхъ расъ; бараноголовость и комолость нерѣдки; возникли и карликовыя формы. Есть, кромѣ того, козы, какъ напримѣръ распространенныя отъ Греціи до Альповъ и Пиренеевъ козы съ окраской серны, сохранившія примитивный характеръ. Въ духовномъ отношеніи это животное въ домашнемъ состояніи сохранило большую самостоятельность. При всемъ томъ она обнаруживаетъ естественную склонность къ людямъ. Ласковая и послушная при хорошемъ обращеніи, она становится капризной, если ее обижаютъ. Она никогда не отказывалась отъ своенравія горнаго животнаго; въ молодости она проявляетъ его задорно и даже нахально. Поэтому она представляетъ прямую противоположность овцѣ, которая родственна ей по крови, но почти утратила способность проявлять волю. Генетическія отношенія въ настоящее время довольно ясны, и можно указать, по крайней мѣрѣ, три дикія формы, которыя передали свою кровь ручной козѣ. Изъ дикихъ козъ, разсѣянныхъ въ Старомъ Свѣтѣ, каменные козлы во всякомъ случаѣ не идутъ въ счетъ, какъ родоначальная форма. Извѣстно, правда, что нашъ альпійскій козерогъ легко производитъ съ домашней козой ублюдковъ, которые, повидимому, обладаютъ даже неограниченной плодовитостью, но по строенію роговъ козерогъ, какъ въ чистой формѣ, такъ и въ своихъ метисахъ, рѣзко отличается отъ домашней козы. Въ древнемъ Египтѣ ловили живьемъ синайскаго козерога и держали его вмѣстѣ

со скотомъ, но настоящимъ домашнимъ животнымъ онъ не сдѣлался. Большое западное племя домашнихъ козъ, распространившееся по западной Азіи, Аравіи, по всей Африкѣ и Европѣ, безъ сомнѣнія, ведетъ свое происхожденіе отъ безоаровой козы (Capra aegagrus).

Эта дикая коза живетъ еще и нынѣ въ западной Азіи, но область ея распространенія достигаетъ даже до Крита. Окраска ея ржаво-бурая съ темной полосой вдоль хребта; грудь и горло также темныя, какъ у нашихъ домашнихъ козъ съ окраской серны. Рога двугранные съ неправильными узлами на переднемъ краю и загнуты дугою назадъ. Борода имѣется у обоихъ половъ.

По наблюденіямъ, которыя Полигъ имѣлъ случай произвести въ Персіи, приручепіе безоаровой козы удается безъ особаго труда. Надо полагать, что ея первое приручепіе послѣдовало въ ея нынѣшней главной области распространенія, то есть въ западной Азіи; здѣсь она дала начало оригинальнѣйшимъ выведеннымъ формамъ, каковы, напр., благородная ангорская коза съ длиннымъ руномъ и замѣчательная своими длинными висячими ушами мамберская коза. Вавилонско-ассирійскій культурный міръ, повидимому, не присвоилъ потомковъ западно-азіатской козы, но получилъ своихъ козъ изъ другого источника. Напротивъ, вся эфіопская область, отъ крайняго востока до запада, вывела карликовую форму, которая отчасти еще сохранила окраску серны, но нерѣдко склоняется къ лейцизму, какъ, напр., сомалійская коза.

Европейскія породы козъ всецѣло выводятся отъ Capra aegagrus и большею частью сходны съ ней по окраскѣ. Это относится къ козѣ съ окраской серны Балканскихъ странъ, центральныхъ Альповъ и горныхъ областей Испаніи. Лейцизмъ наблюдается у безрогой саанской козы; у длинношерстой, сильнаго склада, валлисской козы лейцизмъ обнаруживается только на задней части тѣла, тогда какъ голова и и передняя часть тѣла—густой черной окраски.

Второе племя совершенно своеобразныхъ домашнихъ козъ мы встрѣчаемъ на азіатскомъ нагорьѣ. Его извѣстнѣйшій представитель—кашмирская коза, которая отличается длинной шелковистой шерстью и длинными винтообразными рогами (рис. 16). Всего сильнѣе она распространена въ Тибетѣ, откуда кашмирскіе ткачи получали прекрасную шерсть для изготовленія дорогихъ шалей; но эта, когда-то процвѣ-

тавшая, промышленность давно уже пришла въ упадокъ. Кашмирскія козы распространились по Туркестану до области киргизовъ.

Соотвѣтствующая дикая форма, отъ которой мы должны выводить Кашмирскую козу, обитаетъ на западныхъ Ги-

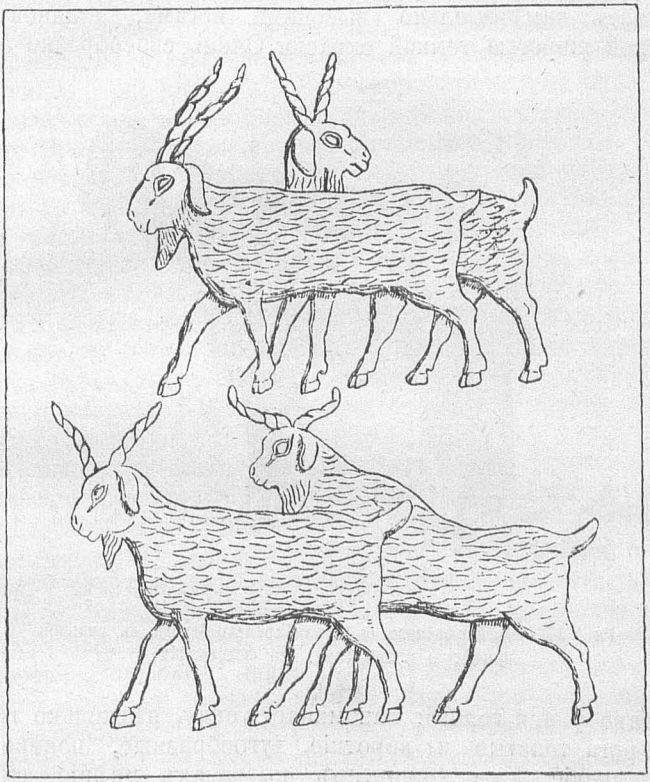


Рис. 16. Древне-ассирійское изображеніе домашнихъ козъ. По Лейарду.

малаяхъ и въ Афганистанѣ. Это винторогая коза (Capra Falconeri), которая достигаетъ величины козерога и отличается отъ всѣхъ дикихъ козъ рогами въ формѣ пробочника. Прирученіе, очевидно, совершилось очень рано, и не невѣроятно что очагъ образованія этой внутренне-азіатской расы козъ надо искать въ Вавилонско-Ассирійской культурной области. Въ высшей степени замѣчательно, что на ассирійскихъ

рельефныхъ изображеніяхъ фигурируютъ маленькія козы, обладающія длинными, часто прямыми и направленными наружу винтообразными рогами и, слѣдовательно, сильно уклоняющіяся отъ безоароваго типа.

На юго-востокѣ Азіи мы встрѣчаемъ третью группу расъ, распространенную отъ Тибета до Индіи и Суматры. Она обладаетъ замѣчательно высокими ногами, длинной или короткой шерстью темной окраски. Очень своеобразно сфор-

Рис. 17. Индійская коза съ Малабарскаго берега съ сильной примѣсью крови тара. По фотографіи.

мирована у нея голова; напоминаетъ овцу, нѣсколько горбоноса, рога толстые и короткіе, дугообразные, поперечные бугры низкіе. Уже Фицингеръ высказалъ мнѣніе, что эта восточно-азіатская коза происходитъ отъ тара (Capra jemlaica). Во всякомъ случаѣ, она содержитъ, главнымъ образомъ, кровь гималайской козы, а отдѣльныя особи обнаруживаютъ на головѣ и на ушахъ окраску тара, то есть каштаново-бурую, съ черной полосой на лбу и темнымъ кольцомъ вокругъ ушей.

По имѣющемся наблюденіямъ козлы тары чрезвычайно легко спариваются съ домашней козой (рис. 17).

8. *Происхожденіе домашнихъ овецъ.*

Такъ же рано, какъ коза, была приручена овца, но съ теченіемъ времени далеко превзошла первую по своему хозяйственному значенію. Во многихъ мѣстностяхъ она осталась вѣрной горамъ и является тамъ въ большинствѣ случаевъ въ обществѣ козы; кромѣ того, овца массами населяетъ сухую степь, но отнюдь не презираетъ и тучныхъ равнинъ. Современное распространеніе ея космополитическое, число хорошо различимыхъ расъ и породъ, быть можетъ, больше, чѣмъ у какого бы то ни было другого домашняго животнаго. Она безъ сопротивленія подвергается искусственному отбору въ различныхъ направленіяхъ; она сдѣлалась поставщикомъ шерсти, но также и выдающимся мяснымъ животнымъ; мѣстами овца пріобрѣла извѣстное значеніе даже какъ молочное животное. Въ отдѣльныхъ культурныхъ областяхъ, особенно тамъ, гдѣ существуетъ отвращеніе къ свиньѣ, ее разводятъ спеціально для жира. Генетическія отношенія современныхъ овечьихъ расъ долгое время составляли наказаніе для зоологовъ; мало-по-малу удалось внести болѣе ясности въ этотъ вопросъ.

Отдѣльныя указанія можетъ дать историческое и доисторическое изслѣдованіе распространенія и появленія овецъ въ отдѣльныхъ культурныхъ областяхъ.

Въ палеолитическую эпоху въ Европѣ, по крайней мѣрѣ къ сѣверу отъ Альповъ, отсутствуютъ какъ ручныя, такъ и дикія овцы. Только въ эпоху свайныхъ построекъ появляется маленькая овца оригинальнѣйшаго склада, которую вообще называютъ „торфяной овцой“. Это единственная древнѣйшая раса, вначалѣ попадающаяся лишь изрѣдка, но въ позднѣйшихъ свайныхъ постройкахъ уже обыкновенная. По внѣшнему облику торфяная овечка болѣе походила на козу; голова была длинная, оленевидная; рога двугранные, завернутые наружу; хвостъ длинный, свѣшивающійся. Еще въ римскую эпоху торфяная овца была очень обыкновенна въ предгорьяхъ Альповъ, но затѣмъ, вытѣсняемая болѣе цѣнными расами, удалилась въ горы. Теперь она вымираетъ, но еще пятьдесятъ лѣтъ тому назадъ стада ея населяли альпійскія пастбища Граубюндена (рис. 18). Небольшія колоніи, быть можетъ, сохранились и въ другихъ мѣстахъ.

Уже въ бронзовую эпоху появляются новыя расы: сначала, безъ посредствующихъ переходовъ, комолая овца, а

затѣмъ овца, похожая на мериноса, съ тяжелыми рогами. Повидимому, обѣ распространились на сѣверѣ изъ южной Европы.

Внѣ Европы мы встрѣчаемъ домашнюю овцу очень рано въ семитической культурной области. Іудеи обладали ею, какъ извѣстно, уже во время патріарховъ. На юго-западномъ дворцѣ въ Нимрудѣ имѣется рельефное изображеніе взятія іудейскаго города ассирійцами при Тиглатпилесарѣ (745 до Р. Х.). На немъ можно видѣть плѣнныхъ іудеевъ съ ихъ имуществомъ, подъ охраной ассирійскихъ солдатъ, а также стадо

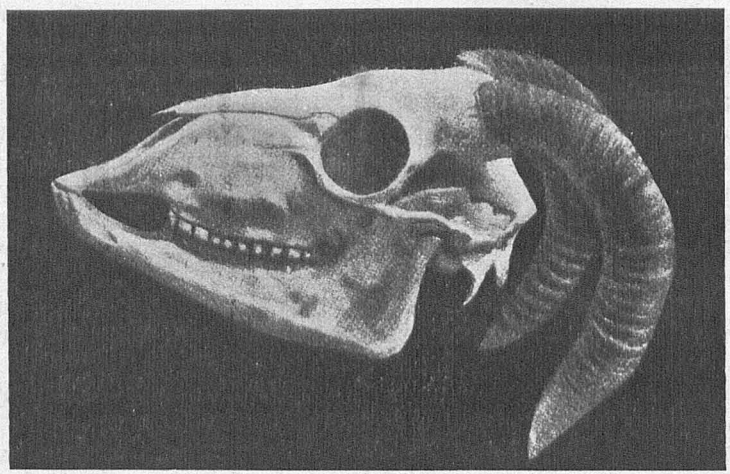


Рис. 18. Черепъ Граубюнденской овцы. По фотографіи. Оригиналъ въ сельско-хозяйственной коллекціи Цюрихскаго политехникума.

жирнохвостыхъ овецъ, угоняемое другими солдатами (рис. 19). Овцы изображены удивительно натурально. Ассирійскіе воины всегда заботились о военной добычѣ и обращали большое вниманіе на живой инвентарь, который можно было размножить у себя на родинѣ. Это дѣлаетъ честь ихъ практической сметкѣ; повидимому, они заимствовали указанную расу овецъ у іудеевъ.

Что касается Египта, то Дюмихенъ старался раньше доказать, что во времена древнѣйшихъ династій у подданныхъ фараона не было домашней овцы. Онъ ссылался на то, что въ гробницахъ Гизеха и Саккара, знаменитыхъ своими прекрас-

ными изображеніями животныхъ, отсутствуетъ изображеніе овцы. Это ошибочное мнѣніе нашло сторонниковъ и въ новѣйшее время.

Въ дѣйствительности, домашняя овца принадлежитъ къ древнѣйшимъ прирученнымъ животнымъ Нильской долины. Въ Тукѣ найдены ея остатки, относящіеся къ неолитической эпохѣ. На шиферной пластинкѣ древней эпохи Негада, опубликованной Морганомъ, овцы съ ясными признаками приручения изображены грубовато, но достаточно вѣрно, рядомъ съ домашнимъ рогатымъ скотомъ и домашнимъ осломъ.

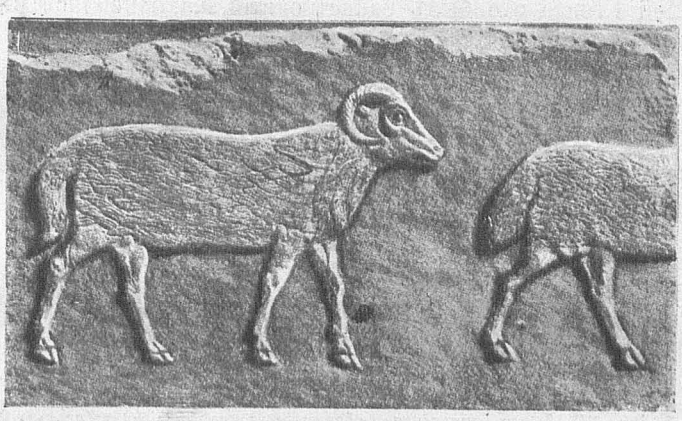


Рис. 19. Древне-ассирійская жирнохвостая овца. (745 до Р. Х.)

Возможно, что домашнія овцы вначалѣ держались только въ Верхнемъ Египтѣ, позднѣе же появились и въ Нижнемъ.

Въ эпоху средняго царства мы находимъ три различныя породы, державшіяся совмѣстно.

Въ теченіе историческаго періода странствованія извѣстныхъ расъ овецъ сдѣлались такими частыми и разносторонними, что теперь чрезвычайно трудно выдѣлить отдѣльные элементы, входящіе въ составъ разныхъ расъ. Анатомическое изслѣдованіе даетъ намъ при этомъ самые надежные опорные пункты.

Мы не ошибемся, если примемъ для ручныхъ расъ три большіе очага образованія и признаемъ ихъ родоначальниками три различныя формы дикихъ овецъ.

Африканскій очагъ образованія, очевидно, древнѣйшій, хотя и не самый значительный, вѣроятно, находился въ

Верхнемъ Египтѣ, такъ какъ здѣсь обнаружены самые ранніе слѣды домашней овцы.

Въ сѣверной Африкѣ и въ горныхъ областяхъ Нильской долины до Абиссиніи, мы находимъ дикую овцу, которая занимаетъ среднее положеніе между овцами и козами,—полу-овцу, извѣстную подъ именемъ гривистой овцы (Ammotragus tragelaphus), даннымъ ей за длинную гриву на шеѣ и на груди. Въ новѣйшее время она часто привозится живою въ Европу и украшаетъ наши парки и сады. Прирученіе этой дикой овцы удается безъ затрудненій. Для древнихъ обитателей Египта это былъ единственный, находившійся въ ихъ распоряженіи матеріалъ для выведенія домашней овцы. Если

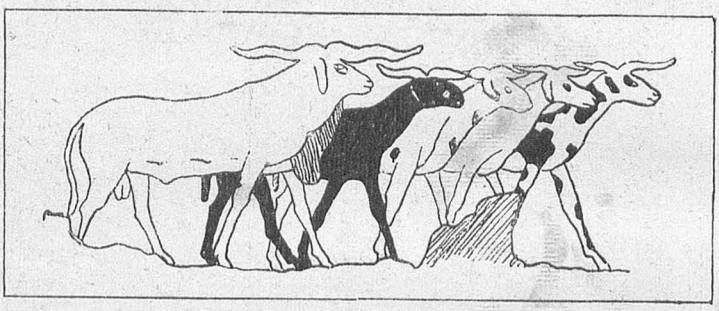


Рис. 20. Древне-египетское изображеніе домашнихъ овецъ (изъ одной гробницы въ Эль-Бершехъ). По Ньюберри.

принять въ расчетъ, что на всѣхъ изображеніяхъ древняя овца эпохи Негада представлена съ гривой, то не останется никакого сомнѣнія въ ея происхожденіи отъ tragelaphus. И позднѣе египетская большая овца изображается съ гривой, но послѣдняя только намѣчена. Рога обнаруживаютъ ясные признаки воздѣйствія одомашненія; они въ большинствѣ случаевъ направлены горизонтально и спирально завернуты (рис. 20).

Эта древнѣйшая порода овецъ рано была вытѣснена лучшимъ матеріаломъ. Впрочемъ, она не исчезла совершенно, но сохранилась въ мало доступныхъ областяхъ Африки.

На Бѣломъ Нилѣ встрѣчается своеобразная овца динка, голова которой напоминаетъ козу. По наблюденіямъ Швейнфурта, она обладаетъ на передней части тѣла гривой. Вторая колонія находится въ Фецданѣ, третья на Верхнемъ

Нигерѣ. У феццанской овцы (рис. 21.) длинный хвостъ съ кисточкой на концѣ, какъ у гривистой и древне-египетской домашней овцы.

Существованіе у древнихъ африканскихъ овецъ гривы, образованной длинными остистыми волосами, можетъ объясняться только наслѣдственностью, а никакъ не приспособленіемъ къ климату, жаркому и не благопріятствующему развитію шерсти.

Къ этому африканскому племени мы должны также причислить древнюю торфяную овцу, такъ какъ уже ея козовид-

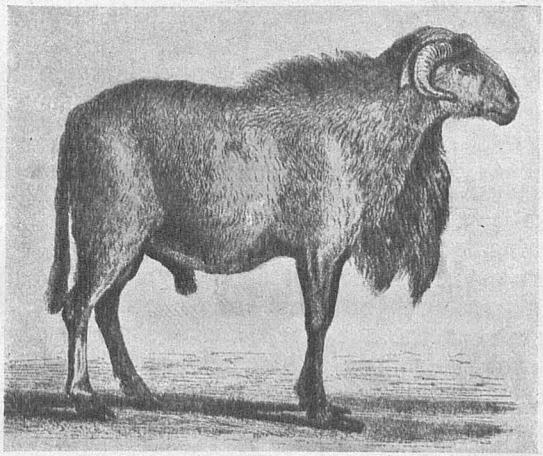


Рис. 21. Гривистая феццанская овца. По I. Бому.

ная голова указываетъ на родство съ полу-овцами. Вѣроятно, она очень рано переселилась черезъ сѣверную Африку въ южную Европу. Дѣйствительно, въ Греціи, въ Микенскую эпоху, изображались длинноголовыя, съ козьими рогами, овцы, которыя представляютъ изъ себя не что иное, какъ торфяныхъ овецъ. Правда, одинъ анатомическій признакъ говоритъ, повидимому, противъ происхожденія торфяной овцы отъ полу-овцы. У этой послѣдней отсутствуетъ слезная впадина, тогда какъ торфяная овца обладаетъ мелкой слезной впадиной. Но она пріобрѣтена вторично, такъ какъ во время странствованія легко могло происходить скрещиваніе съ чуждой кровью, именно, съ азіатскими овцами.

Азіатскій очагъ образованія пріобрѣлъ съ теченіемъ времени большое значеніе, такъ какъ вышедшія изъ него домашнія овцы населили не только всю Азію, но уже въ очень раннюю эпоху стали играть важную роль въ хозяйственной жизни Африки и Европы.

Дикимъ матеріаломъ Азія очень богата, въ ней представлены какъ полу-овцы, такъ и настоящія овцы. Послѣднія водятся въ широкомъ поясѣ отъ западной Азіи до азіатскаго нагорья и сѣверной Азіи, отчасти въ очень крупныхъ формахъ, изъ которыхъ назовемъ, кромѣ западныхъ муфлоновъ, аргали, крупную кашмирскую овцу, сѣверную ледовую овцу и снѣговую овцу. Зоологи установили множество видовъ азіатскихъ дикихъ овецъ, которыя, однако, часто имѣютъ значеніе только мѣстныхъ формъ и потому могли бы быть сведены къ незначительному числу дѣйствительно хорошихъ видовъ.

Къ этимъ послѣднимъ принадлежитъ распространенная отъ западно-Каспійской области до Персіи степная овца (Ovis arkal), которая, очевидно, первая и только одна можетъ имѣть притязаніе считаться родоначальницей азіатскихъ домашнихъ овецъ. Послѣднія попреимуществу долгохвостыя, а степная овца превосходитъ длиною хвоста всѣхъ остальныхъ дикихъ овецъ; она нѣсколько больше муфлона и водится не столько въ горахъ, сколько на низкихъ предгорьяхъ и даже низменностяхъ; это дѣлаетъ понятнымъ, почему чистые ручные потомки ея обитаютъ преимущественно въ степныхъ областяхъ.

Анатомическое соотвѣтствіе въ строеніи черепа между дикой степной овцой и азіатскими домашними овцами такъ велико, какъ только можно себѣ представить. Обѣ отличаются довольно узкимъ лбомъ, трубкообразно выступающими, нѣсколько суженными впереди глазницами. Рога вообще сильные съ сильными ребрами, роговые выросты у основанія довольно далеко отставлены другъ отъ друга.

Азія преобразовала своихъ домашнихъ овецъ по двумъ оригинальнымъ направленіямъ. Болѣе на западъ разводятся жирнохвостыя овцы (рис. 22), особенно многочисленныя въ Малой Азіи и Сиріи. Длинный, свѣшивающійся до скакательнаго сустава, хвостъ широкъ и съ обѣихъ сторонъ наполненъ значительными массами жира. Эта раса, должно быть, очень стара, такъ какъ обнаружена уже въ ассирійскую эпоху. Вторая главная раса— жирнозадая или курдючная овца; хвостъ

превратился въ короткій отростокъ, жировая масса образуетъ двѣ круглыя выдающіяся подушки на ягодицахъ. Нѣкоторыя формы обладаютъ сильными рогами, другія—комолыя. Предполагается, что эта культурная форма новѣе и выведена изъ жирнохвостой овцы. На югѣ она распространена по всей Аравіи, далѣе къ сѣверу занимаетъ широкій поясъ отъ восточнаго края Чернаго моря до Байкальскаго озера. Живущія тамъ племена считаютъ своимъ главнымъ богатствомъ стада курдючныхъ овецъ. Въ Китаѣ она идетъ на убыль,

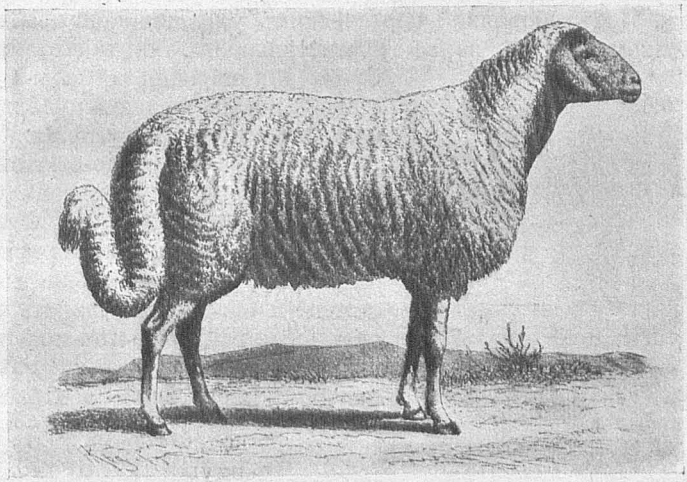


Рис. 22. Сирійская жирнохвостая овца. По І. Бому.

въ Японіи уже не встрѣчается, но въ новѣйшее время обнаружена на Целебесѣ.

На ряду съ нею нѣтъ недостатка и въ примитивныхъ породахъ, которыя держатъ исключительно ради шерсти; азіатское племя—производитель шерсти par excellence. Уже въ сѣдой древности въ Малой Азіи разводились шерстныя овцы, похожія по внѣшнему виду на мериносовъ. Тиръ и Милетъ состязались въ изготовленіи великолѣпныхъ шерстяныхъ матерій, которыми ходко торговали финикіяне.

Азіатскія домашнія овцы рано выселились въ сосѣднія части свѣта, чтобы завоевать позднѣе весь міръ.

Уже въ эпоху фараоновъ онѣ проникли въ Нильскую долину; при новомъ царствѣ, какъ показываютъ знаменитые

каменные бараны въ Верхнемъ Египтѣ, жирнохвостыя овцы получили преобладаніе. Въ настоящее время онѣ господствуютъ во всей сѣверной Африкѣ до Марокко; водворившись въ южной Африкѣ, онѣ проникли до Уганды и Уніоро. Въ южной Европѣ ихъ распространеніе имѣетъ болѣе мѣстный характеръ.

Болѣе высокую оцѣнку нашла западно-азіатская шерстная овца. Въ греческой легендѣ золотое руно, то-есть желтошерстыхъ носителей послѣдняго, добываютъ на восточномъ берегу Чернаго моря, слѣдовательно, на родинѣ шерстныхъ овецъ. Подъ оболочкой поэтическихъ украшеній скрывается, во всякомъ случаѣ, зерно дѣйствительности. Богатая степями Средиземноморская область доставила новому пришельцу благопріятныя жизненныя условія. Греки передали западно-азіатскую шерстную овцу римлянамъ и испанцамъ (рис. 23). Иберійскій полуостровъ съ его высокими степями рано превзошелъ овцеводствомъ и обработкой шерсти всѣ остальныя средиземноморскія страны, и Кордова сдѣлалась центромъ шерстяной промышленности.

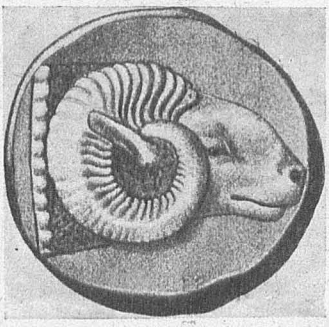


Рис. 23. Античная монета изъ Малой Азіи.

Мало по малу изъ азіатской крови вывели благородную овцу, которая получила всемірную извѣстность подъ именемъ мериноса. При господствѣ арабовъ, которому такъ много обязано испанское сельское хозяйство, стада были облагорожены. Позднѣе землевладѣльцы и монастырскія управленія развили цвѣтущее овцеводство. Эта благородная овца, очевидно, выведена изъ повсюду распространенной въ Испаніи мѣстной овцы, такъ называемой овцы хурра.

Въ концѣ XVII столѣтія остальная Европа живо заинтересовалась мериносовымъ овцеводствомъ, и оно было введено во Франціи, Германіи и Австріи, гдѣ вскорѣ превзошло свою родину, благодаря выведенію улучшенныхъ породъ.

Въ южной Африкѣ голландцы ввели мериносовъ уже въ 1782 г.; позднѣе онѣ были такими массами разведены въ Австраліи, что австралійская шерсть начала господствовать на рынкѣ.

вовсе не водилась въ эпоху фараоновъ. Въ Месопотаміи она появилась раньше нашей эры, но лишь въ VI или VII столѣтіи до Рождества Христова. Вѣроятно, она проникла сюда при посредствѣ персовъ. Гораздо раньше она завелась въ Индіи, въ Китаѣ же была введена, вѣроятно съ запада, около 1400 года до Р. Х.

Такимъ образомъ историческое распространеніе указываетъ на очагъ образованія, находившійся на югѣ или юго-востокѣ Азіи.

Курица рано является связанной съ религіозными представленіями. У Зендскихъ народовъ пѣтухъ пользовался большимъ почтеніемъ, какъ символъ бдительности: онъ разгоняетъ злыхъ духовъ ночи. Съ распространеніемъ курицы въ Персіи почтеніе къ бдительному пѣтуху усилилось; онъ считался священнымъ и сталъ фигурировать на похоронахъ. Огонь, собака и пѣтухъ были тремя фетишами - покровителями персовъ, которые распространяли курицу во время своихъ походовъ.

Черезъ Малую Азію она проникала въ VI столѣтіи до Рождества Христова въ Грецію, гдѣ въ Гомеровскую эпоху ея не знали. Названіе „персидская птица“ ясно указываетъ, откуда она явилась.

При оживленныхъ сношеніяхъ съ Римомъ она быстро попала къ римлянамъ, которые съ религіознымъ одушевленіемъ чтили эту птицу свыше всякой мѣры, какъ „augurium“. Въ важныхъ случаяхъ, когда никто не рѣшался взять на себя отвѣтственность, „pullarius“ обращался къ курамъ, и даже Плиній находитъ страннымъ, что онѣ вліяютъ на важнѣйшія государственныя дѣла.

Къ сѣверу отъ Альповъ курица является приблизительно въ началѣ нашей эры; остатки обнаружены въ гельвето-римской колоніи Виндониссѣ. Религіозное значеніе не совсѣмъ исчезло и у германцевъ. Изображеніе пѣтуха помѣщалось на церквахъ, надъ христіанскимъ крестомъ, такъ какъ оно еще дѣйствительнѣе, чѣмъ послѣдній, отгоняетъ злыхъ духовъ.

Новый Свѣтъ, вскорѣ послѣ открытія Колумбомъ, обзавелся нашей домашней курицей, и къ 1530 г. она уже проникла на верховья Амазонки; конкуренція съ индѣйкой не оказалась препятствіемъ для этого.

Если историческіе факты указываютъ на восточный и именно юго-восточный азіатскій очагъ образованія, то зоо-

географическіе факты вполнѣ подтверждаютъ происхожденіе въ этихъ областяхъ. Дикая родоначальная форма домашней курицы существуетъ еще и нынѣ.

Азія оказалась чрезвычайно продуктивной въ отношеніи дикихъ куръ; число родовъ и видовъ очень велико, многіе изъ нихъ отличаются великолѣпной окраской.

Гребенчатыя куры (Gallus), къ которымъ по зоологическимъ основаніямъ должна быть причислена наша домашняя курица, имѣютъ характерныя южно-азіатскія формы, которыхъ нѣтъ въ другихъ мѣстностяхъ; ихъ область распространенія простирается отъ Гималаевъ черезъ всю Индію; гребенчатыя куры водятся и въ цейлонской подъ-области, также на Зондскихъ островахъ, но не заходятъ на востокъ дальше Флореса и не водятся на островахъ, близкихъ къ Австраліи. Всѣ имѣютъ на головахъ мясистые гребни и на ногахъ шпоры (у пѣтуховъ).

На материкѣ водится Зоннератова курица (Gallus Sonneratii), отличающаяся чрезвычайно страннымъ крикомъ, отрывистые звуки котораго, однако, трудно передать. Такъ какъ она и по оперенію отличается отъ примитивныхъ расъ домашнихъ куръ, то не можетъ считаться ихъ родоначальной формой, тѣмъ болѣе, что даетъ съ ними безплодныхъ метисовъ. Цейлонская курица джангель (Gallus Stanleyi) также даетъ безплодные продукты скрещиванія. Приходится оставить въ сторонѣ курицу гангегаръ (Gallus varius), область распространенія которой простирается отъ Явы до Флореса. Эта дикая курица легко скрывается въ чащѣ отъ наблюденія, благодаря своей зеленоватой окраскѣ, и только рѣзкій голосъ выдаетъ ея присутствіе. Метисы съ домашними курами всегда оказывались безплодными.

Иначе обстоитъ дѣло съ четвертымъ видомъ, банкивской курицей (Gallus ferrugineus s. G. bankiva, рис. 24), который занимаетъ гораздо болѣе широкую область распространенія и попадается въ Бурмѣ, Ассамѣ, на полуостровѣ Малаккѣ и на Зондскихъ островахъ. Въ лѣсахъ Суматры банкивская курица встрѣчается очень часто, и ея голосъ очень похожъ на голосъ нашей домашней курицы. Самка очень скромной окраски, пѣтухъ, какъ у примитивныхъ расъ домашнихъ куръ, украшенъ золотистыми перьями на головѣ и шеѣ, черныя перья на груди съ зеленымъ отливомъ, верхнія хвостовыя перья удлинены и серпообразно изогнуты. Скрещиваніе между дикимъ банкивскимъ пѣтухомъ и до-

машней курицей удается легко, и метисы, скрещенные съ курицами бантамками, оказывались плодовитыми.

Прирученіе дикихъ куръ не всегда легко удается; выведенныя изъ цыплятъ особи охотно убѣгаютъ, но восточныя формы банкивской курицы обнаруживаютъ нѣсколько иное отношеніе; онѣ приручаются гораздо легче. На этомъ основаніи Дарвинъ считаетъ вѣроятнымъ, что впервые приручили курицу малайцы.

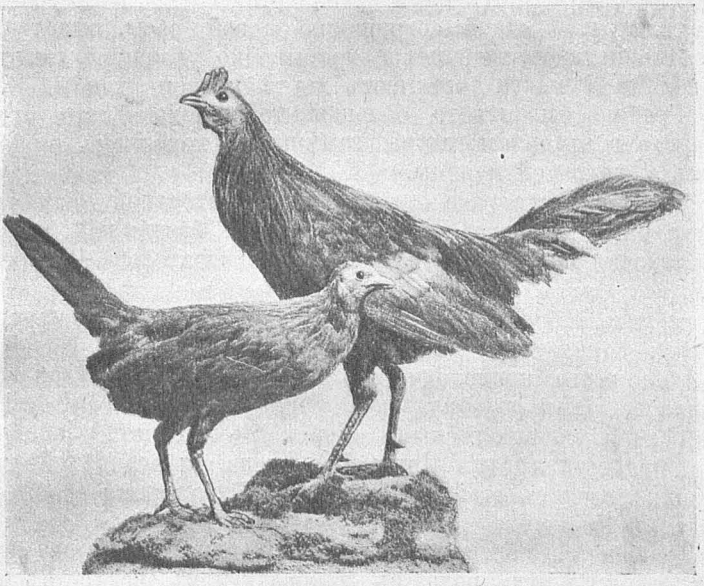


Рис. 24. Дикіе банкивскіе пѣтухъ и курица изъ дѣвственнаго лѣса Суматры. По фотографіи; оригиналъ—въ сельско-хозяйственной коллекціи въ Цюрихѣ.

Такъ какъ различныя расы домашнихъ куръ, особенно въ случаѣ скрещиванія, легко возвращаются къ родоначальной формѣ, то мы должны принимать монофилетическое происхожденіе всѣхъ домашнихъ куръ.

Единственной родоначальной формой можетъ быть признана банкивская курица.

Какъ только домашняя курица была пріобрѣтена, она направила свой путь съ юга въ старыя культурныя области восточной Азіи, въ Китай и Японію, гдѣ искуственное разведеніе оказало большіе успѣхи и вывело своеобразныя расы.

Переселеніе на западъ началось, очевидно, значительно позднѣе.

У этого пластическаго созданія почти всѣ органы были измѣнены. Плодовитость чрезвычайно усилилась, такъ что одна курица можетъ принести до 500 яицъ; опереніе у однихъ, какъ, напримѣръ, у бойцовыхъ куръ, осталось консервативнымъ и мало отличается по окраскѣ отъ дикой формы, у другихъ расъ оно бываетъ пестрымъ, бѣлымъ или свѣтложелтымъ, но можетъ быть и меланотическимъ, какъ у испанскихъ куръ. У одной совершенно новой расы, выведенной въ Японіи, хвостовыя перья необычайно удлинены, такъ что у пѣтуха Феникса достигаютъ двухъ метровъ длины.

Гребень бываетъ то большой, то маленькій, то отсутствуетъ и въ такомъ случаѣ замѣщается хохолкомъ перьевъ, какъ у хохлатой курицы.

Кохинхинская раса отличается значительной величиной, тогда какъ происходящія изъ Японіи бантамскія куры— карликовая порода, достигающая приблизительно величины голубя.

Другія, перешедшія въ домашнее состояніе куриныя птицы, появляются позднѣе домашней курицы. Назовемъ прежде всего происходящаго изъ одной съ ней области, павлина, дикая родоначальная форма котораго (Pavo cristatus) своимъ великолѣпнымъ опереніемъ придаетъ своеобразную прелесть лѣсамъ Индіи и Цейлона. Александръ Великій познакомился съ этой красивой птицей во время своего похода въ Индію.

Особенно цѣнится павлинъ въ Индокитаѣ, гдѣ онъ играетъ огромнѣйшую роль въ декоративномъ искусствѣ бирманцевъ; въ Китаѣ и Персіи онъ цѣнится также очень высоко.

Въ Европу павлинъ проникъ изъ западной Азіи. На Самосѣ онъ былъ, повидимому, сначала исключительно предметомъ культа, въ Аѳинахъ появился вскорѣ послѣ курицы, но уже утративъ религіозное значеніе; восхищались блескомъ и великолѣпіемъ его красокъ и держали его, какъ предметъ роскоши. Въ древнемъ Римѣ онъ былъ посвященъ Юнонѣ, въ эпоху римскихъ императоровъ считался лакомымъ блюдомъ. Къ сѣверу отъ Альповъ мы встрѣчаемъ его слѣды въ гельвето-римскую эпоху, въ Виндониссѣ онъ изображается въ различныхъ положеніяхъ на глиняныхъ лампахъ. Въ средніе вѣка онъ начинаетъ играть замѣтную роль, но позд-

нѣе утрачиваетъ ее, все болѣе вытѣсняемый индюкомъ. Слабая плодовитость препятствовала его распространенію.

Цесарка была извѣстна уже въ Греціи и Римѣ. Впервые въ исторіи она появляется на островѣ Лесосѣ, и именно какъ предметъ культа. Относительно ея происхожденія можно сказать съ увѣренностью лишь одно, что ея родиной является Африка, такъ какъ только въ этой части свѣта водятся дикіе представители семейства цесарокъ. Такъ какъ римлянамъ цесарки были извѣстны подъ именемъ gallinae Numidicae („Нумидійскія куры"), то родину ихъ искали въ сѣверо-западной Африкѣ. Но какъ названія ангорская кошка и ангорскій кроликъ ничего не говорятъ о дикой родоначальной формѣ этихъ животныхъ, такъ и названіе Нумидійская курица не имѣетъ значенія въ этомъ смыслѣ. Дарвинъ считаетъ дикой первоначальной формой одну изъ живущихъ въ восточной Африкѣ цесарокъ, именно Numida ptylorhyncha, и кажется вполнѣ правильно. Этотъ видъ чрезвычайно часто встрѣчается въ заросшихъ кустарниками степныхъ областяхъ и тѣлесно очень похожъ на ручную форму.

Прирученіе мало повліяло на эту домашнюю птицу; послѣ того, какъ она была ввезена въ Бразилію, у нея часто обнаруживался лейцизмъ.

Индѣйка (Meleagris gallopavo)—американское пріобрѣтеніе, и является однимъ изъ немногихъ домашнихъ животныхъ, которыхъ аборигены Новаго Свѣта приручили по собственной иниціативѣ. Какъ домашнее животное, индѣйка уже существовала у древнихъ мексиканцевъ, когда къ нимъ явились испанцы. Въ области культуры Майя индѣйка также разводилась, и наряду съ собакой была важнѣйшимъ мяснымъ животнымъ.

Дикая родоначальная форма еще и нынѣ распространена въ бо́льшей части Соединенныхъ Штатовъ и водится въ лѣсахъ Огайо, Иллинойса и Алабамы.

Водворившись съ 1530 г. въ Европѣ, индѣйка достигла позднѣе до Персіи и Индіи. У насъ она пріобрѣла значеніе въ домашнемъ птицеводствѣ на юго-востокѣ, особенно въ Испаніи.

11. Происхожденіе домашняго голубя.

Родъ голубей соединяетъ въ своемъ внѣшнемъ обликѣ, въ миловидныхъ движеніяхъ, въ кроткомъ нравѣ и въ довѣрчивомъ отношеніи къ человѣку всѣ свойства, которыя

должны бы были побуждать къ прирученію и настоящему одомашненію. Поразительно, однако, что изъ многихъ и прекрасныхъ видовъ, которые мы встрѣчаемъ, въ особенности къ югу отъ тропика, была использована такая незначительная часть. Это, конечно, находится въ связи съ тѣмъ, что живущіе въ тѣхъ областяхъ народы по своей беззаботности не обнаруживали достаточнаго интереса къ разведенію домашнихъ животныхъ.

Нашъ домашній голубь появляется въ исторіи очень рано, такъ что разведеніе его почти такъ же старо, какъ разведеніе курицы. Впервые домашній голубь появляется опять-таки въ Азіи.

Какъ старался доказать В. Генъ на основаніи литературныхъ данныхъ, древнѣйшую область разведенія надо искать въ Передней Азіи, именно въ семито-финикійской культурной области. Повидимому, голубь прошелъ здѣсь стадію культа, прежде чѣмъ сдѣлался хозяйственнымъ животнымъ. Онъ былъ вначалѣ фетишемъ, стоявшимъ въ тѣснѣйшей связи съ женскими божествами, которыя, по Діодору, такъ же какъ голуби, носили у ассирійцевъ названіе „Semiramis“. Какъ извѣстно, сирійцы не ѣли голубей, что подтверждаетъ Ксенофонтъ.

Остатокъ этого религіознаго значенія сопровождалъ позднѣе голубя въ его странствованіяхъ, какъ замѣчаетъ Липпертъ. Стаи голубей въ русскихъ городахъ считаются неприкосновенными, такъ же, какъ у церкви Святого Марка въ Венеціи и у мусульманскихъ мечетей. Магометъ былъ покровителемъ голубей, такъ какъ изъ него говорилъ духъ голубя.

Домашній голубь рано появился въ Египтѣ (рис. 25), гдѣ онъ изображается уже въ эпоху древнѣйшихъ династій, но не такъ сильно выступаетъ, сравнительно съ остальной домашней птицей, какъ въ настоящее время. Въ Европѣ домашній голубь появляется не особенно рано. Онъ совершенно отсутствуетъ въ эпоху свайныхъ построекъ. Персидскій флотъ привезъ первыхъ бѣлыхъ голубей въ Грецію. Римляне ознакомились съ домашнимъ голубемъ черезъ Сицилію при финикійско-карѳагенскомъ посредничествѣ. Въ святилищѣ на горѣ Эриксъ держали стаи голубей разнаго пера. Варронъ подтверждаетъ, что разведеніе этихъ птицъ относительно ново. Въ средніе вѣка разведеніемъ голубей занимались, главнымъ образомъ, въ монастыряхъ; по сообщенію Улисса Альдрованди, голубиный спортъ въ XVI столѣтіи

достигъ наивысшаго развитія въ Нидерландахъ, гдѣ спеціальныя общества занимались улучшеніемъ породъ. Въ настоящее время голубей въ наибольшемъ количествѣ разводятъ попрежнему на Востокѣ. Голубятни неизмѣнная деталь обстановки въ Нильской долинѣ. Голубей держатъ въ Абиссиніи, но не ѣдятъ по религіознымъ мотивамъ.

Въ Персіи голубятни многочисленны; голубиный пометъ тщательно собирается и употребляется для удобренія земли подъ овощи, преимущественно дыни. Въ Индіи разведеніе голубей издавна было любимымъ занятіемъ, и уже Акбаръ-Ханъ держалъ около 1600 года до 20.000 птицъ, въ числѣ которыхъ были представлены самыя рѣдкія расы. Происхожденіе домашняго голубя часто занимало, какъ заводчиковъ, такъ и спеціалистовъ-зоологовъ. Расы его такъ многочисленны и такъ рѣзко расходятся въ деталяхъ строенія, какъ ни у одного домашняго животнаго, исключая развѣ курицу. На первый взглядъ происхожденіе всѣхъ этихъ расъ изъ совершенно различныхъ дикихъ источниковъ кажется очевиднымъ, и уже Линней поддался этому впечатлѣнію, различивъ у домашняго голубя рядъ хорошихъ видовъ.

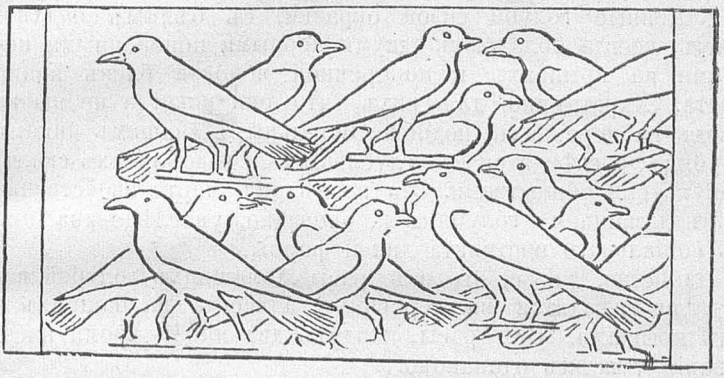


Рис. 25. Древне-египетское изображеніе домашняго голубя.

Дарвинъ, который много имѣлъ дѣла съ голубиными заводчиками и въ теченіе многихъ лѣтъ практически занимался этимъ предметомъ, окончательно разъяснилъ вопросъ о происхожденіи голубиныхъ расъ.

Онъ представилъ никѣмъ не оспариваемыя нынѣ доказательства, что для всѣхъ голубей надо принимать одну един-

ственную родоначальную форму, каковою является дикій или каменный голубь (Columba livia).

Онъ распространенъ теперь отъ Шотландіи до Канарскихъ острововъ, на Средиземномъ морѣ водится въ большомъ количествѣ въ разсѣлинахъ известковыхъ скалъ Балеарскихъ острововъ, на Далматскомъ берегу и на греческихъ островахъ; затѣмъ въ Сиріи, Палестинѣ и Персіи, а также въ Индіи и Абиссиніи. При такомъ широкомъ географическомъ распространеніи естественны мѣстныя различія въ окраскѣ, подавшія поводъ къ установленію различныхъ видовъ (Columba affinis, C. Schimperi, C. intermedia), что нельзя, однако, считать достаточно обоснованнымъ.

Каменные голуби сизой окраски, съ бѣлымъ надхвостьемъ, всегда обладаютъ двумя черными поперечными полосами на крыльяхъ и поперечной полосой близъ конца хвоста. Характерно для нихъ, что они никогда не вьютъ гнѣздъ на деревьяхъ, подобно остальнымъ нашимъ дикимъ голубямъ, а гнѣздятся въ углубленіяхъ и разсѣлинахъ скалъ. Живутъ они обществами. Эта послѣдняя черта свойственна всѣмъ домашнимъ голубямъ и, очевидно, унаслѣдована ими отъ соціальнаго инстинкта дикой формы.

Извѣстно, далѣе, что всѣ расы домашнихъ голубей никогда не гнѣздятся на деревьяхъ, а всегда на башняхъ и подъ крышами. Всѣ расы кладутъ два яйца; время насиживанія у всѣхъ одинаково.

Ближайшее родство каменнаго голубя съ нашими домашними голубями доказывается еще тѣмъ, что они легко скрещиваются, и метисы оказываются плодовитыми. Наконецъ, особенную важность для сужденія объ отношеніяхъ родства имѣетъ то обстоятельство, что у всѣхъ домашнихъ расъ наблюдаются возвраты къ дикой окраскѣ; особенно легко они случаются при скрещиваніи расъ. Не говоря о томъ, что мало измѣнившіеся по своимъ признакамъ полевые голуби очень похожи на каменнаго, черныя поперечныя полосы на крыльяхъ и сизая окраска каменнаго голубя проявляются иногда у самыхъ крайнихъ расъ, каковы почтовый, трубастый, чайковый, париковый голуби и т. д. Великолѣпныя, снятыя съ натуры изображенія, опубликованныя Г. Прутцъ-Штеттиномъ въ его большомъ сочиненіи о голубяхъ, представляютъ многочисленные примѣры.

Такимъ образомъ, зоологическія и зоогеографическія данныя нисколько не находятся въ противорѣчіи съ исто-

рическими указаніями на область разведенія домашняго голубя.

Итакъ, очагъ образованія надо искать въ западной Азіи, а общую родоначальную форму всѣхъ голубиныхъ расъ представляетъ живущій и въ этой области каменный голубь (Columba livia).

Искусственный отборъ съ большимъ успѣхомъ, часто даже съ извѣстной утонченностью, работалъ надъ этимъ необыкновенно пластическимъ видомъ, и вывелъ множество расъ, такъ что положительно перевернулъ вверхъ дномъ традиціонныя представленія о зоологическомъ видѣ. Окраска оперенія является измѣненной на самые разнообразные лады; удалось увеличить число хвостовыхъ перьевъ, сдѣлать опереніе курчавымъ. На спинѣ или на груди вызвано сильное переразвитіе отдѣльныхъ перьевъ; клювъ большой, то изящный и тонкій, то большой и снабженный безобразными наростами. Нѣкоторые голуби пріобрѣли замѣчательные топографическіе инстинкты, другіе—странныя скоморошескія повадки. Въ скелетѣ лопатка, челюсти и грудная кость, а также число грудныхъ, крестцовыхъ и хвостовыхъ позвонковъ подвержены сильнымъ измѣненіямъ.

Чтобы быть точнымъ, пришлось бы различить болѣе сотни расъ, изъ которыхъ нѣкоторыя возникли только въ новѣйшее время, другія же появились очень рано. Мы перечислимъ здѣсь только важнѣйшія расы.

Полевые голуби, съ поперечными полосками на крыльяхъ и въ большинствѣ случаевъ съ сизымъ опереніемъ, ищутъ, по крайней мѣрѣ въ лѣтнее время, свой кормъ въ полѣ и регулярно возвращаются къ своимъ гнѣздовьямъ. Они, слѣдовательно, остались наиболѣе вѣрными своему первоначальному образу жизни. Они распространены преимущественно въ западной части Европы.

Павлиньи (трубастые) голуби (рис. 26), довольно измѣнчивые по окраскѣ, могутъ поднимать и развертывать колесомъ хвостъ, на манеръ павлина. Число хвостовыхъ перьевъ, первоначально равное 12, увеличилось до 28—40. Изящная шея сильно выгнута. Это древняя раса, выведенная первоначально въ Азіи.

Чайковые голуби пользуются особенной любовью за свою миловидность; ихъ маленькое тѣло отличается изяществомъ. Нѣсколько выступающихъ перьевъ на горлѣ расположены вѣеромъ и образуютъ пелеринку на груди; у отдѣльныхъ

чайковыхъ голубей перья на затылкѣ поднимаются хохолкомъ. Эта раса происходитъ съ востока и распространилась по всему Старому Свѣту. Всѣхъ красивѣе—китайскіе чайковые голуби, которые полстолѣтія тому назадъ были вывезены въ Европу.

Париковые голуби (якобинцы), вѣроятно, всего ближе стоятъ къ предыдущей расѣ; у нихъ хохолокъ на головѣ такъ увеличенъ, что почти закрываетъ маленькую голову на манеръ парика и спускается по сторонамъ шеи въ область крыльевъ. Эта раса, отличающаяся яркими тонами красокъ оперенія, обладаетъ спокойнымъ темпераментомъ и мало летаетъ (рис. 27).

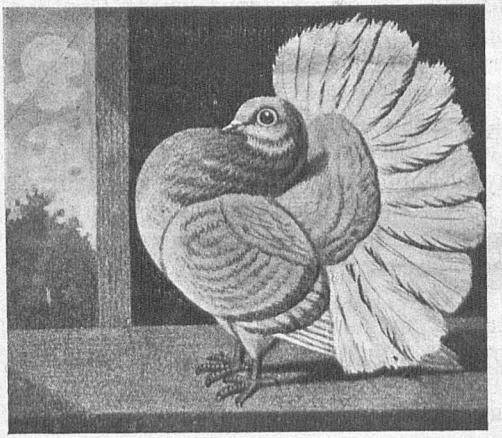


Рис. 26. Павлиній голубь.

Зобастые голуби (дутыши), повидимому, были выведены въ Европѣ и особенно любимы во Франціи, Англіи и Голландіи. У нихъ длинное туловище, а главная ихъ особенность заключается въ способности раздувать зобъ на подобіе шара; ноги у нихъ высокія и слабо оперенныя.

Курчавый голубь, украшенный иногда пестрымъ хохолкомъ, встрѣчается не часто. Оперенie, въ противоположность всѣмъ остальнымъ расамъ взъерошенное: покровныя перья заострены и завернуты на концахъ колечкомъ.

Бородавчатые голуби въ общемъ сильнаго строенія и въ большинствѣ случаевъ одноцвѣтные. Сильный клювъ несетъ у основанія наростъ, который можетъ достигать величины грецкаго орѣха; бородавчатыя кольца вокругъ глазъ придаютъ головѣ скорѣе оригинальный, чѣмъ красивый видъ. Эта раса, вѣроятно, происходитъ изъ Багдада и мало распространена у насъ.

Турманы, вообще небольшіе и измѣнчивые по внѣшнему облику, пріобрѣли странную привычку кувыркаться во время

полета. Въ періодъ линьки или при дурномъ настроеніи духа кувырканья не происходитъ. Турманы происходятъ изъ Азіи, гдѣ особенно цѣнятся въ Персіи и Индіи. Народы мореплаватели, познакомившись съ этими областями, привезли турмановъ въ западную Европу.

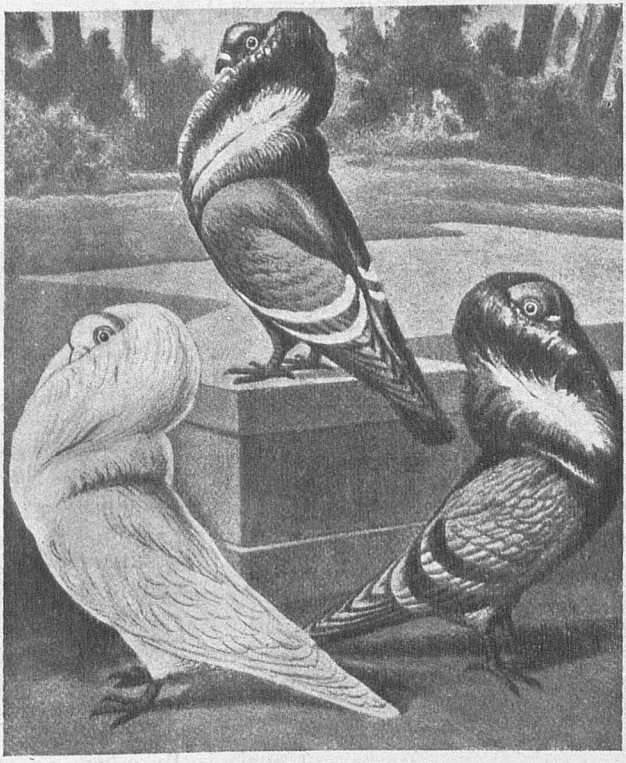


Рис. 27. Шариковый голубь. По фотографіи.

Трубачи (*бормотуны*) пользуются любовью за свои музыкальныя способности. Обыкновенное воркованье превращается у нихъ въ состояніи возбужденія въ низкій продолжительный звукъ, въ родѣ барабаннаго боя. У нѣкоторыхъ трубачей, особенно у русскихъ и болгарскихъ, имѣются пучекъ перьевъ у основанія клюва и хохолъ на головѣ.

Почтовые голуби съ давнихъ поръ возбуждали интересъ большой публики въ виду своего топографическаго инстинкта. Правильное воспитаніе развило его до высокой степени, такъ какъ чувства у нихъ необыкновенно остры. Почтовый голубь возвращается, какъ бы повинуясь инстинкту, на мѣсто своего воспитанія и находитъ его навѣрняка на чрезвычайно большихъ разстояніяхъ, дѣлая километръ въ минуту.

Это свойство обезпечило ему важную роль на военной службѣ, такъ какъ онъ часто оказывается единственнымъ средствомъ передачи извѣстій. Онъ можетъ также переносить извѣстія съ океана на сушу. Пребываніе въ чужой мѣстности не уменьшаетъ его влеченія на родину; онъ можетъ, даже спустя шесть мѣсяцевъ, найти путь на родную голубятню. Въ важныхъ случаяхъ, когда дѣло идетъ о передачѣ депешъ, слѣдуетъ выпускать по нѣскольку почтовыхъ голубей съ однимъ и тѣмъ-же извѣстіемъ, такъ какъ хищныя птицы иногда ловятъ ихъ.

12. Происхожденіе гусей и домашнихъ утокъ.

Обильныя водою низменности, гдѣ водится обыкновенно много птицъ, естественно должны были побуждать человѣка прочнѣе привязать къ себѣ извѣстное число плавающихъ птицъ, уже ради ихъ мяса. Изъ нихъ пріобрѣли значеніе только гуси и утки.

Всѣхъ раньше вступилъ въ домашнее хозяйство *гусь*. Впрочемъ, онъ не встрѣчается въ Европѣ въ эпоху свайныхъ построекъ, и найденные остатки костей должны быть приписаны дикому гусю. Іудеи, повидимому, не знали домашняго гуся, такъ какъ о немъ не упоминается въ Библіи; напротивъ, греки обладали имъ уже во времена Гомера. Пенелопа держала ручныхъ гусей по близости отъ своего дворца и любовалась ими. Гуси, жившіе въ Капитоліи, общеизвѣстны. Вначалѣ эта домашняя птица имѣла связь съ культомъ, позднѣе же утратила ее и превратилась въ чисто хозяйственное животное.

Былъ ли домашній гусь прирученъ самостоятельно въ нѣсколькихъ пунктахъ или мы должны принять исключительно южно-европейскій очагъ образованія,—нельзя рѣшить съ увѣренностью. Происхожденіе нашихъ гусей отъ сѣраго гуся (Anser cinereus) не подлежитъ сомнѣнію. Этотъ

видъ выводится въ Германіи, регулярно посѣщаетъ на своемъ пролетѣ южную Европу и легко приручается. Его окраска часто сохраняется у домашнихъ гусей. Голосъ тѣхъ и другихъ не представляетъ никакого существеннаго различія. Кромѣ извѣстной неуклюжести, гусь пріобрѣлъ мало измѣненій въ домашнемъ состояніи. Замѣчается наклонность къ лейцизму; уже въ древности были бѣлые гуси.

Разведеніе гусей во многихъ мѣстахъ пришло въ упадокъ; всего значительнѣе оно въ Тулузѣ, затѣмъ въ Эльзасѣ, въ Помераніи и въ Мекленбургѣ; въ южной Германіи также держатъ мѣстами домашнихъ гусей. Такъ же рано и совершенно независимо развилось прирученіе гусей въ Африкѣ и достигло большого значенія въ древнемъ Египтѣ. Въ качествѣ дикаго матеріала здѣсь послужилъ нильскій гусь (Chenalopex aegyptiacus, рис. 28). Разведеніе было до того легко что явилось почти неизбѣжнымъ. Эта птица съ исключительно красивымъ рисункомъ обыкновенна во всей Нильской области и доставляетъ необыкновенно вкусное мясо.

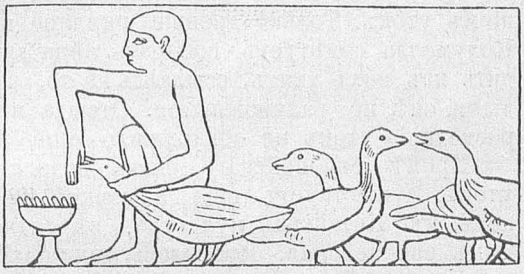


Рис. 28. Откармливаніе гусей. Изображеніе изъ Саккары. По Маю.

Такъ какъ нильскій гусь не строго связанъ съ водой, а ходитъ кормиться и на поля, то онъ особенно годился для приручения и, очевидно, превзошелъ въ древнемъ Египтѣ голубя числомъ и значеніемъ. Въ какихъ количествахъ держались нильскіе гуси, показываютъ изображенія, найденныя въ Ѳивахъ. Многіе высказывали мнѣніе, что они разводились только для красоты, но это не соотвѣтствуетъ фактамъ. Нильскій гусь слишкомъ часто является на изображеніяхъ во всевозможныхъ отношеніяхъ къ человѣку, чтобы можно было приписывать ему столь малое значеніе. Мы знаемъ, что подданные фараоновъ уже занимались откармливаніемъ гусей. Приготовленіе жаренаго гуся, любимаго блюда египтянъ, изображается очень ясно.

Поразительно то, что разведеніе нильскихъ гусей не могло распространиться на южную Европу; здѣсь предпочли воспользоваться сѣрымъ гусемъ. Съ паденіемъ царства фараоновъ, нильскій гусь также исчезъ изъ числа домашнихъ животныхъ, въ современной Африкѣ нигдѣ не сохранилось пережитковъ этой, когда-то цвѣтущей, отрасли птицеводства. Въ прошломъ столѣтіи ее пытались возстановить во Франціи, но безъ прочнаго успѣха.

Значительно позднѣе гуся является въ качествѣ домашняго животнаго у т к а. Ея первые слѣды въ исторической древности, именно въ началѣ нашего лѣтосчисленія, обнаруживаются въ южной Европѣ. Греки гомеровской эпохи еще не знали домашней утки; изъ Египта она не могла проникнуть, такъ какъ тамъ никогда не занимались разведеніемъ утокъ. Только древніе римляне взялись за это дѣло. Колумелла совѣтуетъ собирать яйца дикихъ утокъ и выводить изъ нихъ утятъ, ссылаясь на то, что, пойманные молодыми, онѣ не размножаются. Отсюда можно заключить, что разведеніе утокъ не обнаружило еще большихъ успѣховъ.

Кромѣ европейскаго очага возникновенія домашнихъ утокъ, существуетъ еще азіатскій, не имѣющій связи съ первымъ. Китайская культура, вѣроятно, гораздо раньше, чѣмъ европейская, обзавелась домашней уткой, но воспользовалась той же родоначальной формой. Значеніе этой отрасли сельскаго хозяйства въ восточной Азіи гораздо больше, чѣмъ гдѣ бы то ни было. Китайцы ведутъ доходную торговлю утками и давно уже придумали спеціальные методы искусственнаго высиживанія яицъ. Разведеніе утокъ достигаетъ значительныхъ размѣровъ также въ Японіи и даже на Явѣ и Филиппинскихъ островахъ.

Палеарктическая область богата дикимъ матеріаломъ по части утокъ; въ нашей туземной фаунѣ имѣется много видовъ, частью очень красивой окраски. Однако, родоначальной формой можетъ считаться только обыкновенная дикая утка или кряква (Anas boschas). Ея распространеніе простирается на весь сѣверъ Стараго Свѣта и даже на сѣверную Америку и заходитъ довольно далеко на югъ, напр., до Мексики. У селезня въ брачномъ нарядѣ голова и верхняя сторона шеи искрящагося зеленаго цвѣта и отдѣлены бѣлымъ ошейникомъ отъ бураго зоба. Крылья украшены металлически-блестящимъ синимъ зеркальцемъ, кроющія перья хвоста курчавыя. Эти признаки дикой формы часто встрѣчаются у до-

машнихъ утокъ, напр., у русскихъ. Брэмъ совершенно справедливо говоритъ о кряквѣ: „она плаваетъ, ходитъ, ныряетъ и летаетъ на тотъ же ладъ, хотя лучше, чѣмъ домашняя утка, и обладаетъ такимъ же точно голосомъ“. Обѣ формы легко скрещиваются и даютъ плодовитыхъ потомковъ.

Несмотря на относительно короткій періодъ приученія, мы знаемъ уже нѣсколько различныхъ расъ, которыя отчасти сдѣлались очень тяжелыми. Извѣстна разводимая въ Нормандіи руанская утка, затѣмъ любимая во Франціи и Англіи императорская утка, чисто бѣлой или коричнево-желтой окраски съ большимъ хохломъ на головѣ. Въ грандіознѣйшихъ размѣрахъ практикуется разведеніе утокъ въ графствѣ Букингамъ, которое снабжаетъ лондонскіе рынки; разводимая тамъ утка эйльсбюри, съ серебристо-бѣлымъ опереніемъ и мясо-краснымъ клювомъ, тяжелаго и плотнаго склада. Восточно-азіатскія утки достигаютъ значительнаго вѣса и считаются носскими. Оригинально ихъ относительно длинное туловище, очертанія котораго представляютъ параллелограммъ. Походка у нихъ вертикальная, такъ что ихъ называютъ пингвино-утками. Пекинская утка желтовато-бѣлая съ темно-желтымъ клювомъ; японская похожа на нее по формѣ тѣла, но сохранила окраску дикой утки.

Америка также, еще въ до-Колумбово время, пріобрѣла домашнюю утку, которая, однако, обладаетъ совершенно другой родословной и ведетъ свое происхожденіе отъ южно-американской мускусной утки (Anas moschata). Она черноватой окраски. По Гарсиласко де ла Вега, это домашняя утка была извѣстна у древнихъ перуанцевъ подъ именемъ Nunuta и издавала во время ѣды своеобразный чмокающій звукъ. Нерингъ думаетъ на основаніи солидныхъ данныхъ, что Перу было настоящей родиной домашней мускусной утки. Колумбъ встрѣтилъ ее также у туземцевъ Гаити. Величина ея тѣла значительна, такъ какъ она достигаетъ длины 80 сантиметровъ и вѣса въ $5^1/_2$ кило. Кромѣ темной родоначальной формы, имѣются и бѣлыя разновидности. Она была введена и въ Европу подъ именемъ „турецкой утки“, но рѣдко разводится у насъ въ чистомъ видѣ; чаще ее скрещиваютъ съ домашней уткой, чтобы увеличить вѣсъ этой послѣдней.

Изъ плавающихъ птицъ, причисляется нѣкоторыми авторами къ домашнимъ животнымъ также лебедь. Мы не мо-

жемъ признать за нимъ этого значенія, такъ какъ онъ никогда систематически не приручался, а пользуется только покровительствомъ; никакого хозяйственнаго значенія лебедь не имѣетъ, его держатъ лишь ради его красоты.

V. Заключеніе.

Обозрѣвъ, на основаніи историческихъ данныхъ, пріобрѣтенія, которыя человѣкъ сумѣлъ сдѣлать въ мірѣ вольныхъ животныхъ, мы находимъ, что они имѣютъ важное значеніе въ различныхъ отношеніяхъ.

Во-первыхъ,—въ зоогеографическомъ. Ручная форма, о существованіи которой заботился человѣкъ, оказалась въ очень благопріятныхъ условіяхъ питанія и потому могла усиленно размножаться. Уже вслѣдствіе этого, численное преобладаніе домашнихъ животныхъ стало сказываться все сильнѣе и сильнѣе, и, въ концѣ концовъ, создавалась новая и своеобразная область распространенія. Это преобладаніе обусловливалось не только тѣмъ, что число особей возрастало, и конкуренція съ дикой фауной принимала успѣшный характеръ, но и тѣмъ, что человѣкъ своимъ сильнымъ оружіемъ умышленно тѣснилъ дикую фауну, чтобы устранить всякое вредное воздѣйствіе на домашнихъ животныхъ съ ея стороны.

Какъ сильно массовое существованіе домашнихъ животныхъ можетъ вліять на физіономію фауны какой-либо области, показываетъ внутренняя Азія съ ея множествомъ ручныхъ лошадей, внутренняя Африка съ ея колоссальными стадами домашняго рогатаго скота. Стада рогатаго скота составляютъ характерную черту пейзажа областей Верхняго Нила, такъ же, какъ состоящія изъ многихъ тысячъ и десятковъ тысячъ головъ отары овецъ—характерную черту степныхъ областей Австраліи, гдѣ первоначальная дикая фауна должна была отступить уже передъ кроликомъ, забравшимъ силу вслѣдствіе своего быстраго размноженія.

Человѣкъ безцеремонно расчищалъ путь для своихъ домашнихъ животныхъ. Вспомнимъ о несчетныхъ стадахъ бизоновъ, населявшихъ раньше преріи Сѣверной Америки и сведенныхъ нынѣ къ ничтожному остатку въ нѣсколько сотъ головъ. Большія характерныя формы Европы,—туръ, зубръ, дикая лошадь, лось—всѣ они или погибли или сократились

до разсѣянныхъ тамъ и сямъ островковъ. Исторіографъ животнаго міра съ грустью вспоминаетъ о нихъ и считаетъ счастливыми домашнихъ животныхъ, которыя ввѣрились покровительству человѣка.

Трагическая судьба постигла гордые роды вольнаго животнаго міра, когда культурный человѣкъ выступилъ на сцену съ своимъ болѣе сильнымъ умомъ.

Странно, что научная зоологія, а въ особенности зоогеографія, такъ мало интересуется деталями этихъ процессовъ. Почти всѣ зоогеографическія работы обходятъ фауну домашнихъ животныхъ, какъ будто она не имѣетъ никакого значенія.

Развѣ только этнологъ вспоминаетъ о томъ, что этотъ предметъ достаточно важенъ и проходить мимо него не слѣдуетъ.

Въ самомъ дѣлѣ, для культурнаго развитія человѣчества пріобрѣтеніе домашнихъ животныхъ было событіемъ, чреватымъ послѣдствіями. Оно помогло ему поднять свой собственный духовный уровень, сдѣлать свое собственное существованіе гораздо болѣе свободнымъ во всѣхъ отношеніяхъ.

Не случайно, конечно, въ отдѣльныхъ культурныхъ областяхъ развился настоящій культъ домашняго животнаго. Это было признаніемъ со стороны человѣка, что благодаря домашнимъ животнымъ, онъ могъ создать себѣ гораздо болѣе благородное и гораздо болѣе благополучное существованіе. Равнымъ образомъ онъ вскорѣ долженъ былъ замѣтить, что домашнія животныя не такъ низко стоятъ въ психическомъ отношеніи, какъ это казалось первоначально. Поэтому-то наиболѣе воспріимчивые народы—индусы, древніе египтяне, греки и римляне—отвели извѣстнымъ животнымъ опредѣленную роль въ культѣ.

Значительная пластичность нашихъ домашнихъ животныхъ не ускользнула отъ человѣка, который рано принялся приспособлять ихъ къ своимъ спеціальнымъ потребностямъ. Уже въ древнемъ Египтѣ, въ Греціи и Римѣ были выработаны правила, на основаніи которыхъ практиковалось племенное животноводство. Они передавались по наслѣдству изъ поколѣнія въ поколѣніе, и, такимъ образомъ громадная сумма ума была вложена въ пріобрѣтенныя расы, при чемъ основнымъ принципомъ является возможно болѣе удачное рѣшеніе проблемы объ обезпеченіи жизни. Обладаніе скотомъ стало источникомъ радости, средствомъ осуществленія раз-

личныхъ желаній. Одностороннее хозяйство, основанное на скотѣ, представляетъ, конечно, черезчуръ узкій базисъ для культуры; если онъ разрушается вслѣдствіе грабежа, или по милости эпизоотій, уничтожающихъ скотъ, то и могущественное племя людей можетъ притти въ упадокъ и бѣдность.

Пріобрѣтеніе домашнихъ животныхъ оказываетъ на человѣка глубочайшее вліяніе; оно дѣлаетъ его непосѣдой, какъ очень мѣтко замѣтилъ Ф. Ратцель. Пастушеская жизнь и кочевая въ большинствѣ случаевъ такъ тѣсно связаны, что могутъ считаться почти равнозначущими.

Слѣды этой кочевой жизни сохранились даже у осѣдлаго населенія нашихъ Альповъ, отправляющагося лѣтомъ съ своими стадами на горныя пастбища. Въ восточной Африкѣ сомали, живущіе на южныхъ склонахъ абиссинскихъ горъ, покидаютъ свои деревни по окончаніи дождливаго періода на цѣлые мѣсяцы и бродятъ съ своими стадами по горамъ, пока зной не высушитъ траву. Тѣмъ временемъ ихъ женщины занимаются воздѣлываніемъ маиса.

Подвижная кочевая жизнь номадовъ естественно укрѣпляетъ ихъ физически и даетъ имъ перевѣсъ надъ осѣдлыми земледѣльцами. Какъ указалъ уже Риттеръ, тотъ или другой образъ жизни имѣетъ рѣшительное вліяніе на историческія судьбы народовъ. Трудолюбивый китаецъ низменностей занимался земледѣліемъ и боялся войны, тогда какъ кочевой монголъ всегда былъ готовъ къ нападенію, при которомъ почти ничего не терялъ, а выиграть могъ много. Въ древнемъ Египтѣ земледѣлецъ постоянно страдалъ отъ нападеній хищныхъ гиксовъ сѣверо-востока. Позднѣе же подвижный арабъ навязалъ этой странѣ не только свое господство, но и свой языкъ.

Не разъ высказывалось, что первобытный человѣкъ, пріобрѣтая домашнихъ животныхъ, дѣйствовалъ съ извѣстной обдуманностью, соображая, какую пользу ему можетъ доставить данное существо. Въ дѣйствительности первобытный человѣкъ не былъ такимъ расчетливымъ. Вначалѣ только инстинктъ общественности побуждалъ его приручать животныхъ и держать ихъ подлѣ себя. Лишь позднѣе онъ сдѣлалъ извѣстный выборъ, удержалъ то, что было полезно для его хозяйства, и отказался отъ того, что не годилось для него. Только съ этого момента начинается дѣйствительное одомашненіе.

Въ цѣломъ лишь незначительное число видовъ вошло въ человѣческое хозяйство; для отдѣльныхъ странъ это число еще незначительнѣе, такъ какъ никогда въ одной и той же культурной области не разводились всѣ эти виды. Человѣческое хозяйство избираетъ то, что подходитъ къ мѣстнымъ потребностямъ; оно должно развиваться не слишкомъ экстенсивно, но болѣе интенсивно.

Подвижный номадъ предпочитаетъ болѣе подвижные виды, и прежде всего—лошадь, которая можетъ оказать ему услуги и для военныхъ цѣлей. Обитатель низменности требуетъ болѣе осѣдлаго живого инвентаря, который служитъ ему помощникомъ въ земледѣліи. Невыгодность черезчуръ экстенсивнаго хозяйства объясняетъ, почему позднѣйшая историческая эпоха сравнительно мало прибавила къ доисторическимъ пріобрѣтеніямъ. Великія надежды, которыя связывались раньше, особенно во Франціи, съ учрежденіемъ зоологическихъ садовъ, въ видахъ пріобрѣтенія новыхъ домашнихъ животныхъ, оказались иллюзіей. Такимъ путемъ не удалось пріобрѣсти ни одного новаго домашняго животнаго. Но измѣнившіяся потребности могутъ вытѣснить то или другое домашнее животное или даже создать новое. Съ тѣхъ поръ, какъ гусиныя перья вышли изъ употребленія, разведеніе гусей во многихъ мѣстахъ пришло въ упадокъ. Съ другой стороны, повысившійся спросъ на страусовыя перья привелъ вначалѣ къ тому, что безпощадная охота уменьшила число страусовъ. Это неблагопріятное обстоятельство повело съ своей стороны къ попыткѣ перевести страуса въ домашнее состояніе посредствомъ приручения, которое, какъ оказалось, не представляетъ затрудненій.

На нашихъ глазахъ африканскій страусъ сдѣлался домашнимъ животнымъ; южная Африка уже въ теченіе десятилѣтій обладаетъ цвѣтущими и доходными страусовыми фермами. Нѣмецкая восточная Африка также начинаетъ удѣлять вниманіе этому разведенію.

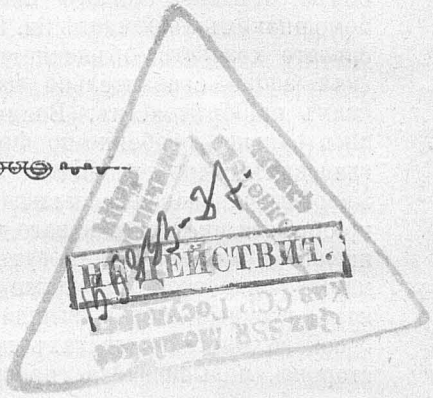
Поскольку мы можемъ обозрѣть историческій ходъ событій, мы убѣждаемся, что человѣкъ съ необыкновеннымъ упорствомъ держится за то, что разъ призналъ своей собственностью.

Правда, мы замѣчаемъ въ культурныхъ областяхъ, достигшихъ высокаго развитія, расовыя измѣненія домашнихъ животныхъ, всегда, однако, обусловленныя экономическими мотивами. Другія области, лежащія въ сторонѣ отъ культуры,

крѣпко держатся за старину и сохранили свои расы неизмѣнными въ теченіе столѣтій или даже тысячелѣтій.

Очень рѣдко случалось, чтобы домашнее животное было совершенно оставлено, то-есть, чтобъ человѣкъ отказался отъ него по собственной иниціативѣ.

Мы знаемъ, собственно, только два случая. Въ древнемъ Египтѣ не безъ успѣха началось разведеніе антилопъ, но было оставлено въ виду пріобрѣтенія лучшаго матеріала. Въ той же области совершенно прекратилось разведеніе гусей, находившееся въ теченіе долгаго времени въ цвѣтущемъ состояніи.



ОГЛАВЛЕНІЕ.

	стр.
ПРЕДИСЛОВІЕ РЕДАКТОРА	3
ПРЕДИСЛОВІЕ АВТОРА	5
I. Исторія современнаго изслѣдованія домашнихъ животныхъ	7
II. Процессъ одомашненія животныхъ во времени	14
III. Явленія приспособленія у домашнихъ животныхъ, какъ слѣдствіе одомашненія	28
IV. Происхожденіе и очаги образованія домашнихъ животныхъ.	38
1. Происхожденіе нашихъ домашнихъ собакъ	40
2. Происхожденіе домашней кошки	59
3. Происхожденіе лошади и осла	63
4. Происхожденіе домашнихъ свиней	70
5. Происхожденіе верблюдоподобныхъ домашнихъ животныхъ	75
6. Происхожденіе домашняго рогатаго скота	79
7. Происхожденіе домашнихъ козъ	90
8. Происхожденіе домашнихъ овецъ	95
9. Новѣйшія млекопитающія	103
a) Сѣверный олень	—
b) Ручной кроликъ	105
10. Происхожденіе домашней курицы и другихъ куриныхъ птицъ домашняго хозяйства	106
11. Происхожденіе домашняго голубя	111
12. Происхожденіе гусей и домашнихъ утокъ	118
V. Заключеніе	122

Б-ка КазГУ
кітапхана қазғы

ОБЩЕДОСТУПНАЯ
ПОПУЛЯРНО-НАУЧНАЯ БИБЛІОТЕКА.

МИѲЫ ВЪ ИСКУССТВѢ СТАРОМЪ И НОВОМЪ.

Съ 285 иллюстраціями.

Цѣна 1 руб. 50 коп., съ перес. 1 руб. 75 коп.

Содержаніе: Дѣтство боговъ Юпитеръ. Юнона. Судьба или рокъ. Сонъ и Смерть. Адъ (Тартаръ). Совѣсть. Нептунъ и его свита. Полифемъ и Галатея. Рѣки. Нимфы. Мореплаваніе. Церера. Аполлонъ. Треножникъ Аполлона. Музы. Орѳей. Стрѣлы Аполлона. Аполлонъ и Эскулапъ. Геліосъ или Солнце. Діана. Кастеръ и Поллуксъ. Вулканъ или Гефестъ. Прометей. Дедалъ. Минерва. Горгоны и Персей. Марсъ. Венера (Афродита). Адонисъ и Граціи. Амуръ (Эротъ). Гермесъ (Меркурій). Панъ. Веста. Вакхъ. Силенъ. Центавры. Рожденіе и воспитаніе Вакха. Геркулесъ. 12 подвиговъ Геркулеса. Другіе подвиги его и апоѳеозъ. Тезей. Начало Троянской войны. Яблоко раздора. Похищеніе Елены. Греческіе цари. Гекторъ. Ахиллесъ. Союзники Пріама. Судьба Трои. Паденіе и разграбленіе Трои. Возвращеніе на родину греческихъ героевъ. Эней и Троянцы. Боги Египта.

ПАЛЕОНТОЛОГІЯ.

Проф. А. Годри. Цѣна 40 коп., съ пересылкой 50 коп.

Оглавленіе: Таблица періодовъ и формацій. Единство одушевленнаго міра. Характерные признаки каждой эпохи. Ископаемый міръ и живущій представляетъ одно цѣлое. Размноженіе существъ. Дифференціація живыхъ существъ. Увеличеніе роста и массы. Прогрессъ активности. Исторія перемѣщенія. Сидячіе полипы, иглокожія, руконогія первичныхъ временъ. Позвоночныя. Прогрессъ чувствительности. Прогрессъ ума.

ПОЭЗІЯ ФЛОРЫ.

Де-Шастенэ. Общедоступная ботаника, съ изображеніемъ и описаніемъ свыше 300 лучшихъ цвѣтущихъ растеній. Для любителей природы. Съ многочисленными рисунками. Цѣна 1 руб., съ перес. 1 руб. 20 коп.

Книга де-Шастенэ отличается особенной точностью описаній, по которымъ можно изучить массу растеній. Она принесетъ громадную пользу каждому, кто захотѣлъ бы изучить живую природу—міръ растеній. Но книга эта не только даетъ знанія, но вдохновляетъ начинающаго ботаника любовью къ растеніямъ. Шагъ за шагомъ слѣдя за пробужденіемъ весенней и лѣтней природы, книга де-Шастенэ является въ то же время однимъ изъ лучшихъ «Календарей флоры .

УМЪ ЖИВОТНЫХЪ.

Изслѣдованіе **д ра Т. Целля.** Цѣна 50 коп., съ перес. 60 коп.

Оглавленіе: Унаслѣдованныя привычки у животныхъ. Бюрократизмъ въ мірѣ животныхъ. Пониманіе причины и слѣдствія въ мірѣ животныхъ. Животныя, живущія въ стадѣ и въ одиночку; добрые и злые отцы въ мірѣ животныхъ. Бѣгающіе хищники и подкрадывающіеся. Обороняющіяся травоядныя и спасающіяся травоядныя. Дѣйствіе чувства собственности у животныхъ. Близорукость или плохое зрѣніе. Главнѣйшія ошибки. Кричащіе цвѣта. Смѣшиваніе со слухомъ. Непозволительныя сравненія съ человѣкомъ. Ночныя и дневныя животныя. Почему хищники боятся огня? Таращеніе глазъ у домашняго скота и антилопъ. Различное вліяніе состоянія природы на животныхъ, основнымъ чувствомъ которыхъ является зрѣніе или обоняніе. Теорія вліянія на чутье животныхъ Iегера. Тропы и тропинки. Почта животныхъ. Почему собака лаетъ на луну? Почему пугаются лошади? Такъ называемыя игрушки нѣкоторыхъ грызуновъ. Животныя, хорошо лазающія, плохо бѣгающія и наоборотъ. Рогатыя животныя и животныя, съ развитыми зубами. Дѣйствіе закона перекрестной симпатіи. Дрессировка животныхъ, обладающихъ чутьемъ.

Полные **НОВЫЕ** каталоги высылаются **немедленно и безплатно.**
Стоимость книгъ и пересылки можно высылать почтовыми марками.

Съ требованіями обращаться въ Книгоиздательство П. П. Сойкина
(С.-Петербургъ, Стремянная, 12, собств. домъ).

Образецъ переплета.

РОСКОШНОЕ ИЛЛ

въ 3-хъ то

большого форма
6 хромолитогра
изображающими
скую. II. Эфіоп
ческую.—IV. Арктическую.—V. Восточную.—VI. Океанскую. Все изданіе отпечатано на веленевой тоновой бумагѣ четкимъ, но убористымъ шрифтомъ.

За научную сторону изданія ручается имя одного изъ лучшихъ отечественныхъ знатоковъ царства животныхъ,

доктора зоологіи

Ордин. профессора,

А. М. Никольскаго,

подъ редакціей котораго сдѣланъ переводъ съ послѣдняго нѣмецкаго подлинника.

ТОМЪ I. **Млекопитающія.** 524 стран. + XII съ 2 хромолит. таблицами и 230 черн. рисунками.

ТОМЪ II. **Птицы.** 324 стран. + XVIII съ 2 хромолит. таблицами и 240 черн. рисунками.

ТОМЪ III. **Пресмыкающіяся. Земноводныя. Рыбы безпозвоночныя.** 460 стр. + XXXIV съ 2 хромолит. таблиц. и 460 черн. рисунками.

КазГУ

НАШЕ ИЗДАНІЕ „ЖИЗНЬ ЖИВОТНЫХЪ БРЭМА“,

по яркости описаній, по художественности языка, полнотѣ свѣдѣній, занимательности разсказа и по массѣ иллюстрацій ***является капитальнымъ произведеніемъ, необходимымъ и доступнымъ для каждой семьи.***

ЦѢНА ЗА 3 ТОМА **6** РУБЛЕЙ

въ роскошныхъ, тисненныхъ красками, переплетахъ **8** руб.

Уч. Ком. Мин. Нар. Пр. **ДОПУЩЕНО** въ учен. библіот. средн. учебн. зав., а также въ безпл. народн. читальни и библіотеки.

Главн. Упр. Военно-учебн. зав. **РЕКОМЕНДОВАНО** для чтенія III—VII кл. кадетск. корп.

тип. п. п. сойкина.